2007099001

И 308/100
ГЕРОИ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ 1877-78
Изданіе В. П. Турбы

ГЕРОИ И ДѢЯТЕЛИ

РУССКО — ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

ГЕРОИ И ДѢЯТЕЛИ

РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

1877—1878 гг.

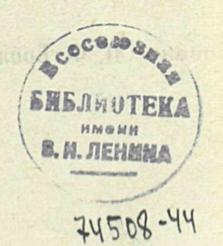
ДВАДЦАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННЫХЪ ПОТРЕТОВЪ СЪ ПОДРОБНЫМИ БIОГРАФIЯМИ И ОПИСАНIЕМЪ ВЫДАЮЩИХСЯ СОБЫТIЙ ВОЙНЫ.

Портреты рисованы: **П. Ф. Брожемъ** и гравированы: **И. Матюшинымъ, Ю. Барановскимъ** и **Ѳ. Герасимовымъ.**

Цѣна 2 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданiе В. Турбы.
1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 января 1878 года.



Типографія (бывшая) А. М. Котомина. У Обуховскаго моста, д. № 93.

Комендантъ Баязетской крѣпости, капитанъ

ѲЕДОРЪ ЭДУАРДОВИЧЪ ШТОКВИЧЪ.

(Рисов. П. Ф. Борель, гравир. И. Матюшинъ).

Капитанъ Ѳ. Э. Штоквичъ

и

23-хъ-дневная оборона Баязетской цитадели.

Мужественная и храбрая оборона баязетской цитадели займетъ, безспорно, одну изъ блестящихъ страницъ современной войны, явившей уже столько необыкновенныхъ подвиговъ отваги и героизма нашего войска. Горсть русскихъ удальцевъ, окруженная многочисленнымъ непріятелемъ, въ теченіи 23-хъ дней отбивалась отъ врага и, не смотря на страшныя лишенія, рѣшилась защищаться до послѣдняго человѣка. Въ этомъ славномъ рѣшеніи, какъ и во всемъ, что было перенесено гарнизономъ цитадели за время обороны, какъ нельзя лучше сказывается глубокое пониманіе русскимъ воиномъ обязанностей, налагаемыхъ на него честью и долгомъ; этимъ же пониманіемъ объясняются и всѣ тѣ чудеса храбрости, которыя были высказаны въ нынѣшнюю войну всѣми, отъ генерала и до солдата. Страницы русской военной исторіи, наполненныя именами безсмертныхъ героевъ, упрочившихъ за русскимъ войскомъ славу неустрашимыхъ защитниковъ отечества, украшены теперь именами новыхъ героевъ, покрывшихъ себя неувядаемою славою; къ числу ихъ принадлежитъ и славный защитникъ баязетской цитадели, капитанъ Ѳедоръ Эдуардовичъ Штоквичъ.

Ѳ. Э. Штоквичъ (Штокфишъ), не смотря на свою нѣмецкую фамилію, представляетъ собою исчезающій типъ стараго кавказскаго офицера. Онъ происходитъ изъ дворянъ Тифлиской губерніи, родился въ 1828 году и православнаго исповѣданія. Его отецъ также прославился подъ стѣнами другой турецкой крѣпости—Карса, въ турецкую кампанію 1828—29 годовъ. Онъ взорвалъ пороховой погребъ, рѣшившій участь крѣпости. Самъ онъ поплатился за свой геройскій подвигъ жизнью: послѣ взрыва нашли лишь его ордена, бывшіе на немъ въ этотъ день; ни тѣла, ни частей его нигдѣ не оказалось... Ѳ. Э. Штоквичъ, получивъ воспитаніе въ тифлиской губернской гимназіи, поступилъ въ военную службу, въ 1847 году унтеръ-

офицеромъ; въ томъ же году былъ переименованъ въ юнкера, а въ 1849 году произведенъ въ прапорщики. Съ этого момента начинается боевая служба Штоквича. Онъ принимаетъ участіе во всѣхъ, болѣе или менѣе крупныхъ, дѣлахъ и стычкахъ на Кавказѣ, въ продолженіи цѣлаго десятилѣтія, до окончательнаго прекращенія военныхъ дѣйствій въ этой отдаленной окраинѣ. За отличіе въ сраженіи подъ Баяндуромъ, 2-го ноября 1853 года, онъ былъ произведенъ въ подпоручики; за отличіе въ сраженіи подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, 19-го ноября 1853 года, награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью: «за храбрость». Затѣмъ Ѳ. Э. Штоквичу пришлось запечатлѣть кровью свое участіе въ достопамятномъ сраженіи при сел. Кюрюкъ-Дара, 24-го іюля 1854 года. Какъ извѣстно, въ этотъ день 20-тысячный александропольскій отрядъ, подъ командою генералъ-лейтенанта кн. Бебутова, разбилъ на голову 60-тысячный турецкій корпусъ. Трофеями нашими были:—15 орудій съ 16-ю зарядными ящиками, 2 знамени, 4 штандарта, 20 значковъ, множество оружія, барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и около 700 палатокъ; кромѣ убитыхъ и раненыхъ, непріятель потерялъ 2,018 плѣнными. Въ этомъ сраженіи Штоквичъ былъ контуженъ осколкомъ гранаты въ правое предплечіе, а также раненъ въ руку пулею на вылетъ. Въ награду за оказанное отличіе онъ былъ произведенъ въ поручики. Слѣдующій чинъ штабсъ-капитана достался ему также за боевое отличіе, въ дѣлѣ подъ ауломъ Веденъ, 10-го марта 1859 года. Онъ участвовалъ также въ послѣдующей экспедиціи, завершившейся взятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля. Второе десятилѣтіе своей службы, Ѳ. Э. Штоквичъ провелъ во фронтѣ, командуя ротою, а съ 1870 до февраля 1875 года служилъ по интендантскому вѣдомству кавказскаго военнаго округа. Въ послѣднее время онъ былъ переведенъ въ тифлискій линейный батальонъ, нынѣ тифлискій мѣстный полкъ, откуда и былъ откомандированъ въ распоряженіе завѣдывающаго эксплоатаціею войскъ, въ какомъ мѣстѣ и застало его назначеніе баязетскимъ комендантомъ. Этимъ назначеніемъ Россія обязана генералъ-маіору кн. Амилахвари, начальнику кавалеріи въ эриванскомъ отрядѣ, одному изъ блестящихъ кавалерійскихъ генераловъ нашей арміи. По взятіи Баязета, когда рѣчь зашла о выборѣ лица для назначенія на должность коменданта, представляющую больше опасности, чѣмъ выгоды, кн. Амилахвари первый указалъ на Штоквича; генералъ Тергукасовъ одобрилъ этотъ выборъ, а Лорисъ-Меликовъ тѣмъ охотнѣе согласился на это назначеніе, что капитанъ Штоквичъ состоялъ при немъ, во время управленія имъ Карсомъ въ прошлую кампанію. Ѳ. Э. Штоквичъ женатъ на дочери маіора кавказскаго линейнаго батальона, Поподжанова.

Передавъ о прошлой службѣ Штоквича всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя были сообщены въ нашихъ газетахъ, переходимъ къ описанію 23-хъ дней обороны баязетской цитадели, обезсмертившей имя славнаго начальника ея. Обстоятельства, заставившія горсть русскаго войска запереться въ цитадели и выдержать осаду, заключались въ слѣдующемъ:

Послѣ перехода 15 апрѣля нашего эриванскаго отряда заграницу, населеніе Курдистана все время, при появленіи нашихъ войскъ, смирено являлось съ изъявленіемъ покорности, непокидало своихъ жилищъ, неугоняло стадъ, вело съ нами торговлю и имѣло свободный доступъ въ нашъ лагерь. Курды завѣряли постоянно, что никогда не начнутъ противъ насъ непріязненныхъ дѣйствій, такъ какъ, будто бы, недовольны турецкимъ правительствомъ; и дѣйствительно, курды вели себя достаточно честно, когда нашъ отрядъ стоялъ почти въ центрѣ Курдистана; но лишь только войска двинулись впередъ, какъ отовсюду стали доходить тревожные слухи о поголовномъ возстаніи противъ насъ курдовъ. Въ началѣ же іюня стало уже положительно извѣстно о громадныхъ скопищахъ курдовъ, присоединившихся къ непріятельскому отряду, задумавшему обложить занятый нами Баязетъ. 4-го іюня явно враждебное къ намъ отношеніе курдовъ выразилось, между прочимъ, въ томъ, что въ этотъ день они напали на стада, принадлежавшія жителямъ Баязета и отбили до 1,000 головъ. Начальникъ отряда, расположеннаго около Баязета, подполковникъ Пацевичъ, узнавъ о перемѣнѣ настроенія курдовъ и о сборѣ ихъ въ шайки и желая узнать силы непріятеля, по слухамъ, двигавшагося къ Баязету, рѣшилъ предпринять 6-го іюня рекогносцировку къ сторонѣ крѣпости Ванъ. Въ видахъ усиленія находящихся въ его распоряженіи войскъ, онъ потребовалъ къ себѣ коменданта Баязета Штоквича и приказалъ ему дать изъ гарнизона одну роту. Штоквичъ воспротивился такому приказанію, указывая на то, что и весь-то гарнизонъ состоялъ изъ двухъ ротъ, изъ которыхъ одна всегда была въ расходѣ, находясь въ караулѣ; но полковникъ Пацевичъ приказалъ ротѣ слѣдовать за нимъ на рекогносцировку.

Отрядъ, подъ начальствомъ полковника Пацевича, выступилъ изъ Баязета въ 5 часовъ утра 6-го іюня. Около 11 часовъ утра въ крѣпости услышали уже перестрѣлку за горой, къ сторонѣ озера Вана, а вскорѣ на гребнѣ горы показались казачьи коноводы, ведшіе лошадей спѣшенныхъ казаковъ; вслѣдъ за коноводами показалась вдругъ густая цѣпь стрѣлковъ-казаковъ, отступавшая чуть не бѣгомъ. Непріятельская конница обхватывала оба фланга отступавшихъ и сначала держалась шагахъ въ 800, а затѣмъ стала насѣдать и уже неодиночными людьми, а цѣлыми массами. Капитанъ Штоквичъ, видя затруднительное положеніе отступавшихъ, вызвалъ

крѣпостной караулъ для прикрытія, и вскорѣ наши войска, отстрѣливаясь, въ порядкѣ вступили въ крѣпость, или вѣрнѣе въ Баязетскую цитадель, для упорной обороны. Съ момента вступленія войскъ въ крѣпость главное начальствованіе надъ ними, согласно существующему военному закону, перешло къ капитану Штоквичу *).

Во время отступленія нашихъ войскъ, когда они шли городомъ, то по нимъ сами курды открыли огонь изъ своихъ домовъ. Стрѣляли даже женщины!... До самой ночи 6-го числа огонь продолжался безпрерывно и внутренній дворъ крѣпости обстрѣливался съ окружающихъ высотъ. Ночью, при заревѣ пожаровъ, гарнизонъ увидѣлъ въ городѣ страшную картину: мусульмане рѣзали армянъ, не разбирая ни пола, ни возраста... Недорѣзанныхъ женщинъ и дѣтей они кидали въ огонь... Отовсюду слышались страшные крики, стоны и рыданія... Солдаты просто плакали, глядя на происходящее... Такія картины повторялись три ночи подъ-рядъ, съ тою разницею, что въ варварствѣ принимали участіе не одни курды, но и регулярная турецкая пѣхота и — что всего ужаснѣе — сами курдинскія женщины!...

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ описанію мужественной защиты цитадели, посмотримъ, что было сдѣлано комендантомъ для приведенія крѣпости въ оборонительное положеніе.

Прежде всего, Штоквичъ приказалъ смотрителю госпиталя, еще 4-го числа, наполнять водою изъ родника всю свободную посуду, какъ-то: бочки, ванны, ладьи, котлы и пр. Вода мѣнялась черезъ два дни. Двумъ ротамъ горнизона приказано было наливать по вечерамъ водою всѣ котелки солдатскіе и выливать воду по утрамъ. Дѣлалось это для запаса па случай, если непріятель отрѣжетъ воду.

Госпитальной командѣ розданы были ружья отъ больныхъ, а 50 человѣкъ пересыльныхъ нижнихъ чиновъ получили изъ склада 12 скорострѣльныхъ турецкихъ ружей съ 60 патронами на каждое, и 38 ружей отъ больныхъ.

Всѣ окна въ домахъ были заложены камнями, оставлены были только узкія бойницы для ружей, а на крѣпостныхъ стѣнахъ наложены изъ кам-

*) Здѣсь кстати будетъ сказать, что подъ командой *капитана* Штоквича къ началу осады оказалось пять штабъ-офицеровъ старшихъ его чинами. Но таковъ уже военный законъ, что комендантъ при осадѣ первое лицо и *всѣ* ему подчиняются. Въ отношеніи къ гарнизону крѣпости и жителямъ, комендантъ осажденной крѣпости получаетъ *права командира отдѣльнаго корпуса*. Права эти тѣже, что и главнокомандующаго, за исключеніемъ права назначать награды за подвиги. Приказанія коменданта исполняются *какъ Высочайшія повелѣнія*. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, комендантъ можетъ окончательно конфирмовать приговоры полеваго суда, даже къ смертной казни, недавая дѣлу направленія въ кассаціонномъ порядкѣ и только, по исполненіи приговора, обязанъ представить подлинное дѣло въ главный военный судъ.

ней закрытія для стрѣлковъ. Для орудій же такое закрытіе сдѣлано изъ мѣшковъ.

Съ 6-го числа, когда непріятель обложилъ крѣпость и когда всѣ войска поступили подъ непосредственное начальство Штоквича, — крѣпость была распредѣлена на участки. Первый и второй дворъ были заняты войсками, при чемъ казакамъ были предоставлены самые опасные пункты, какъ то: всѣ верхнія окна надъ крѣпостными верками, въ мечети и минаретѣ. Кромѣ того, они должны были дать по 6 человѣкъ отъ сотни лучшихъ стрѣлковъ въ помощь караулу надъ воротами. Въ каждомъ дворѣ дежурила одна рота. Всѣ офицеры должны были безотлучно находиться при своихъ частяхъ, расположенныхъ подъ открытымъ небомъ во дворахъ, кромѣ тѣхъ, которые подвергались дѣйствію орудійнаго и ружейнаго огня, и потому укрывались въ казармахъ. Караулы обязаны были смѣняться въ 7 часовъ утра, кромѣ крѣпостныхъ верковъ, гдѣ, во избѣжаніе потерь при скопленіи людей, смѣна назначена когда стемнѣетъ.

6-го числа, по вступленіи въ крѣпость, гарнизонъ состоялъ: изъ 5 штабъ-офицеровъ, 30 оберъ-офицеровъ, 126 унтеръ-офицеровъ и 4,461 рядоваго.

Въ первый день выбало два штабъ-офицера, раненъ тяжело подполковникъ Пацевичъ и убитъ подполковникъ Кавалевскій.

При занятіи войсками цитадели Штоквичъ надѣялся, что черезъ посредство оставшихся въ городѣ армянъ можно будетъ доставать продовольствіе для гарнизона. Турки, очевидно, предъугадывали предположенія коменданта и, предавъ жителей ужасному избіенію, болѣе молодыхъ изъ нихъ отвели въ крѣпость Ванъ; имущество-жъ армянъ было совершенно расхищено и сожжено. Въ виду неизвѣстности продолжительности осады и такъ какъ ни въ одной части войска не было 8-ми дневнаго запаса сухарей, Штоквичъ приказалъ *уменьшить* дачу на 1 фунтъ. Съ 6-го іюня была прекращена также и варка горячей пищи для гарнизона, за исключеніемъ госпиталя, а дача воды опредѣлена по кружкѣ въ день на человѣка. Мѣра эта была принята вслѣдствіе того, что непріятель дѣйствительно *забилъ* родникъ, изъ котораго крѣпость получала воду. Офицеры и чиновники пользовались сухарнымъ и водянымъ довольствіемъ наравнѣ съ солдатами.

На слѣдующій день крѣпостныя ворота были завалены камнями, такъ какъ деревянное полотно воротъ легко пробивалось пулями. Убытыя наканунѣ лошади сброшены съ крѣпостныхъ стѣнъ, а для людей устроены общія могилы въ подвалахъ; по наполненіи двухсаженной (въ глубину) ямы, земля сверху утрамбовывалась.

8-го іюня къ осаждающимъ прибыла артиллерія. Обстрѣлявъ нѣкоторое

время крѣпость, турки бросились на штурмъ, но были встрѣчены такъ твердо, что въ концу 2-го часа, должны были отступить па разстояніе дальняго выстрѣла, и наши орудія перешли отъ картечи къ гранатамъ. Турки оставили подъ стѣнами до 300 тѣлъ, унеся съ собою также не малое число. Двѣ ночи подъ-рядъ они порывались подобрать своихъ убитыхъ, но каждый разъ оставляли только новыя жертвы. Наконецъ, на 3-й день, вслѣдствіе наступившихъ жаровъ и развившаго гніенія, заражавшаго воздухъ, комендантъ послалъ письмо, въ которомъ обѣщалъ не стрѣлять при уборкѣ тѣлъ. Съ 9 числа порція воды уменьшилась до $^1/_2$ *крышки* въ день, не смотря на то, что усилившаяся жара вызывала необычайную жажду. Такъ какъ запасъ воды уже приходилъ къ концу, то собранный военный совѣтъ рѣшилъ сдѣлать ночью траншею или углубленную дорогу, до оврага, гдѣ протекаетъ ручей, въ 300 шагахъ отъ крѣпости. Для этого въ прикрытіе рабочимъ было назначено 25 казаковъ, а команда для носки воды получила деревянныя ведры и бурдюки, вообще такую погоду, которая не производила бы шума. Съ этою цѣлью желѣзныя ведра давались только по одному на человѣка, а солдатскіе котелки были строго запрещены. Не смотря однако на всѣ принятыя мѣры предосторожности, рабочіе все таки произвели такой шумъ, что привлекли вниманіе турокъ, которые открыли огонь изъ домовъ и тѣмъ заставили прекратить носку воды.

10-го числа запасъ воды въ госпиталѣ изсякъ, и съ этого времени больные и раненные стали получать воду изъ общаго запаса, по 1 крышкѣ утромъ и вечеромъ.

Дача сухарей уменьшена на $^1/_2$ фунта.

Ночью снова попытались сдѣлать вылазку за водой и снова неудачно. Поэтому на другой день военный совѣтъ рѣшилъ сдѣлать дневную вылазку въ 5 часовъ вечера, чтобы выбить непріятеля изъ ближайшихъ къ ручью домовъ и кстати узнать: куда дѣвались главныя силы его, неподающія о себѣ два дня никакихъ признаковъ и даже прекратившія орудійный огонь. Непріятель никакъ неожидалъ, чтобы осажденные рѣшились сдѣлать вылазку среди бѣлаго дня, а потому вылазка удалась блистательнымъ образомъ: засѣвшія въ домахъ были истреблены и рабочіе спокойно набрали воды.

Въ госпиталѣ насталъ праздникъ: было изъ чего варить «горячее» и даже хватило воды на печеніе хлѣба. Сухари однакоже были на исходѣ, а потому съ 15-го числа порція уменьшилась до $^1/_4$ *фунта*. 16-го числа умеръ подполковникъ Пацевичъ.—17-го числа Штоквичъ издалъ слѣдующій приказъ:

«Для сбереженія запаса сухарей на болѣе продолжительное время, единовременно съ вылазкою за водой, назначить по нѣсколько человѣкъ отъ

каждой части для принесенія изъ оставленныхъ жителями домовъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, а потому обыкновенное прикрытіе изъ двадцати пяти человѣкъ увеличить до пятидесяти.»

Вылазка оправдала надежды, а потому въ дневномъ приказѣ Штоквича было объявлено: «дача сухарей по сей день отмѣняется. Нижнимъ чинамъ варить горячую пищу изъ принесенныхъ припасовъ». Приказъ оканчивался словами: «сего числа повторить вылазку, съ цѣлью добыть съѣстныхъ припасовъ.» И на этотъ разъ фуражировка была совершена удачно, а потому въ приказѣ 19-го числа дача сухарей была отмѣнена и люди варили «горячее».

Въ этотъ день фуражиры были встрѣчены огнемъ турецкихъ стрѣлковъ и воротились почти ни съ чѣмъ. Но такъ какъ въ предъидущія счастливыя вылазки былъ сдѣланъ порядочный запасъ, то и на 20-е число сухарей невыдавалось. Съ этихъ поръ турки стали зорко сторожить наши вылазки и каждый разъ къ 5 часамъ были уже на готовѣ. 20-го числа они отбили нашу вылазку въ самомъ началѣ, а потому на другой день гарнизону было выдано всего по $^1/_8$ фунта, или по *4 лота сухарей* въ день на человѣка.

Больные, впрочемъ, и на этотъ разъ получили горячую пищу. Аптекарская порція сухарей, выданная гарнизону 21-го іюня, была, впрочемъ, приправлена радостною вѣстію: было получено сообщеніе отъ начальника штаба Эриванскаго штаба о спѣшащей къ Баязету выручкѣ, которая должна была прійти не позже 22-го числа.

Но наступило и 22-е число, а выручки нѣтъ какъ нѣтъ и выстрѣловъ не слышно. Попробовали-было сдѣлать вылазку—отбита... На слѣдующій день, 23-го числа, появляется обычнымъ порядкомъ коротенькій приказъ по гарнизону: «По случаю неудавшейся вылазки за водой, выдать больнымъ по крышкѣ воды,—а на остальной гарнизонъ, по четверти крышки».

Жара, тѣмъ временемъ, стоитъ нестерпимая!

— Вотъ, братъ—подшучиваетъ надъ собственнымъ горемъ какой нибудь солдатикъ:—не разстарался вчерась, теперь и получай черезъ день по ложкѣ. Какъ нарочно 24-го числа появляется приказъ: «По случаю неудавшейся вчерашняго числа вылазки за водой — выдать больнымъ по крышкѣ воды, а остальнымъ *по ложкѣ*».

— Типунъ-бы тебѣ на языкъ: ишь напророчилъ, — бранятъ вчерашняго балагура.

Турки, вполнѣ убѣжденные, что гарнизонъ крѣпости, рано или поздно долженъ будетъ сдаться, съ каждымъ днемъ усиливали свой надзоръ. Но видя, что русскимъ впервое время удалось сдѣлать нѣсколько удачныхъ

вылазокъ, рѣшились заставить сдаться голодомъ. Съ этою цѣлью непріятель увеличилъ свою стражу и дѣйствительно отбилъ нѣсколько вылазокъ. Полагая, что гарнизонъ уже умираетъ съ голоду, со стороны турокъ являлся въ крѣпость нѣсколько разъ сынъ Шамиля и уговаривалъ капитана Штоквича сдаться, представляя всю безуспѣшность защиты. Въ одно изъ такихъ свиданій Штоквичъ нашелся.

Неужели, сказалъ Штоквичъ, вашъ батюшка никогда вамъ не говорилъ, что русскіе не сдаютъ крѣпостей, а сами берутъ.

Послѣ этого отвѣта Шамиль уже не ѣздилъ на свиданіе и пересталъ писать письма, которыя присылались имъ чуть не ежедневно. Вотъ полученныя Штоквичемъ письменныя предложенія, безъ измѣненія ихъ орфографіи.

«Севодня, пишетъ Шамиль,—мы присланы сдѣсь изъ порученія правительства и народнаго совѣта для увѣренія васъ что въ моей личности можетъ сложить оружіе и увѣряю васъ что вся ваша личность будетъ убезпечена и прежни поступокъ здѣшнихъ курдовъ правительства строго поискиваетъ и въ породъ ничего подобнаго неповторится и я всѣ мои средства употреблю васъ честно сохранитъ отъ всѣхъ худыхъ послѣдствій если хотитѣ для переговора за утра пришлю моего родственника собственнаго Его Величества конвоя отставной ротмистръ Дауднова въ обявить свое желаніе заутра въ 7 часовъ утра.»

«Генералъ-Лейтенантъ Свиты Его Величества султана *Шамиль*»

На это письмо отъ 9-го іюня комендантъ отвѣчалъ письменно только позволеніемъ убрать мертвыя тѣла, оставшіеся послѣ штурма.—24-го іюня Штоквичъ получилъ новое письмо, слѣдующаго содержанія:

«Отъ Главнаго Командира распоряженіе прислано еще разъ обратиться къ Вамъ если оружіе сложитѣ мирно безбѣтъ Вамъ всѣмъ честно по чинамъ забезпечено всѣ Ваши желаніе. Вѣроятно Вамъ извѣстно что не получетѣ никакой помощи напрасно время непроводитѣ мы знаемъ ваши положенія, послѣ этого увѣряемъ васъ что неостанется ни однаго и послѣдствіе будетъ зависить отъ Васъ, ожидаемъ отъ васъ свѣденія до вечера

«Находящійся въ этой минутѣ и присланы для вашего забезпеченія

«Полякъ Маіоръ І. Комеръ» 24 іюня 1877 г.

Въ отвѣтъ на это письмо былъ посланъ только поклонъ Шейхъ-Али пашѣ. Вскорѣ было получено новое письмо:

«24 іюня 1877 г.

«Командующему въ Баязетской крѣпости.

«На посланное вамъ письмо до сихъ поръ никакаго отвѣта не получено, во время прежняго переговора я самъ здѣсь пріѣхалъ пузнавъ о вашемъ положеніе, и находящееся съ вами женщины тронуты человѣ-

ческимъ чувствомъ предлагаю вамъ изъ моей стороны во время сложенія оружія содержаніе всѣхъ человѣческихъ условій и въ томъ нетолько изъ стороны правительства но и отъ себя честнымъ моимъ словомъ увѣряю— время до завтра утра 7 часовъ извѣстія ожидаю.

Генералъ Губернаторъ Ерзерумскаго
Виляята и Г. Командиръ *Исмаилъ-паша.*»

Въ отвѣтъ Штоквичъ снова послалъ поклонъ Шейхъ-Али-пашѣ. Турки очевидно не могли успокоиться и черезъ нѣкоторое время прислали слѣдующее посланіе:

«Хотя нихотитѣ никакихъ условій однако моя обязанность, еще разъ обращаюсь вамъ напрасно не ожидайте отъ своихъ ничего теперь — а я имѣю распоряженіе васъ увѣрить отъ правительства турецкаго что вся вѣжливость будетъ сохранена

Ахмедъ»

Вмѣсто отвѣта, Штоквичъ *велѣлъ повѣсить* переговорщика, такъ какъ онъ оказался нашимъ лазутчикомъ, служившимъ на жалованьи у прежняго коменданта, подполковника Ковалевскаго.—Но переходимъ къ описанію положенія гарнизона, его больныхъ и раненыхъ. Для послѣднихъ насталъ «великій постъ»: по недостатку воды не на чемъ было замѣсить хлѣба, а потому 24 числа больнымъ было отпущено 1/4 фунта сухарей. Понятно, само-собою, что если ужь больные получаютъ по 1/4 фунта, то гарнизону значитъ во все ничего неприходится... Дѣйствительно, въ приказѣ Штоквича было сказано: «а для продовольствія гарнизона *зарѣзать мою* и исправляющаго должность плацъ-адъютанта *поручика Ягнотковскаго лошадей*, такъ какъ оставшееся небольшое количество сухарей необходимо для больныхъ.»

Люди пріуныли: конина безъ всякой приправы и даже безъ черстваго сухаря—совсѣмъ необычное для русскаго блюдо!

Комендантъ счелъ нужнымъ пріободрить людей и заключилъ серію приказовъ 24-го числа слѣдующемъ воззваніемъ:

«Баязетскіе герои! Вы достойны этого названія, потому что до сихъ поръ твердо и безропотно переносите всѣ лишенія, кои вы претерпѣваете, будучи заключены въ эту крѣпость. Крѣпитесь, друзья, *крѣпитесь на будущія лишенія: предстоятъ еще большія*; притомъ, не теряйте надежды на освобожденіе; будьте увѣрены, что къ намъ спѣшатъ на выручку, но что непредвидѣнныя обстоятельства задерживаютъ нашихъ освободителей. *Во всякомъ случаѣ, помните, что присяга, законъ, долгъ, честь и слава нашего Отечества требуютъ отъ насъ умереть на этомъ посту, что мы и сдѣлаемъ*, а не поддадимся на всѣ ухищренія нашего против-

ника, предлагающаго намъ ежедневно сдаться на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Помните, друзья, что Богъ насъ видитъ и ведемъ-то мы войну, защищая послѣдователей его; а потому Онъ насъ неоставитъ.»

Это простое, идущее къ сердцу слово, пробудило гарнизонъ, который къ тому же былъ обрадованъ нежданнымъ счастьемъ: ночью выпалъ вдругъ проливной дождь, какъ будто для того, чтобы было чѣмъ «вспрыснуть» копицу... Такою неожиданною благодатью гарнизонъ конечно воспользовался, всѣ набрали воды во все, во что только было возможно, даже въ сапоги; поэтому на 25-е число велѣно госпиталю варить горячую пищу и выдать по $1/4$ фунта сухарей, а гарнизону на каждую роту и сотню дать по $1^1/_2$ пуда *ячменя*, который столочь и сварить. Кромѣ того приказано зарѣзать одну изъ оставшихся въ живыхъ 4-хъ артиллерійскихъ лошадей.

Вылазки за водой въ этотъ день уже не дѣлалось. Предлагалось усыпить бдительность турокъ. Послѣдніе, между тѣмъ, не удовольствовавшихъ категорическимъ отвѣтомъ на послѣднее посланіе и прислали Штоквичу новое письмо:

«Вчера, пишетъ въ этомъ письмѣ Шамиль, я вамъ забылъ извѣстить о положеніи закавказскаго войска ге: Лорисъ-Меликовъ имѣя желаніе свои войска соединить изъ генераломъ Терхухасовымъ въ Ерзерумъ, будучи побиты въ сраженіи Сованлы дагъ вернулся назадъ и одступилъ отъ Карса — какъ Г. Тергухасовъ будучи въ несколько сраженіи побѣденъ съ потерою около семи тысячи. въ среду перешелъ границу—остались только вы въ этой крѣпости, потому я обращаюсь къ вамъ изъ чувствомъ чисто человѣческимъ чтобы васъ избавить отъ очевидной потери и потому этое извѣстіе вамъ посылаю какъ съ тѣмъ и моего родственника ротмистра Даудова для словесаго переговора и вашего забезспеченія еще разъ совѣтую вамъ напрасно не продолжайте времени и присылайтѣ свое условіе или каво-нибудь для переговора.

«Генералъ-Лейтенантъ Его Величества
Султана *Шамиль*»

25 іюня 1877 г. Баязытъ.

Отвѣчено поклономъ пашѣ съ просьбою о насъ небеспокоиться. Но такъ какъ турки продолжали бомбардировать письмами, то въ послѣднемъ отвѣтѣ Штоквичъ прибавилъ:

«Если вы такъ сильно желаете взять крѣпость—берите насъ силою. Русскіе живыми не сдаются. По первому же высланному переговорщику прикажу стрѣлять».

Съ тѣхъ поръ предложенія о сдачѣ больше уже не присылалось.

26-го числа въ части гарнизона выдано было только по одному пуду

ячменя для горячей пищи и дана еще одна артиллерійская лошадь. Для пополненія запаса воды рѣшено сдѣлать вылазку не въ обычный часъ, а въ 11 часовъ, въ видахъ неожиданности для непріятеля.

Вылазка удалась, а потому на 27 число гарнизонъ имѣлъ горячую пищу; но такъ какъ лошадей кормить было нечѣмъ, ибо ячмень поѣли люди, то обѣ, оставшіяся въ живыхъ лошади были зарѣзаны и мясо приказано не варить, а жарить, чтобы сохранить воду для питья. Каждая капля воды стоила крови и потому надобно было по возможности соблюдать экономію. Каждая вылазка обходилась въ 5 и до 20 человѣкъ убитыми и ранеными. Вода, употребляемая въ первый день, имѣла особый непріятный вкусъ, а на другой день уже портилась и отдавала мертвечиной. Наши никакъ не могли отгадать причину и только по освобожденіи своемъ открыли секретъ: турки положили поперекъ ручья, въ разныхъ разстояніяхъ, нѣсколько мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ и нѣсколько штукъ падали. Это равносильно отравленію воды и припасовъ, и противорѣчитъ, конечно, простому чувству человѣколюбія и международному праву.

27-го числа гарнизонъ повторилъ вылазку также въ 11 часовъ ночи, и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что турки были отвлечены въ противуположную сторону: отъ русской границы шла выручка. Это былъ отрядъ доблестнаго генерала Тергукасова, хитро выбравшагося изъ западни и сдѣлавшаго порядочный крюкъ, чтобы безпрепятственно дойти до Баязета.

Для полной характеристики мужественной осады, выдержанной храбрыми защитниками баязетской цитадели, нельзя не привести то мѣсто изъ рапорта Штоквича, въ которомъ онъ описываетъ оборону.

Всѣ дни осады, говоритъ Штоквичъ, были похожи одинъ на другой. Цѣлый день съ высотъ, окружающихъ крѣпость съ трехъ сторонъ, сыпались пули, а съ 8-го іюня загремѣли и пушки: непріятель посылалъ къ намъ ежедневно отъ 40 до 80 снарядовъ... Впрочемъ до 12-го числа, т. е. первые четыре дня бомбардированія, дѣйствовали только горныя орудія, а во все остальное время—6-фунтовыя полевыя. Сначала турки никакъ не могли выбрать для своихъ горныхъ пушекъ удобной позиціи, такъ какъ наша артиллерія громила ихъ весьма мѣтко и турецкія пушки кочевали съ мѣста на мѣсто. Но когда къ нимъ подвезли полевую пушку, то, благодаря большой ея дальности, позиціи ихъ стали постоянными. Это были 3 высоты съ трехъ сторонъ крѣпости. Передній фронтъ крѣпости обстрѣливали одна 6-фунтовая полевая и одна горныя пушки, а на боковыхъ высотахъ поставлено было по одной горной.

Болѣе всего вредила, конечно, полевая пушка, но въ нее ни откуда нельзя было направить ни одной нашей. Наконецъ, Штоквичъ придумалъ

втащить пушку въ верхній этажъ одного изъ домовъ, откуда видна была въ окно непріятельская батарея. Пушку сняли съ лафета, съ лафета сняли колеса и, такимъ образомъ, втащили всю махину на верхъ; а чтобы при выстрѣлахъ непровалился полъ, сдѣланы были въ нижней комнатѣ частыя подпорки.

— Ну-ка, полѣзай старушка, на печь,—шутили солдаты.

— Закашляла наша старушка, радостно привѣтствовали они первые ея выстрѣлы. Нѣсколько разъ «старушка» усмиряла турецкую полевую пушку и та прекращала огонь. За то, когда, исправивъ поврежденія въ насыпи или пополнивъ перебитую прислугу, турецкая батарея снова начинала «буянить»,—солдатики утѣшались.

— Постой-ка, вотъ кашлянетъ наша «старушка» такъ тебѣ Османъ, не поздоровится!

Это орудіе, впрочемъ, и само было нѣсколько попорчено непріятельской гранатой и даже чуть не было вовсе подбито.

Ежедневно, по сигналу, турки открывали съ высотъ и съ городскихъ домовъ жесточайшую канонаду. Во дворы крѣпости, во всѣ окна и отверстія сыпался, положительно, градъ пуль. Это дѣлалось, какъ видно, съ цѣлію снести нашихъ стрѣлковъ со стѣнъ и тѣмъ избавить прислугу своихъ орудій отъ потерь. По прекращеніи кононады, поддерживали только ружейный огонь по выходамъ изъ крѣпости. Огонь не прекращался и ночью, чтобъ недопустить вылазокъ. Обстрѣливались два главныхъ выхода. Къ непріятельскимъ гранатамъ наши привыкли весьма скоро. Рѣзко взвизганетъ надъ ухомъ граната, обдастъ горячимъ вѣтромъ, а солдатъ улыбнется во все свое исхудалое лицо.

— Что мимо, то спасибо—приговариваетъ онъ.

Положеніе больныхъ и раненыхъ было самое жалкое: по недостаточности помѣщенія, которое съ первыхъ же дней пришлось дѣлить съ массой прибылыхъ раненыхъ 6-го числа —тѣснота была страшная. Къ этому еще недостатокъ воды и потому невозможность имѣть иногда горячую пищу, а главное — невозможность промывать раны. Бинты перемѣнялись рѣже, чѣмъ бы слѣдовало, такъ какъ мыть ихъ было не въ чемъ. Несмотря на это, заботливостью старшаго доктора Савицкаго и младшаго Китаевскаго, за все время, гангрена развилась только у четырехъ человѣкъ. За больными и ранеными ухаживала единственная женщина, находившаяся въ цитаделѣ—жена убитаго подполковника Ковалевскаго; лишившись мужа, она посвятила себя уходу за больными и ранеными и испытала всю тяжесть 23-хъ дневной осады.

Наконецъ, 28-го іюня, выручка вступила въ крѣпость. Комендантъ

Штоквичъ обставилъ это нѣкоторою торжественностью: около флага было выставлено знамя 2-го батальона 74 пѣхотн. полка и значки всѣхъ казачьихъ сотенъ. Всѣ части, оборонявшія второй дворъ, выстроились на крѣпостныхъ веркахъ. Около флага люди пропѣли «Боже, Царя храни» и грянули «ура!»

За все время осады выбыло изъ строя: *убитыми*: 2 штабъ-офицера, 9 унтеръ-офицеровъ и 108 рядовыхъ. *Ранеными*: 8 оберъ-офицеровъ, 17 унтеръ-офицеровъ и 142 рядовыхъ. *Итого* 10 штабъ-и оберъ офицеровъ и 276 нижнихъ чиновъ.

Страшно было видѣть исхудалый, блѣдный и изнеможженный гарнизонъ, когда онъ вышелъ изъ цитадели! Но скоро эти герои поправили свои силы; мы не станемъ говорить здѣсь о тѣхъ оваціяхъ, съ которыми были встрѣчены эти мужественные борцы; газеты въ свое время были наполнены описаніями встрѣчъ, угощеній и наградъ, полученныхъ нашими героями.

Долгое время неизвѣстно было какъ Ѳедоръ Эдуардовичъ Штоквичъ былъ награжденъ за свой подвигъ. Недавно газеты сообщили, что онъ былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, пожизненной пенсіей въ 800 руб. и кромѣ того, воспитаніе всѣхъ дѣтей его принято на счетъ казны.

Капитанъ 2-го ранга Н. М. Барановъ,

и

бой парохода „Весты“ съ турецкимъ броненосцемъ.

Знаменитый бой русскаго парохода «Весты», подъ начальствомъ Н. М. Баранова, еще разъ доказалъ изумленной Европѣ, что русскіе моряки, и безъ броненосцевъ могутъ одерживать блестящія побѣды. Первые славные подвиги нашихъ моряковъ на Дунаѣ заставили турецкихъ броненосцевъ бояться встрѣчи съ русскими миноносками, пустившими ко дну двухъ большихъ мониторовъ. Послѣ-же боя «Весты» турецкіе мореплаватели убѣдились во очію, что ихъ громадныя, хорошо вооруженныя суда ничѣмъ не обезпечены отъ участи своихъ погибшихъ товарищей и что русскіе моряки, имѣющіе въ своемъ распоряженіи лишь деревянные пароходы, не только осмѣливаются вступать въ битву съ грозными броненосцами, но и одерживаютъ побѣды. Это горькое убѣжденіе заставило турецкій флотъ держаться подальше отъ береговъ Чернаго моря и убѣгать каждый разъ, какъ вдали замѣчался какой-либо русскій пароходъ.

У насъ на Черномъ морѣ, какъ извѣстно, нѣтъ еще флота, но за то мы имѣемъ такихъ моряковъ, которые уже во время кампаніи нашли для себя суда, на которыхъ и сражаются съ турецкими броненосцами. Такими судами явились пароходы Русскаго Общества пароходства и торговли; прежде они были исключительно приспособлены для коммерческихъ цѣлей; со времени же объявленіи войны эти торговые судна были пріобрѣтены морскимъ министерствомъ и обращены въ военные пароходы. Таковы пароходы «Константинъ», «Владиміръ» и «Аргонавтъ». Къ числу послѣднихъ судовъ относится и пароходъ «Веста»; онъ былъ пріобрѣтенъ казною и вооруженъ въ Николаевѣ. Пароходъ „Веста“—въ 800 тоннъ, обыкновенный желѣзный винтовой пароходъ, имѣющій стѣнки толщиною менѣе одного дюйма.

Командиръ парохода „Весты“: флигель-адъютантъ, капитанъ 2-го ранга

Н. М. БАРАНОВЪ.

(Рисовалъ П. Ф. Борель, гравир. И. Матюшинъ).

Команда парохода „Весты" была составлена изъ охотниковъ-моряковъ Черноморскаго и Балтiйскаго флотовъ. Въ числѣ команды находились три волонтера. Говорятъ, что записавшихся въ числѣ охотниковъ парохода „Весты" было много, но выбраны лишь нѣкоторые.

Командиромъ „Весты" былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ Николай Михайловичъ Барановъ, одинъ изъ тѣхъ теоретиковъ-моряковъ, которые не признаютъ громаднаго значенiя за броненоснымъ флотомъ. Старшимъ офицеромъ на пароходѣ былъ лейтенантъ Вл. Плат. Перелешинъ, а завѣдывающимъ миноноснымъ катеромъ—лейтенантъ М. Плат. Перелешинъ.

Вооруженiе «Весты» состояло, преимущественно, изъ девяти-фунтовыхъ мортиръ пяти шести-дюймовыхъ мортиръ, двухъ скорострѣльныхъ орудiй системы Энгстрема, изъ вновь изобрѣтеннаго прибора для автоматической стрѣльбы, посредствомъ соединительныхъ электрическихъ токовъ, и изъ митральезы. Какъ митральеза, такъ и вновь изобрѣтенный приборъ во время боя бездѣйствовали, вслѣдствiе того, что митральеза, находившаяся на борту судна могла имѣть значенiе только тогда, когда судно абордируется катерами; вновь же изобрѣтенный приборъ былъ попорченъ при самомъ началѣ боя. Что касается орудiй, то они были разставлены на носу и на кормѣ. Само собою разумѣется, что такое вооруженiе, сравнительно съ вооруженiемъ большаго броненосца, не только незначительно, но даже и просто микроскопично.

Одно небольшое четырехъ-фунтовое ядро, пущенное изъ непрiятельскаго судна, могло уже повредить пароходъ «Весту»; снарядъ же изъ одиннадцати-дюймоваго орудiя, которыми обыкновенно вооружены турецкiе броненосцы, могъ весьма легко пробить «Весту» насквозь. Вся команда «Весты» состояла изъ 150 человѣкъ.

Еще за недѣлю до боя 11-го iюля, «Веста», вмѣстѣ съ другими пароходами-крейсерами, вышла въ морѣ, но, дня черезъ два, вернулась въ Одессу, не встрѣтивъ непрiятеля.

Наконецъ, командиръ «Весты» получилъ разрѣшенiе отправиться въ морѣ особнякомъ, но съ условiемъ, оставаться на немъ не болѣе шести дней. Сдѣлавъ запасы угля, «Веста» 10-го iюля вышла изъ Одессы въ море и на другой день, близь турецкаго порта Кюстенджи, замѣтила полосу черного дыма. Немедленно командиръ «Весты» взялъ по направленiю этой черной полосы и черезъ нѣсколько минутъ передъ глазами моряковъ ясно обрисовался корпусъ судна. Но какое это было судно,—никто не могъ рѣшить: одни говорили, что это пароходъ-фрегатъ, а другiе утверждали—броненосецъ. Судно шло на встрѣчу «Вестѣ» на всѣхъ парахъ. Командиръ «Весты» тоже далъ полный ходъ своему пароходу; оба судна

съ усиленнымъ ходомъ шли на встрѣчу и вскорѣ было замѣчено, что то былъ сильный турецкій броненосецъ, который вскорѣ, поднявъ флагъ, выстрѣлилъ по пароходу «Веста» изъ орудія большаго калибра. Тогда на «Вестѣ» былъ поднятъ русскій флагъ, а съ капитанской вышки раздалась команда.

— Къ оружію готовься!

На пароходѣ всѣ встрепенулись и заняли свои мѣста.

Изъ боковыхъ орудій парохода раздался залпъ; но залпъ этотъ оказался безвреднымъ, ибо оба судна въ эти минуты неслись на встрѣчу одинъ другому.

— Право, на бортъ! послышалась команда капитана, и «Веста» тотчасъ же повернулась кормою къ непріятелю, который въ это время сдѣлалъ новый выстрѣлъ.

На эти первые выстрѣлы врага громкое «ура!» раздалось на пароходѣ «Веста». Противники сблизились. Ихъ раздѣляло разстояніе трехъ кабельтовъ, т. е. триста сажень. Начался отчаянный артиллерійскій бой на морѣ.

Броненосецъ дѣлалъ залпъ въ 128 пудовъ, между тѣмъ бывшій грузовой коммерческій пароходъ «Веста», вооруженный, сравнительно съ броненосцемъ, легкими орудіями, отвѣчалъ залпомъ всего лишь въ 12 пудовъ. На турецкомъ броненосцѣ были опытные моряки—англичане, которые были настолько нахальны, что даже во время битвы позволяли себѣ командовать въ военной англійской формѣ. На пароходѣ «Вестѣ» были молодые русскіе моряки, которые, быть можетъ, были менѣе опытны въ морскомъ дѣлѣ, но за то своимъ героизмомъ могли поспорить со всѣми моряками Стараго и Новаго свѣта. Что дѣйствительно на турецкомъ броненосцѣ командовали англійскіе офицеры, то это извѣстно теперь достаточно хорошо, такъ какъ и сами участники боя, матросы, прямо говорили:

— Кабы съ туркомъ было наше дѣло, ну, съ нимъ бы мы въ полчаса управились, а то, вѣдь, какъ есть англичанинъ! Фески ни одной на людяхъ не видать, а все бѣлыя шапочки съ англійскими козырьками. Да и опять гг. офицеры по картинкамъ смотрѣли, такъ у турка такого броненосца вовсе и не имѣется. Ширина словно печь, только большому колесному пароходу въ пору, а онъ двухмачтовый, башенный да казематный, вотъ ты тутъ и тягайся съ нимъ! А что не съ туркомъ, а съ англичаниномъ мы имѣли дѣло, такъ это, Боже мой, вотъ какъ вѣрно!

Во время боя полковникъ морской артиллеріи, Черновъ съ неподражаемымъ мужествомъ дѣлавшій наблюденія за стрѣльбой и распоряжавшійся огнемъ кормовыхъ орудій, вдругъ быстро взбѣжалъ на мостикъ, гдѣ

находился командиръ Барановъ и шопотомъ передалъ послѣднему, что роль его, какъ управляющаго приборомъ для автоматической стрѣльбы кончается; непріятель такъ близко приближается къ намъ, что эти аппараты хотя и дѣйствуютъ прекрасно, но болѣе помочь намъ не могутъ. Барановъ поручилъ тогда Чернову попробовать сдѣлать еще сосредоточенный залпъ. Этотъ залпъ сошелся съ непріятельскимъ, нанесшимъ намъ первый и страшный ударъ. Снаряды турецкаго броненосца ударили въ корму: капитанскій вельботъ разлетѣлся въ щепы, верхняя палуба была пробита, а одна бомба лопнула частью въ жилой, а частью на верхней палубѣ. Внизу эта бомба произвела пожаръ, который грозилъ страшнымъ взрывомъ, такъ какъ загорѣлось подлѣ крюйтъ-камеры, гдѣ хранится порохъ. На верхней же палубѣ разрывъ ея былъ ужасенъ: онъ залилъ палубу кровью, уничтожилъ одну изъ мортиръ и, перебивши всѣ проводники автоматическаго аппарата, положилъ на мѣстѣ полковника Чернова и прапорщика Яковлева. Когда упалъ Черновъ онъ весь былъ залитъ кровью; осколкомъ бомбы ему отъ лѣваго паха своротило всю брюшную полость: «сердце было видать»—разсказывалъ одинъ матросъ.

Не смотря на такую ужасную и безусловно смертельную рану, Черновъ въ продолженіи нѣсколькихъ мгновеній еще жилъ. Онъ даже поднялся на ноги, обнялъ близъ стоящаго матроса, затѣмъ снова упалъ, успѣвъ сказать:

— Прощайте!... На кормѣ не забудьте..... Заряжено.... дѣйствуйте!...

Съ этими словами онъ и умеръ.

Тоже самое повторилось и съ молодымъ прапорщикомъ Яковлевымъ. Этотъ несчастный былъ буквально засыпанъ и разсѣченъ по всѣмъ направленіямъ картечью. На его тѣлѣ было насчитано двадцать девять ранъ. Не смотря на это, и онъ успѣлъ сказать свое послѣднее слово:

— Братцы, въ карманѣ у меня разрывныя трубки, пригодятся!— проговорилъ Яковлевъ умирая.

Вторая попавшая бомба разразилась съ такимъ же убійственными послѣдствіями, какъ и первая. Она также повредила одно орудіе и скосила не мало жертвъ. Опять полетѣли въ разныя стороны брызги мозга и крови, опять наповалъ уложила нѣсколько человѣкъ матросовъ. Изъ офицеровъ на этотъ разъ погибъ лейтенантъ Перелешинъ. Въ ту минуту, когда разорвало бомбу, онъ находился со своей командой у миноноснаго катера, который снаряжалъ, такъ какъ его приказано было приготовить на всякій случай. Осколокъ бомбы, между прочимъ попалъ Перелешину въ руку и раздробилъ кость въ пяти мѣстахъ. Несмотря на страшныя нечеловѣческія муки, онъ остался въ полномъ сознаніи и, лежа въ каютѣ своего

брата, старшаго офицера, все время продолжалъ справляться о ходѣ сраженія и снаряженія катера, которымъ завѣдывалъ.

Вскорѣ, потушенный внутри парохода пожаръ снова возобновился, когда разорвало новую бомбу, но и во второй разъ, какъ и въ первый, онъ былъ потушенъ своевременно. А раненые и убитые, между тѣмъ, все прибывали; ихъ сносили въ каютъ-компанію, гдѣ устроили лазаретъ. Молодой докторъ Франковскій едва успѣвалъ сносить раненыхъ и перевязывать имъ раны. Лейтенантъ Перелешинъ три часа оставался безъ перевязки, ожидая своей очереди.

Бой, между тѣмъ все продолжался и становился все упорнѣе, все отчаяннѣе.

Бывали минуты, когда турецкій броненосецъ, дѣлая 13½ узловъ, почти нагонялъ «Весту», шедшую со скоростью всего 11 узловъ; между ними оставалось пространство менѣе, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Тогда командиръ парохода, Барановъ, все время не сходившій съ своего возвышеннаго мостика, вызывалъ къ борту стрѣлковъ и они давали ружейный залпъ по непріятелю. Но и бой турецкихъ ружей не уступалъ нашимъ и на разстояніи 600—800 саженей турки посылали залпъ за залпомъ изъ ружей, оставившіе слѣды на пароходѣ. Видя безвредность огня изъ ружей, Барановъ употреблялъ свои только тогда, когда турокъ нагналъ «Весту» такъ, что между суднами оставалось не болѣе 350—400 саженей. Въ это время Барановъ ясно видѣлъ красныя фески въ амбразурахъ орудій, одну феску на мостикѣ подлѣ какого-то зеркальнаго инструмента, наводившагося на пароходъ и управлявшагося нѣсколькими лицами въ европейскихъ костюмахъ, синяго цвѣта. Баранову сильно хотѣлось сбить этотъ инструментъ и европейскія фуражки и онъ объявилъ тремъ лучшимъ стрѣлкамъ и командиру энгстремовскаго орудія премію за исполненіе его желанія. Раздался залпъ ружей и орудія, двѣ синія куртки упали, феска исчезла, но инструментъ остался. Во время ружейной перестрѣлки, иногда самъ г. Барановъ, извѣстный какъ отличный стрѣлокъ, выхватывалъ изъ рукъ матроса ружье и стрѣлялъ съ своей вышки.

Всѣ, участвовавшіе въ славномъ бою съ броненосцемъ, вели себя настоящими героями. Такъ, князь Евгеній Голицынъ-Головкинъ, служившій на «Вестѣ» простымъ лейтенантомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нужно замѣтить, что до объявленія войны князь былъ лейтенантомъ въ отставкѣ и, какъ человѣкъ со средствами, уже нѣсколько лѣтъ посвятилъ себя мирнымъ занятіямъ въ должности пензенскаго губернскаго предводителя дворянства. Какъ только была объявлена война, онъ тотчасъ же снова поступилъ во флотъ—и именно въ черноморскій—съ тѣмъ, чтобы при пер-

вой возможности отправиться въ дѣло. Во время боя «Весты» князь Голицынъ-Головкинъ, замѣтя, что мостикъ, на которомъ стоялъ Барановъ и отдавалъ приказанія, въ особенности осыпается снарядами и что нѣкоторые изъ непріятельскихъ снарядовъ покрыли уже кровью весь мостикъ, подъ всякими предлогами старался заслонить Баранова своимъ необыкновенно толстымъ тѣломъ, желая лишь служить щитомъ; къ счастью князь Голицынъ вышелъ почти невредимымъ изъ боя. Мы говоримъ почти, потому что вслѣдствіе своей толщины, князь самъ весьма долго не могъ разглядѣть, что у него ранены были обѣ ноги; только вслѣдствіе усилившейся боли уже на третій день неожиданно для себя узналъ, что онъ раненъ.

Штурманскій офицеръ штабсъ-капитанъ Корольковъ стоялъ все время боя у штурвала, задомъ къ непріятелю, не отрывая глазъ отъ картушки колпака и отъ души сердился на лопанье гранатъ, заставлявшее картушку прыгать, а во время одного изъ непріятельскихъ залповъ, не обращая вниманія на то, что сзади его дѣлалось, онъ приказалъ сигнальщику убрать исковерканный ружейный стволъ, брошенный къ самому компасу, въ видахъ того, что желѣзо ствола можетъ вредить девіаціи компаса, и не замѣчая, что ружье это принадлежало одному изъ несчастныхъ стрѣлковъ, разорванныхъ бомбой на мѣстѣ.

Лейтенантъ Кротковъ сталъ на мѣсто убитыхъ артиллерій офицеровъ, и хотя въ тотъ моментъ какъ наводилъ орудіе, граната, лопнувшая сзади, пробила его платье, по крайней мѣрѣ, въ сорока мѣстахъ, онъ, опаленный и съ 17-ю ранами въ тѣлѣ, продолжалъ наводить мортиру. Мичманъ Петровъ, контуженный въ животъ, бродилъ по палубѣ, прося «покурить». Кстати тутъ же прибавимъ, что пароходный поваръ подъ весь шумъ и гвалтъ, происходившій на палубѣ, спокойно рубилъ въ камбузѣ котлеты, спѣша накормить команду.

Уже подъ конецъ сраженія, наступило мгновеніе, когда минуты «Весты», казалось, были сочтены. Въ томъ положеніи, въ которомъ находились обѣ сражающіяся стороны, непріятель имѣлъ то страшное преимущество, что при близкомъ разстояніи онъ могъ успѣшно дѣйствовать своими разрушительными, хорошо защищенными прицѣльными орудіями, между тѣмъ какъ «Веста» исключительно могла серьезно расчитывать только на мортиры, навѣсные выстрѣлы которыхъ успѣшно дѣйствуютъ лишь на дальнемъ разстояніи.

Надо было добиться прежде всего и во чтобы то ни стало большей скорости хода. Но всѣ средства были уже пущены въ ходъ: офицеры то и дѣло, по приказанію командира, сбѣгали внизъ, чтобы подбодрять измученныхъ, выбившихся изъ силъ кочегаровъ. Въ печи бросали пеньку, жгли

масло и всевозможныя горючія вещества, но паръ и безъ того былъ поднятъ до крайняго предѣла своей высоты. Тогда среди команды съ быстротою молніи пронеслось извѣстіе о предложенномъ капитаномъ рѣшеніи, принятомъ всѣми единогласно. Было рѣшеніе испытать послѣднее средство: вся команда должна была броситься на катеры и съ миноносцемъ впереди, разомъ абордировать броненосецъ въ четверо, если не въ пятеро больше команды «Весты»; но что за дѣло, когда рѣчь идетъ о «послѣднемъ средствѣ. На случай же, еслибъ и это не удалось, было рѣшено: оставшимся на пароходѣ сцѣпиться въ плотную съ броненосцемъ, и, поднося одною рукой къ крюйтъ-катерѣ зажженный фитиль, другою крѣпче и мужественнѣе обнять врага, чтобы вмѣстѣ разомъ взлетѣть на воздухъ *).

Славное рѣшеніе, достойное такихъ героевъ-храбрецовъ!

Когда оно было объявлено по командѣ, всѣ сняли шапки, перекрестились и крикнули «ура!» Между тѣмъ кормовыя мортиры были еще заряжены. Изъ нихъ было рѣшено дать послѣдній залпъ. Направлялъ орудія лейтенантъ Рождественскій, который, вмѣстѣ съ лейтенантами Кротковымъ, послѣ смерти Чернова и Яковлева оставался распорядителемъ у кормовыхъ орудій. Взлетѣлъ снарядъ и—настоящее чудо!—онъ попадаетъ прямо въ башенную, т. е. въ самую существенную часть броненосца. Тамъ, у непріятеля, вслѣдъ за этимъ поднялось страшное смятеніе, настоящій содомъ. На выстрѣлы онъ больше не отвѣчаетъ, паръ повалилъ изъ люковъ,— бомба разорвалась въ самой машинѣ.

Можно живо представить восторгъ, который охватилъ тогда команду «Весты». Загремѣло снова «ура!» и наши выстрѣлы зачастили съ новою энергіей. Но къ несчастію, храбрые борцы «Весты» не могли воспользоваться происшедшимъ на броненосцѣ замѣшательствомъ и суматохой, такъ какъ во время боя согнуло штуртросъ и руль пересталъ дѣйствовать: пароходъ бросило лагомъ и давало возможность туркамъ осыпать «Весту» гранатами, начиненными всякою гадостью. Одна изъ гранатъ перерѣзала паровыпускную трубу и обдала осколками весь мостикъ, на которомъ находился Барановъ, убивъ на повалъ двухъ стрѣлковъ, взятыхъ имъ къ себѣ и дѣйствовавшихъ изъ малокалиберныхъ скорострѣльныхъ ружей по амбразурамъ непріятельскихъ орудій, стоявшихъ на самомъ носу броненосца.

Въ это же время послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ артиллерійскихъ офицеровъ, Кротковъ былъ раненъ осколками въ лицо, Барановъ

*) Такое же рѣшеніе принято было капитанъ-лейтенантомъ Казарскимъ и всею командой брига „Меркурій“, сражавшагося въ 1828 году съ тремя турецкими фрегатами. Въ кампаніи 1789 года, капитанъ шлюпа, баронъ Остенъ-Сакенъ, окруженный превосходными силами непріятеля, сцѣпился съ ближайшимъ турецкимъ кораблемъ и вмѣстѣ съ нимъ взлетѣлъ на воздухъ.

легко контуженъ въ голову и лѣвую руку; ординарецъ его юнкеръ Яковлевъ тоже контуженъ въ голову; вся машина осыпана осколками, но, благодаря Бога, блиндировка койками съ боковъ цилиндровъ, а матрасами сверхъ машиннаго люка, спасла машину отъ порчи.

Броненосецъ сталъ замѣтно отставать, такъ что вскорѣ, вмѣсто ружейныхъ пуль перестали долетать до непріятеля и наши 9-ти фунтовые снаряды.

Капитанъ Барановъ, видя у себя два орудія подбитыми, имѣя въ корпусѣ двѣ пробоины, двухъ офицеровъ убитыми, а четырехъ ранеными, и палубу, заваленную осколками и разорваннымъ человѣческимъ мясомъ, (команда парохода лишилась во время боя 27 человѣкъ), и что главное—видя, что машинисты и кочегары едва держатся на ногахъ послѣ 5-ти часоваго боя, Барановъ не рѣшился энергично преслѣдовать убѣгавшаго быстроходнаго врага. Тѣмъ болѣе, что онъ поднялъ какой-то сигналъ и на горизонтѣ стали показываться еще рангоуты судовъ. Командиръ парохода взялъ курсъ на Севастополь и, 12-го іюля, на разсвѣтѣ, прибылъ на Севастопольскій рейдъ. Его сигнальныхъ выстрѣловъ на берегу не поняли, и въ Севастополѣ приняли «Весту» за турецкій мониторъ. На берегу ударили тревогу; но вскорѣ все это объяснилось. Сей часъ же было послано сторожевое судно для провода «Весты» черезъ минныя загражденія.

Уже издали Севастопольцы замѣтили, что «Веста» идетъ съ боя. Ванты ея были подбиты и разорваны, мачты оголены и флаги припущены, что означало, что на суднѣ находятся покойники. Военныя суда, стоявшія на рейдѣ, увидѣвъ послѣдній знакъ, немедленно наклонили реи крестообразно и флаги судовъ упали съ прежней высоты. Но когда пароходъ «Веста» причалилъ къ таможенной пристани, то передъ севастопольцами представилась еще болѣе мрачная картина. Изнуренныя лица офицеровъ и команды «Весты», испачканная и изорванная одежда со слѣдами запекшейся крови, порванныя снасти, разбитый въ дребезги на палубѣ катеръ, изломанный лафетъ и нѣкоторыя другія слѣды разрушенія—ясно говорили, что команда «Весты» имѣла жаркое дѣло.

Всѣ участники геройскаго сраженія, начиная съ командира парохода и кончая послѣднимъ матросомъ были щедро награждены. Капитанъ-лейтенантъ Н. М. Барановъ, командиръ «Весты», одновременно получилъ три значительныя награды: онъ пожалованъ военнымъ орденомъ Георгія 4-й степени, назначенъ флигель-адъютантомъ и произведенъ въ слѣдующій чинъ. Всѣ офицеры «Весты» (въ томъ числѣ и судовой врачъ) произведены въ слѣдующій чинъ, пожалованы орденомъ св. Владиміра и награждены пожизненною пенсіею по чину. На команду пожаловано 12 георгіевскихъ кре-

стовъ и столько-же унтеръ-офицерскихъ вакансій; помимо этого всѣ нижнія чины награждены пенсіею и десятью рублями серебромъ каждый.

Разсказавъ о славномъ пятичасовомъ боѣ парохода «Весты» *) ознакомимся затѣмъ съ личностью неустрашимаго капитана Н. М. Баранова. Какъ передаетъ одинъ изъ кореспондентовъ, Барановъ, при первомъ-же знакомствѣ съ нимъ, производитъ на васъ неотразимо пріятное впечатлѣніе. Съ первыхъ-же его словъ, вы чуете въ немъ крупную, выдѣляющуюся изъ ряда обыкновенныхъ, умственную единицу. Этотъ человѣкъ всестороннее образованный, съ живою, остроумною и образною рѣчью. Нравственныя качества его деликатной и отзывчивой натуры, дѣлаютъ его положительно кумиромъ команды, которая за него, какъ говорится, готова идти въ огонь и въ воду.

— Помилуйте, это не командиръ, — въ одно слово повторяли всѣ матросы,—а настоящее золото. Это такая драгоцѣнность, что и разсказывать нельзя!... — говорилъ толковый боцманъ Ефимовъ, слегка раненный въ бокъ и съ которымъ одному корреспонденту приходилось разговаривать. Никакой въ немъ огорчительности, никакой досады, кромѣ какъ одна ловкость, да веселость! Съ такимъ командиромъ и умереть весело!..

Какъ о спеціалистѣ своего дѣла, какъ о морякѣ, люди свѣдущіе отзываются о Н. М. Барановѣ въ самыхъ лестныхъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. О грозномъ непріятелѣ, съ которымъ Н М. пришлось имѣть дѣло, онъ отзывался, между прочимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Я положительно готовъ приклониться передъ морскою турецкою артиллеріею, говорилъ онъ — Я былъ-бы радъ разцѣловать каждаго наводчика, стрѣлявшаго въ насъ, — такъ мѣтко, такъ правильно ложились ихъ выстрѣлы. Но что касается до капитана, управлявшаго морской атакой броненосца, то разстрѣлять его—это, значитъ, сдѣлать ему слишкомъ большую честь. Имѣя громадное преимущество въ ходѣ, онъ могъ быть хозяиномъ сраженія, а между тѣмъ, каждый разъ, какъ онъ бросался на «Весту» съ тѣмъ, чтобы таранить, то мы его заставляли покорно ретироваться!..

Сообщаемъ затѣмъ тѣ немногія біографическія свѣдѣнія, которыя были сообщены въ газетахъ.—Н. М. Барановъ, капитанъ 2-го ранга, начальникъ морскаго музея при кораблестроительномъ отдѣленіи морскаго техническаго комитета, состоитъ въ службѣ съ 1854 года, произведенъ въ мичманы въ 1856 году и въ капитанъ-лейтенанты съ 1871 года. Николай Михайловичъ предложилъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, заряжающееся

*) Какъ потомъ стало извѣстно на турецкомъ броненосцѣ было убито 130 человѣкъ.

съ казны ружье, которое и было введено во флотѣ, подъ названіемъ Барановскаго ружья. Морской музей устройствомъ своимъ обязанъ преимущественно дѣятельности г. Баранова. Въ послѣднее время онъ занимался учрежденіемъ общества «Гидротехникъ», имѣющаго цѣль углублять фарватеры въ рѣкахъ помощію приборовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «базенокъ». Вскорѣ послѣ объявленія войны, Николай Михайловичъ поѣхалъ въ Черное море охотникомъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами и 59 человѣками команды балтійскаго флота. Кромѣ недавно полученнаго имъ ордена, св. Георгія 4 степени онъ имѣетъ ордена св. Станислава 2-ой степени, св. Анны 2-ой степени, св. Владиміра 4-ой степени, знакъ отличія за введеніе въ дѣйствіе положенія 19-го февраля 1861 года и иностранные ордена—португальскій, австрійскій и черногорскій.

Въ послѣднее время черноморскіе моряки, подъ командою Н. М. Баранова, прославили себя новымъ геройскимъ подвигомъ. Пароходъ «Россія», командиромъ котораго былъ Барановъ на пути отъ Босфора къ Пендеракліи, приблизился къ ней ночью, имѣя въ виду произвести рано утромъ аттаку; но съ разсвѣтомъ замѣтивъ на морѣ дымъ, значительность котораго указывала большое судно, измѣнилъ свой курсъ, чтобы въ случаѣ встрѣчи съ болѣе сильнымъ противникомъ сохранить за собою свободу дѣйствій. Въ 8 ч. у. 13 декабря ясно обозначился корпусъ 3-хъ мачтоваго винтоваго судна, шедшаго прямо на пароходъ «Россію». Подойдя ближе, Барановъ приказалъ сдѣлать выстрѣлъ, а потомъ когда непріятельское судно бросилось къ берегу далъ еще выстрѣлъ и сталъ прижимать пароходъ въ бухту, принявъ рѣшеніе кончить съ этимъ пароходомъ, въ случаѣ его сопротивленія. Пароходъ сдался, при чемъ оказалось, что кромѣ команды взятъ въ плѣнъ цѣлый таборъ низама съ командиромъ, штабъ-офицеромъ и десятью оберъ-офицерами, военно-и просто плѣнныхъ болѣе 700 человѣкъ. На слѣдующій день пароходъ «Россія» прибылъ въ Севастополь, притащивъ на буксирѣ турецкій пароходъ съ плѣнными.

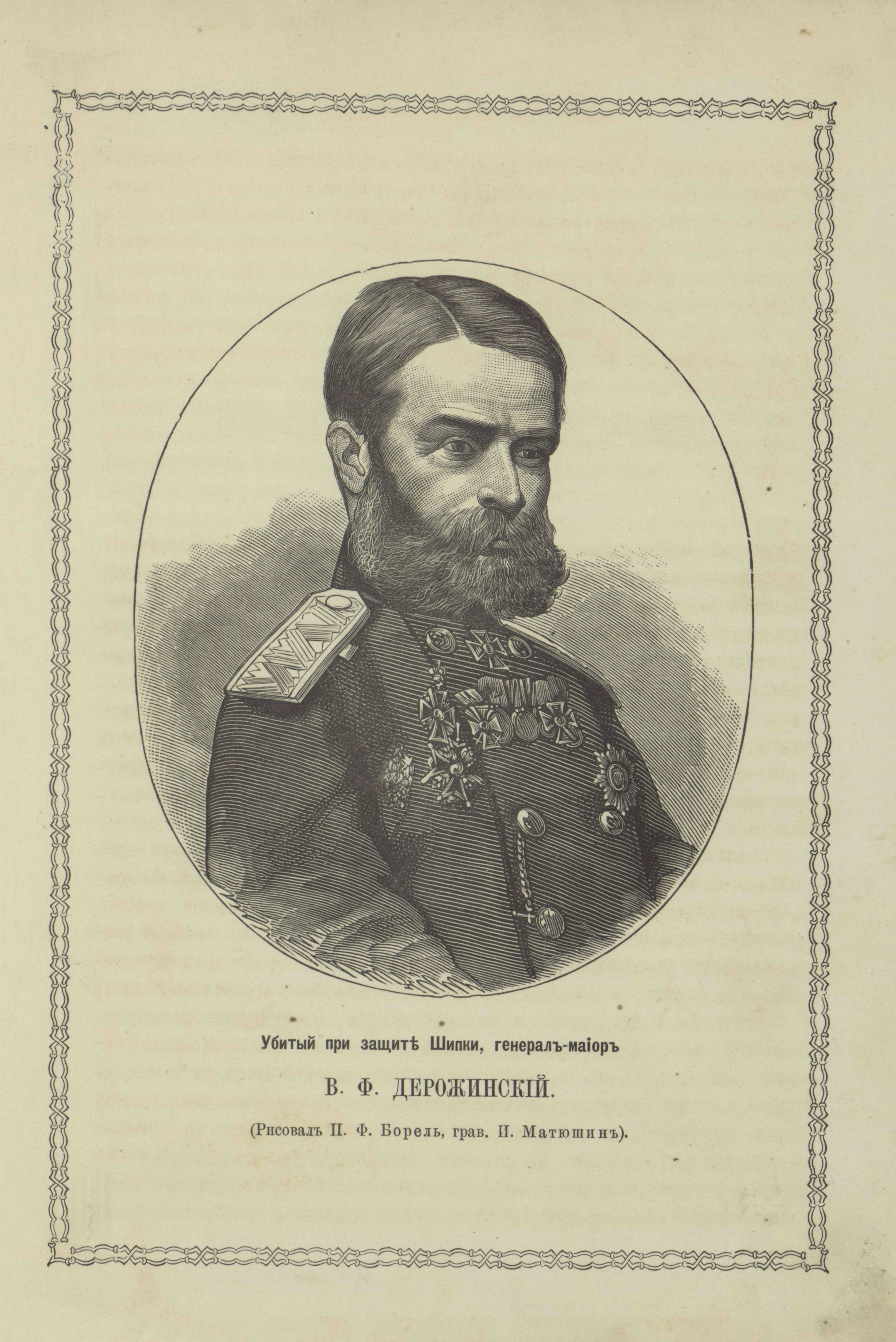
Генералъ-маіоръ В. Ф. Дерожинскій,

и

геройская защита Шипкинскаго перевала.

Всѣмъ еще памятно съ какимъ тревожнымъ чувствомъ, весь русскій народъ слѣдилъ за семидневнымъ ожесточеннымъ боемъ на Шипкѣ. Опасенія за удачный исходъ происходившей битвы были тѣмъ болѣе основательными, что на незначительный отрядъ русскихъ войскъ, защищавшихъ Шипкинскій перевалъ, опрокинулась громадная непріятельская армія, численностью до 50 тысячъ, подъ начальствомъ одного изъ энергичныхъ турецкихъ полководцевъ, Сулеймана-паши. Но какъ ни упорны были безконечныя атаки турокъ, наши храбрые солдаты, неся страшныя потери, отстояли свои позиціи, тѣмъ самимъ доказавъ всему свѣту, чего можно ожидать отъ высокихъ качествъ самоотверженія и беззавѣтной храбрости нашихъ войскъ.

Шипкинскій перевалъ, какъ извѣстно, составляетъ одинъ изъ лучшихъ проходовъ, ведущихъ въ южную часть Болгаріи. Занятіемъ этого прохода, русская армія обезпечивала за собою свободу передвиженія войскъ, боевыхъ припасовъ, продовольствія и пр., въ томъ случаѣ, когда ей пришлось бы направиться по ту сторону Балканъ. Долгое время о самомъ проходѣ не имѣлось опредѣленныхъ свѣдѣній и только знаменитый семидневный бой обнаружилъ его слабые и сильные пункты. Шипкинскій проходъ вовсе не проходъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ немъ нѣтъ ущелій, въ немъ нѣтъ мѣста, на которомъ 300 человѣкъ могли-бы повторить фермопильскую битву; въ немъ нѣтъ также такихъ траншей, какъ въ койберскомъ проходѣ, въ которомъ цѣлая армія могла бы быть уничтожена, не будучи допущена даже къ схваткѣ. Шипкинскій проходъ обязанъ этимъ названіемъ тому, что проходящая въ этомъ мѣстѣ вѣтвь Балканъ, менѣе чѣмъ средней высоты, представляетъ одну непрерывную цѣпь, тянущуюся



Убитый при защитѣ Шипки, генералъ-маіоръ

В. Ф. ДЕРОЖИНСКІЙ.

(Рисовалъ П. Ф. Борель, грав. И. Матюшинъ).

съ сѣвера отъ долины Янтры къ югу до тунджійской долины, въ которой проложенъ болѣе или менѣе удобный путь; въ другихъ мѣстахъ Балканы представляютъ сплетеніе дикихъ горныхъ массъ, громоздящихся одна на другую. При такихъ обстоятельствахъ такой переходный пунктъ, какъ Шипка, принимается за даръ Божій; въ другихъ мѣстахъ подобный путь казался бы невозможнымъ. Ничтожный трактъ обратился въ большую дорогу. По бокамъ этой цѣпи почва изрыта рвами и ущельями и, вслѣдствіе этого, крайне неудобна для передвиженія. Высочайшая точка этой цѣпи имѣетъ близь себя двѣ горныя вершины, подымающіяся выше ея съ обоихъ боковъ и, стало быть, господствующія какъ надъ нею самой, такъ и надъ всѣмъ пространствомъ, находящимся за нею. Первая изъ этихъ двухъ вершинъ представляетъ превосходный видъ на дорогу, ведущую къ русскимъ позиціямъ. Вершины эти поднимаются обрывисто и защищаютъ собою доступъ въ долины, лежащія къ сѣверу отъ Балканъ.

До семидневнаго боя было распространено мнѣніе, что Шипкинскій проходъ представляетъ вполнѣ непреступныя естественныя укрѣпленія. На самомъ-же дѣлѣ оказалось, что безъ искуственныхъ укрѣпленій проходъ можетъ быть легко атакованъ наступающей силой и легко потерянъ защищающей его силой.

Переходимъ затѣмъ къ описанію битвъ, происходившихъ въ Шипкинскомъ перевалѣ въ теченіи семи дней, начиная съ 9 августа, во время которыхъ погибло множество мужественныхъ защитниковъ, а въ одной изъ битвъ палъ геройскою смертью генералъ-маіоръ В. Ф. Дерожинскій.

Съ цѣлью завладѣть проходомъ, турки начали атаку 9-го августа, занявъ высоты за деревушкой Шипкой. Русскій гарнизонъ, находившійся въ проходѣ, состоялъ изъ болгарскаго легіона и одного полка, оба ослабленные недавними битвами. Всего у насъ было 3,000 солдатъ и 40 орудій. Помощи можно было ожидать только изъ Тырнова, отстоящаго на 40 миль отъ Шипки. Гарнизонъ работалъ неутомимо, не давая туркамъ двинуться впередъ ни на шагъ; тогда послѣдніе ворвались въ русскую линію на холмахъ за позиціей, расположенной на горѣ св. Николая, составляющей высочайшую точку шипкинскаго прохода. Еще впереди своихъ окоповъ русскіе устроили мины, которыя были взорваны, какъ только турки вступили на нихъ, при чемъ во время этого взрыва погибло отъ 5 до 8 тысячъ турокъ; понятно, что этимъ нанесенъ былъ непріятелю большой вредъ. Въ первый день русскіе войска потеряли всего 200 человѣкъ, преимущественно изъ болгарскаго легіона. 10-го августа битва была не жаркая: туркамъ въ этотъ день пришлось сдѣлать большой обходъ съ праваго и лѣваго фланга русскихъ позицій. 11-го августа турки атаковали русскихъ съ фронта и съ боковъ.

Радикальные недостатки позиціи дали себя почувствовать: къ счастью, подкрѣпленія явились во время и дѣло приняло счастливый оборотъ. Какъ ни дѣйствовалъ усердно и храбро генералъ Столѣтовъ, несмотря на то, что онъ провелъ четыре дня въ неутомимой физической и умственной дѣятельности, ему трудно было-бы устоять противъ 50,000 арміи, атаковавшей его съ фронта и боковъ. Но вотъ къ нему на помощь своевременно подоспѣла помощь подъ начальствомъ храбраго генерала Дерожинскаго. Битва продолжалась цѣлый день; къ вечеру турки такъ окружили русскихъ, что, казалось, имъ стоитъ только подать другъ другу руки, чтобы очутиться на главномъ пути въ тылу русскихъ. Моментъ былъ въ высшей степени критическій.

Оба генерала, ожидая съ минуты на минуту увидѣть себя окруженными со всѣхъ сторонъ турками, отправили Государю телеграмму, въ которой изложили, въ какомъ они находятся положеніи, чего они могутъ еще ожидать, какъ они намѣрены предупредить непріятеля и что они будутъ держаться на своихъ позиціяхъ, пока не подоспѣютъ подкрѣпленія. «Во всякомъ случаѣ, телеграфировали они, мы и наши солдаты будемъ защищать свои позиціи до послѣдней капли крови».

Пробило шесть часовъ; битва на нѣкоторое время прервалась; однако наши войска извлекли изъ этого очень мало выгодъ; въ дѣлѣ участвовали всѣ ихъ силы. Солдаты были измучены дневнымъ жаромъ, усталостью, голодомъ и жаждой; уже три дня они не ѣли ничего варенаго; воды также не оказалось. Тѣмъ не менѣе туркамъ доставался каждый клочекъ земли очень дорого; они все-таки подвигались впередъ и впередъ, испуская радостные крики «Аллахъ иль Аллахъ!»

Оба генерала стояли на вершинѣ и не спускали глазъ съ дороги, проходящей по долинѣ Янтры, по которой должно было придти подкрѣпленіе. Вдругъ генералъ Столѣтовъ громко вскрикиваетъ, схвативъ своего товарища за руку и указывая ему на дорогу; вдали показался отрядъ русскихъ войскъ:

— Слава Богу! Слава Богу! —повторялъ генералъ Столѣтовъ... Но что это такое, это кавалерія? Неужели генералъ Радецкій сдѣлалъ такой промахъ, что отправилъ въ Балканы кавалерію противъ сильной турецкой пѣхоты?

Однако, это какая-то особенная кавалерія; она дѣятельно вступила въ бой съ турецкой артиллеріей въ лѣсу на холмѣ, ограничивающей справа русскую позицію. Куда дѣлись всадники съ коней? И отчего кони уходятъ обратно? Тутъ дѣло разъяснилось. Всадники оказались батальономъ стрѣлковой бригады, вся бригада находится всего въ трехъ километрахъ отъ

Шипки. Но эта бригада имѣла еще то достоинство, что ей не въ первый разъ сражаться въ Балканахъ: это та самая бригада, которая совершила съ генераломъ Гурко первый достославный переходъ черезъ Балканы, и участвовала въ его удивительномъ отступленіи. Ею предводительствуетъ генералъ Цвѣцинскій. По его приказу стрѣлки бросаются на турокъ и заставляютъ ихъ отступить. Генералъ Радецкій, лично проведшій стрѣлковъ на поле битвы, послѣдовалъ за ними со своимъ штабомъ, прорвался сквозь тройную линію турецкихъ стрѣлковъ и присоединился къ двумъ генераламъ, поджидавшимъ его на вершинѣ холма. Похваливъ генерала Столѣтова за его храбрую защиту, генералъ Радецкій принялъ начальство надъ всѣми войсками.

Съ этого времени только и можно было серьезно думать о томъ, что проходъ Шипки останется въ рукахъ русскихъ войскъ. Послѣдствія доказали, что стремительныя атаки турокъ разбились о непоколебимую стойкость и чисто эпическій героизмъ русскихъ солдатъ. Атаки отбивались русскими одна за другою, пока наконецъ ослабленный непріятель долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія выбить русскія войска изъ шипкинскаго прохода. Въ день прибытія подкрѣпленій и принятія Радецкимъ начальства надъ войсками, хотя и можно было не возобновлять нападенія на турецкія позиціи, угрожавшія правому флангу русскихъ, но каждый чувствовалъ, что нельзя быть безопаснымъ, пока турки не будутъ прогнаны съ этого лѣсистаго горнаго кряжа. Лѣвый флангъ находился только въ сравнительной безопасности.

На разсвѣтѣ, наши снова напали на названную позицію. Болгарскіе мальчики носили для русскихъ солдатъ воду въ глиняныхъ кувшинахъ и даже проникали въ первые ряды. Битва въ долинѣ шла нерѣшительно и подкрѣпленія, присланныя 9-ю дивизіей, принесли много пользы. Къ 9 часамъ подошелъ генералъ Драгомировъ съ двумя полками 2 бригады, входящей въ составъ его дивизіи. Оставивъ подольскій полкъ въ резервѣ, онъ двинулся съ житомірскимъ полкомъ вверхъ, по опасной дорогѣ. Полкъ былъ оставленъ въ редутѣ на вершинѣ, пока въ немъ не представится надобности. Радецкій и его штабъ остались на склонѣ вершины, тутъ примкнулъ къ нему и генералъ Драгомировъ.

Ружейный огонь въ долинѣ то усиливался, то ослабѣвалъ въ продолженіи утра. Къ 11 часамъ огонь сталъ значительно сильнѣе.

Объ успѣхахъ, достигнутыхъ нами въ этотъ день въ лѣсу, нельзя было судить попричинѣ густоты этого лѣса, но ясно было, что битва попеременно склонялась то въ ту, то въ другую сторону. На склонѣ вершины, откуда генералы и штабъ наблюдали за ходомъ битвы, пули жужжали словно

рой разсерженныхъ пчелъ. Въ это время былъ раненъ въ лѣвую ногу Драгомировъ.

Между тѣмъ бой продолжался. Застрѣльщики и брянскій полкъ неимѣли успѣха въ своемъ предпріятіи—взять турецкій лѣсистый склонъ нападеніемъ съ фронта, хотя имъ и удалось парализовать усилія турокъ, которые хотѣли прорваться влѣво отъ нихъ и зайти въ тылъ русскимъ. Въ 12 часовъ рѣшили произвести контръ-фланговое нападеніе на правый склонъ турецкаго горнаго кряжа, и еще разъ пустить снизу въ атаку застрѣльщиковъ и остальные отряды. Два батальона житомірскаго полка, оставивъ по ротѣ въ резервѣ, выходятъ изъ частью прикрытой первой русской позиціи на вершинѣ и идутъ по ротно черезъ довольно ровную поверхность, находящуюся выше долины. Турецкія орудія и пѣхота открываютъ по нимъ убійственный огонь и многіе изъ нихъ окрашиваютъ траву своею кровью. Но батальоны неудержимо стремятся впередъ и бросаются въ лѣсъ; русская артиллерія, подготовлявшая имъ дорогу, должна была умолкнуть, чтобы не стрѣлять по своимъ солдатамъ.

Поворотъ въ участи сраженія наступилъ послѣ часоваго ужаснаго боя; турки оставили свои позиціи и горный кряжъ перешелъ въ наши руки, чѣмъ значительно обезпечился успѣхъ въ послѣдующихъ битвахъ. Сколько подвиговъ необычайнаго мужества, храбрости и отваги выказали русскіе при защитѣ своихъ позицій на Шипкѣ; каждый, начиная съ генерала и до солдата, явили себя настоящими героями. Нѣтъ никакой возможности описывать всѣхъ случаевъ героизма русскихъ войскъ, а потому мы приведемъ здѣсь только одни эпизоды, о которыхъ говорилось въ нашихъ газетахъ.

Во время боя 13-го августа, солдаты брянскаго полка и болгарскаго легіона, защищавшіе укрѣпленіе, называемое «турецкій люнетъ», къ двумъ часамъ пополудни остались безъ патроновъ. Огонь прекратился, потому что резервовъ не было. Ободренные этимъ, турки съ величайшею отвагою бросились на штурмъ этой важной позиціи, и уже поднялись на ея вершину, какъ вдругъ русскіе вышли изъ-за окоповъ и осыпали турокъ градомъ крупныхъ камней и бревенъ, катившихся въ оврагъ, изъ котораго вышелъ непріятель. Нѣкоторые изъ смѣльчаковъ, взобравшіеся на площадку, были заколоты штыками и отправились за своими товарищами. Въ теченіе часа русскіе защищались этими новаго рода метательными снарядами; наконецъ не хватило камней, и русскіе стали пускать въ турокъ изломанными ружьями, кусками земли и подсумками, наполненными мелкими камнями. Несмотря на это, турки, ободряемые своими офицерами, готовы были уже овладѣть укрѣпленіемъ, какъ вдругъ могучее «ура!» раздавшееся

съ сосѣднихъ редутовъ, возвѣстило о прибытіи авангарда стрѣлковъ генерала Радецкаго.

О степени ожесточенности боя можно судить по потерямъ, которыя были понесены сражающимися. Что турки должны были лишиться въ нѣсколько разъ больше сравнительно съ нашими потерями, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ, во-первыхъ, турки бросались въ атаку, а русскія войска отбивали ихъ, а во-вторыхъ, непріятель старался завладѣть позиціями хорошо защищенными. Во все время семидневнаго, почти непрерывнаго сраженія, у турокъ выбыло изъ строя около 15,000 человѣкъ. Но и съ нашей стороны потери были также довольно велики, такъ какъ одними ранеными геройскіе защитники Шипки лишились 98 офицеровъ и 2,633 нижнихъ чиновъ. Изъ высшихъ начальниковъ выбыли изъ строя: генералъ-маіоръ В. Ф. Дерожинскій, нашедшій славную смерть на обороняемыхъ имъ позиціяхъ, и свиты Его Величества генералъ-маіоръ Драгомировъ, раненый въ ногу. Генералъ-маіоръ В. Ф. Дерожинскій былъ смертельно пораженъ пулею въ полость сердца, а осколкомъ гранаты его сильно ранило въ голову. Онъ мгновенно потерялъ сознаніе, но продолжалъ жить еще нѣкоторое время. Въ безсознательномъ состояніи его отправили въ Габрово, гдѣ онъ вскорѣ и скончался 13 августа. Русская армія потеряла въ этомъ храбромъ генералѣ одного изъ лучшихъ военачальниковъ. Сообщаемъ здѣсь его біографію.

Генералъ-маіоръ Валеріанъ Филиповичъ Дерожинскій происходитъ изъ дворянъ Воронежской губерніи. Онъ родился 15-го іюня 1826 года, а въ 1845 году, изъ унтеръ-офицеровъ 1-го кадетскаго корпуса, былъ произведенъ въ прапорщики 19 артиллерійской бригады. Затѣмъ, по окончаніи курса наукъ, въ 1849 году, въ бывшей Императорской военной, нынѣ Николаевской академіи генеральнаго штаба, В. Ф. Дерожинскому привелось уже, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, принимать участіе въ бывшей Восточной войнѣ. Состоя въ распоряженіи главнокомандующаго военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму, онъ получилъ за отличіе въ сраженіи чинъ капитана. Въ 1857 году онъ былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ начальникомъ штаба 4-й легкой кавалерійской дивизіи. Въ 1861 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и затѣмъ нѣкоторое время былъ штабъ-офицеромъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба для надзора за обучавшимися въ означенной академіи офицерами. По производствѣ въ генералъ-маіоры, въ 1872 году, онъ былъ сперва назначенъ помощникомъ начальника 5-й пѣхотной дивизіи, а съ 1873 года онъ состоялъ командиромъ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. В. Ф. Дерожинскій, въ 1855 году, при оборонѣ Севастополя, получилъ контузію въ голову оскол-

комъ бомбы; но контузія эта, благодаря здоровой натурѣ, никакими недугами въ дальнѣйшей жизни не сказалась. Имя генерала Дерожинскаго, какъ одного изъ наиболѣе отличившихся, въ бывшихъ, до настоящаго времени, военныхъ дѣйствіяхъ, было неоднократно упомянуто въ оффиціальныхъ реляціяхъ августѣйшаго главнокомандующаго.

Дерожинскій оставилъ послѣ себя жену и четырехъ дѣтей безъ средствъ къ жизни. Какъ сообщали газеты, г-жа Дерожинская весною нынѣшняго года была въ Петербургѣ, гдѣ хлопотала о пособіи. Дѣло въ томъ, что по случаю наводненія, бывшаго въ Кременчугѣ въ началѣ 1877 г., они потеряли все свое движимое имущество и собственный небольшой домъ. По смерти мужа г-жѣ Дерожинской выдана приличная по заслугамъ пенсія, а дочери приняты въ одинъ изъ петербургскихъ институтовъ на казенное содержаніе.

Завѣдывавшій переправою русскихъ войскъ черезъ Дунай, генералъ-маіоръ

М. И. ДРАГОМИРОВЪ.

(Рисов. П. Ф. Борель, гравир. Ѳ. Ѳ. Герасимовъ.

Генералъ-маіоръ М. И. Драгомировъ,

завѣдывавшій переправою русскихъ войскъ черезъ Дунай.

Со дня объявленія войны, вся Россія съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидала перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, такъ какъ только послѣ этого только и должны были начаться военныя дѣйствія. Но прошло цѣлыхъ два мѣсяца томительнаго ожиданія пока, наконецъ, переправа совершилась и русскія войска заняли ближайшія къ Дунаю болгарскіе города. Продолжительность бездѣйствія, на которую была обречена русская армія, два мѣсяца ожидавшая удобной минуты для перехода черезъ Дунай, обусловливалась, какъ извѣстно, необычайнымъ разливомъ этой рѣки; приходилось выжидать уменьшенія воды, но какъ только представился удобный моментъ, русскія войска перешли широкій Дунай въ такомъ мѣстѣ, гдѣ перехода ихъ ожидали всего менѣе.

Эта знаменитая переправа произвела на турокъ такое потрясающее впечатлѣніе, что въ первое время они нескоро могли опомниться, тѣмъ болѣе, что самъ главнокомандующій турецкихъ войскъ, Абдулъ-Керимъ паша, обѣщалъ потопить въ Дунаѣ всю русскую армію. Не менѣе сильное впечатлѣніе эта переправа произвела и на всю Европу, которая была убѣждена, что для перехода черезъ Дунай русская армія должна пожертвовать 25 — 30 тысячами войскъ. Но когда стало извѣстнымъ о жертвахъ, понесенныхъ нами, то всѣ стратеги признали этотъ первый шагъ на пути военныхъ дѣйствій однимъ изъ блестящихъ, сразу воскресившихъ въ памяти всѣхъ доблестныя качества русскихъ солдатъ и военачальниковъ.

И дѣйствительно, трудно сказать, чѣмъ обусловливалась удача переправы: самимъ-ли планомъ переправы или выполненіемъ его? Здѣсь все помогало одно другому: геніальный планъ нашелъ блестящаго исполнителя въ лицѣ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Драгомирова.

Генералъ-маіоръ Драгомировъ давно уже пользовался извѣстностью какъ

одинъ изъ лучшихъ военачальниковъ русской арміи, а его прекрасныя распоряженія предъ переправою сдѣлали имя его безсмертнымъ въ исторіи современной войны. Отлично сознавая, что успѣхъ даннаго ему порученія обусловливается порядкомъ, правильностью и строгимъ выполненіемъ всѣхъ мелочей предначертаннаго плана, при ясномъ пониманіи какъ солдатами, такъ и командующими своихъ обязанностей, Драгомировъ 14 іюня, передъ переправою, отдалъ приказъ, отличающійся особенно оригинальнымъ характеромъ и произведшій сильное впечатлѣніе даже на части ему неподвѣдомственныя. Нѣкоторые командиры казачьихъ полковъ дивизіи Скобелева приказали читать этотъ приказъ по сотнямъ, находя его превосходнымъ. Вотъ что, между прочимъ, говорилось въ этомъ приказѣ:

«Начальникамъ всѣхъ степеней не забывать назначать, кто ихъ долженъ замѣнить въ случаѣ убыли.

«Предварить всѣхъ, что въ случаѣ дѣла, поддержка будетъ, но смѣны никогда. Кто попадаетъ въ боевую линію, останется въ ней пока сдѣлано дѣло не будетъ; потому потроны беречь; хорошему солдату 30 патроновъ достанетъ въ самое горячее дѣло.

«Какъ бы тяжело ни приходилось, не унывать, а помнить, что только «претерпѣвый до конца» спасается. Святой долгъ офицеровъ—самимъ это постоянно помнить и людей подбадривать, чтобы этого не забывали.

«При вечерней и утренней молитвѣ послѣ «Отче нашъ» пѣть: «Господи силъ съ нами буди, иного бо развѣ Тебе помощника въ скорбѣхъ не имамы; Господи силъ помилуй насъ».

«Выносъ раненныхъ взложенъ на санитаровъ. Слѣдовательно, никто для этого и ни для чего другаго рядовъ оставлять не долженъ. Офицеры и унтеръ-офицеры слѣдятъ, чтобы этого не было. Держись кучи, выручай другъ дружку—будетъ хорошо.

«Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ.

«Штабъ-офицерамъ въ огнѣ рекомендую спѣшиваться.

«Врачамъ обращать бдительное и постоянное вниманіе на то, чтобы люди, сколько-нибудь способные работать, въ число больныхъ не попадали.

«Никогда не забывать объявлять передъ дѣломъ, что собираемся дѣлать. Послѣдній солдатъ долженъ знать, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тогда, если начальникъ будетъ убитъ, смыслъ дѣла не потеряется.

«Если начальникъ будетъ убитъ, людямъ не только не теряться, но еще съ большимъ ожесточеніемъ лѣзть впередъ и бить врага.

«Помнить, что сигналы наши могутъ быть подаваемы и непріятелемъ; а потому, начальникамъ рекомендуется воздерживаться отъ ихъ употребленія, работать преимущественно словесными приказаніями.

«Сверхъ того, «отбоя», «отступленія» и т. под., *вовсе и никогда не подавать* и предупредить людей, что если такой сигналъ услышатъ, то это только обманъ со стороны непріятеля.

«У насъ ни фланга, ни тыла нѣтъ и быть не должно; всегда фронтъ тамъ, откуда непріятель. Дѣлай такъ, какъ дома учился: стрѣляй мѣтко, штыкомъ коли крѣпко, иди впередъ и Богъ наградитъ тебя побѣдой.

«Помнить мѣры предохраненія отъ огня; въ огнестрѣльный періодъ боя—строй разомкнутый; близко ложатся снаряды—передвинуть впередъ; ложиться только по приказанію старшаго начальника.

«Помнить, что пока дѣло совсѣмъ не кончено, еще ничего не сдѣлано, т. е. нужно бить до тѣхъ поръ, пока ничего свѣжаго и устроеннаго передъ тобою не останется. Иначе, получивъ подкрѣпленія, могутъ снова поворотить на насъ».

На сколько этотъ приказъ имѣлъ вліянія на самый ходъ дѣла, видно изъ нѣкоторыхъ фактовъ во время боя.

Въ приказѣ запрещалось стрѣлять до переправы на правый берегъ и пунктъ этотъ былъ выполненъ такъ строго, что даже тѣ несчастные солдаты, которые попали, скученные на одномъ понтонѣ, подъ такой страшный огонь, что можно было сказать о нихъ, что ихъ просто разстрѣливали въ упоръ съ крутаго берега, даже они, имѣя возможность отогнать выстрѣлами сгущенную на берегу цѣпь, не сдѣлали ни одного выстрѣла. Весь понтонъ, около 50 человѣкъ, былъ перебитъ. Одинъ молодой солдатъ не выдержалъ и поднялъ ружье, чтобъ пустить отвѣтную пулю, но сзади его толкнулъ кто то въ спину и проговорилъ:

— Знаешь, вѣдь, что не приказано? что-же стрѣляешь?—и солдатъ опустилъ ружье. Въ приказѣ была предписана строгая тишина во время переправы—и это соблюдалось въ высшей степени; солдаты почти не шевелились даже тогда, когда гранаты взрывали воду около самыхъ понтоновъ.

Передъ боемъ генералъ еще разъ напомнилъ, что нужно идти впередъ или въ Дунай, и что подмоги не будетъ.

— Что-жь, очень трудно было брать позицію? — спросили одного раненаго минца.

— Да чего трудно? когда было сказано—никакихъ отступленій—поневолѣ возьмешь,—отвѣчалъ онъ въ нѣкоторомъ раздумьи, словно ему вдругъ пришелъ въ голову вопросъ: «А развѣ можно было не взять, если приказано было не отступать?»

Успѣхъ переправы, какъ извѣстно, во многомъ обусловливался тою тайною, которою были покрыты всѣ распоряженія главнокомандующаго.

Въ самый день переправы никто не зналъ, гдѣ и когда начнется переходъ; войска передвигались съ одного мѣста въ другое, но значеніе этихъ передвиженій было для всѣхъ глубокою тайной. Одинъ изъ корреспондентовъ разсказываетъ, что движенія разныхъ частей войскъ были до того скрыты, что постоянно слышались такого рода вопросы:

— Не знаете-ли, гдѣ такой-то полкъ стоитъ?

— Стоялъ онъ тамъ-то; но гдѣ теперь находится—незнаемъ.

— Гдѣ-же я могу найти?

— Спросите въ полевомъ штабѣ главной квартиры.

— А гдѣ главная квартира?

— Никому неизвѣстно.

Но, не смотря на это, войска двигались по заранѣе обдуманному плану, извѣстному лишь главнокомандующему и приближеннымъ къ нему лицамъ.

Какъ извѣстно, переправа состоялась въ ночь съ 14 на 15 іюня, около трехъ часовъ ночи. У Дуная, на мѣстѣ переправы, были раставлены 48 орудій; нѣсколько лѣвѣе этого мѣста, возлѣ рощи, стояли понтоны съ развивающимися флагами, для означенія нумеровъ понтонныхъ баталіоновъ и ихъ парковъ. Первый эшелонъ состоялъ изъ 70 понтоновъ по 28—40 человѣкъ на каждомъ, и изъ одного понтона, на которомъ находились два горныхъ орудія. Первыми двинулись въ путь волынцы 14 пѣхотной дивизіи, которою командовалъ Драгомировъ. Вмѣстѣ съ волынцами, въ первомъ эшелонѣ двинулась также рота подъ командою Озерова. Почти половина Дуная была проплыта храбрецами безъ выстрѣла; но вдругъ, съ востока дунулъ свѣжій вѣтеръ, горизонтъ забѣлѣлъ и непріятель увидалъ плывущіе понтоны. Изъ Систова послышался первый выстрѣлъ и канонада загудѣла; въ то же время съ берега начался убійственный батальонный огонь. Одно ядро ударило въ понтонъ съ 2 орудіями, потопило его, а вмѣстѣ съ нимъ утонули два артиллерійскихъ офицера, одинъ понтонеръ и артиллерійская прислуга. Подъѣзжавшихъ къ берегу храбрецовъ встрѣтилъ страшный ружейный огонь, направленный на нихъ почти въ упоръ. Вслѣдствіе этого, на иныхъ понтонахъ почти всѣ солдаты были перебиты и оставалось не болѣе 5 человѣкъ; но былъ и такой понтонъ, на которомъ оставался одинъ рулевой и тотъ съ прострѣленной рукой. Говорятъ, что этого несчастнаго занесло далеко внизъ по Дунаю, гдѣ онъ высадился, благополучно пробрался черезъ непріятельскую цѣпь и присоединился къ своимъ, послѣ того, какъ они работали штыками, чтобы очистить мѣсто для прибывающихъ свѣжихъ силъ. Страшный огонь, которымъ непріятель встрѣтилъ наши войска, не поколебалъ ихъ храбрости. Не до-

считываясь товарищей, они выходили на берегъ, падали подъ градомъ пуль, но за ними шли грудью и въ штыки задніе ряды и выбивали непріятеля, прятавшагося за кустами и изгородями. Успѣхъ всего дѣла принадлежитъ партіи тѣхъ храбрецовъ, которые, оставшись, какимъ-то чудомъ, въ живыхъ, неустрашимо кидались въ штыки на непріятеля и, удерживая его, давали тѣмъ возможность высаживаться на берегъ свѣжимъ войскамъ. Этою партіею истинныхъ героевъ командовалъ безсмертный Бряновъ, который, одушевляя солдатъ и идя впереди ихъ, былъ поднятъ на штыки и получилъ девять ранъ. Тутъ же были ранены полковой командиръ Духановъ, Озеровъ и др.

Въ то время, какъ на берегу шла отчаянная битва, понтоны приставали одинъ за другимъ; но такъ какъ одни приставали раньше, а другіе позже, то, при высадкѣ, части перемѣшалися, роты перепутались и это обстоятельство нѣсколько задержало нашихъ молодцевъ кинуться на турокъ сразу и погнать ихъ. Кромѣ того, съ первымъ и вторымъ рейсомъ, вслѣдствіе убійственнаго огня непріятеля, достигло берега по 5—6 человѣкъ съ каждаго понтона, остальные же были убиты. Вмѣстѣ съ третьимъ рейсомъ, пріѣхалъ и начальникъ дивизіи, генералъ Драгомировъ. Приведя въ порядокъ разрозненныя части, онъ тѣмъ самимъ далъ имъ возможность кинуться въ штыки и очистить мѣстность отъ непріятеля, который обливалъ кровью каждый шагъ своего отступленія. Между тѣмъ, полки все перевозились и перевозились; переправа шла такъ быстро, что къ пристани не успѣвали подходить пѣхотныя части. Съ цѣлью заставить непріятельскія батареи прекратить свой страшный огонь по переправляющимся на понтонахъ, наши 48 орудій громили турецкія батареи, и только послѣ долгихъ усилій заставили замолчать ихъ. Больше всего наносила вредъ нашимъ войскамъ правая турецкая батарея, расположенная вправо отъ Систова, и ее-то всего труднѣе было уничтожить. Высадившіеся, тѣмъ временемъ, полки 14 дивизіи все болѣе и болѣе подвигались впередъ и зашли въ тылъ турецкимъ батареямъ; послѣднія снялись и тѣмъ совершенно облегчили переправу. Послѣ этого переправу можно уже было считать, вполнѣ удавшеюся. Въ продолженіи 18 часовъ на правый берегъ переѣхало 30,000 войска и одна батарея.

Переправа стоила намъ далеко не столь значительныхъ жертвъ, какъ это предполагали въ началѣ кампаніи. Какъ оказалось, мы потеряли въ бою 291 человѣкъ убитыми и 446 человѣкъ выбыло изъ строя ранеными. На сколько удачно была совершена переправа и какихъ сравнительно незначительныхъ жертвъ она стоила, можно судить по тому, что когда одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ при встрѣчѣ съ Августѣйшимъ Главно-

командующимъ, поздравилъ съ благополучнымъ окончаніемъ переправы, совершившеюся «при такихъ малыхъ утратахъ», то Его Высочество сказалъ: «Да, утрата въ десять разъ меньше того, чѣмъ я разсчитывалъ».

Разскажемъ теперь о нѣкоторыхъ необычайныхъ подвигахъ и чудесахъ храбрости, выказанныхъ нашими молодцами во время жаркой битвы при переправѣ. Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить ту необыкновенную храбрость, которую показалъ въ дѣлѣ великій князь Николай Николаевичъ младшій. Августѣйшій юноша перешелъ съ отрядомъ, попавшимъ подъ убійственный непріятельскій огонь. Возведена была насыпь, изъ-за которой принялись жарить наши молодцы. Турецкія гранаты то и дѣло перелетали имъ черезъ голову, если не ударяли въ средину или около нихъ. Молодые солдаты, при свистѣ пролетающаго снаряда, безсознательно наклоняютъ голову. Юный великій князь сѣлъ на насыпь и закричалъ: «Ребята! что кланяться, кому жить—не тронетъ, а кому нѣтъ—не проститъ»! Въ это время новый свистъ гранаты прожужжалъ надъ самою его головою—и она наклонилась. Онъ быстро приподнялъ ее и расхохотался: «Нѣтъ, видно съ перваго раза не привыкнешь»! воскликнулъ онъ и просидѣлъ на насыпи, пока стрѣлки его не двинуты были далѣе. Когда великій князь Главнокомандующій, по окончаніи боя, переплылъ на только что отвоеванную турецкую землю, его встрѣтилъ генералъ Драгомировъ, которому онъ бросился на шею. Тутъ-же стоялъ и молодой великій князь. «Ну, мальчикъ,—сказалъ ему отецъ,—на первый разъ славно! Пойди и ты сюда»! Онъ прижалъ его къ груди и зарыдалъ отъ радости, видя его невредимымъ.

Одинъ солдатъ пѣхотнаго полка въ такихъ словахъ разсказываетъ о туркахъ. «Окружили насъ турки съ трехъ сторонъ, кричатъ «алла» — то же, какъ наше «ура»; хотѣли забрать насъ, но мы какъ пошли на «ура», такъ они всѣ и поддались. Не любятъ они какъ идемъ на «ура», да въ штыки; не умѣютъ они и ружья держать въ штыки, прислонитъ его къ плечу, какая тутъ крѣпость! Ударилъ по немъ, оно и вылетѣло, а стрѣляютъ ловко.

— Ну, а какъ молодые солдаты дрались?—спрашиваютъ у него.

— А развѣ разберешь его, что молодой; дерется всякій одинаково, иной и старый уступитъ молодому; народъ здоровый, въ силѣ, что ему!

Вотъ что разсказываютъ также о пѣхотинцѣ минскаго полка Александрѣ Рохъ, раненомъ въ грудь и съ перебитою рукою. Онъ изъ того взвода, который бралъ штыками водяную мельницу и весь истребленъ почти безъ остатка, но за то этотъ взводъ сдѣлалъ свое дѣло — идущіе за нимъ уже свободно прошли это сильное препятствіе, заваленное тѣлами турокъ и нашихъ. Когда всѣ части перемѣшались и бой завязался оди-

ночный — въ разбродъ, то турки, то русскіе поочередно перебѣгали это мѣсто. Набѣжала разъ небольшая партія турокъ, приколола тѣхъ нашихъ раненыхъ, что выказывали еще признаки жизни, принялась сапоги стаскивать, да подоспѣли наши, покололи въ свою очередь турокъ,— дальше пошли, а тутъ опять изъ-за кустовъ выскочило еще человѣкъ шесть турокъ, уже не солдатъ, а такъ всякой сволочи, опять принялись пакостить....

— Я чую ихъ, разсказывалъ Рохъ, да и прихилился, а на мнѣ лежитъ товарищъ Сѣденко, а другой товарищъ якъ сцѣпился съ туркомъ, такъ оба на меня также повалились мертвые—меня и невидать.... .такъ и отлежался; одна нога только торчала снаружи, съ той-то ноги моей и украли сапогъ, собачьи дѣти.

Приведенные нами эпизоды не составляютъ конечно и сотой доли тѣхъ случаевъ храбрости, выказанныхъ русскими войсками въ первомъ же бою съ турками: мы же приводимъ ихъ здѣсь для того, чтобы показать что только этою беззавѣтною храбростью и обусловливалась незначительная сравнительно наша потеря при переправѣ.

Послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай генералъ-маіоръ Драгомировъ, продолжая командовать 14-ю пѣхотною дивизіею, явилъ себя истиннымъ героемъ въ знаменитомъ семидневномъ боѣ на Шипкинскомъ перевалѣ, куда онъ посланъ былъ въ критическую минуту. Во время одного изъ первыхъ битвъ подъ Шипкой, въ 9 часовъ утра, получено было житомірцами, входящими въ составъ 14 дивизіи, приказаніе:—двинуться остальнымъ двумъ батальонамъ прямо на позицію св. Николая, чтобы очистить мѣсто волынцамъ и минцамъ, шедшимъ сюда подъ начальствомъ князя Святополкъ-Мирскаго. Драгоміровъ пропустилъ войска мимо себя, обращаясь къ каждому батальону:

— Помогай вамъ Боже, братцы...

Все это время генералъ былъ очень не веселъ. Онъ только что выѣхалъ на позиціи, сошелъ съ лошади, и хотѣлъ осмотрѣть ихъ. Ему въ это время предложили сѣсть. Онъ вдругъ опустился, проговоривъ: «готово»! Всѣ думали, что Драгоміровъ сѣлъ вслѣдствіе приглашенія. Не обратили вниманія на стонъ капитана генеральнаго штаба Мальцова, который упалъ рядомъ съ Драгоміровымъ.

— Я кажется раненъ.. проговорилъ генералъ.

Оказалось, что пуля прошла на вылетъ подъ правымъ колѣномъ его, незадѣвъ артерій, но перебила сухожилья; она же на излетѣ попала въ стоящаго рядомъ Мальцова и засѣла у него въ кости бедра.... Окружающіе растерялись. Рана Драгомірова въ такую минуту стоила потеряннаго сраженія, талантливыхъ людей здѣсь мало и Драгоміровъ—одинъ изъ этихъ

немногихъ, едва ли не самый даровитый между ними. Случай этотъ на всѣхъ навелъ уныніе... Когда Драгомірова понесли на носилкахъ къ перевязочному пункту—мимо шли житомірцы.

— Смотри, братцы, не гнуться передъ пулей, со всякимъ можетъ случиться—и убьютъ ничего! Кому суждено...

Солдаты было рванулись къ нему: Драгомировъ очень любимъ своею дивизіею.

— Драться и безъ меня молодцами!...

— За васъ вдвое, послышалось изъ рядовъ.

На перевязочномъ пунктѣ первый вопросъ Драгомірова былъ:

— Когда я могу сѣсть на коня?

— Не бойтесь... Будете здоровы.

— Да, чортъ возьми, кто тутъ боится!.. Буду здоровъ... Я хочу знать, могу ли я на-дняхъ пойти въ дѣло?

Доктора молча переглянулись.

— Раньше шести недѣль нельзя будетъ вамъ встать... Рана очень серьезна.

Затѣмъ Драгомирова понесли на большой перевязочный пунктъ. Молча шли солдаты съ носилками; почтительно раздвигались передъ ними шедшія на Шипку войска. Драгомировъ привѣтливо здоровался съ ними. «Будьте здоровы», слышалось повсюду ему навстрѣчу. На открытыхъ площадкахъ, турки открывали по немъ огонь. Пули свистали надъ самою головою раненаго.

Рана, полученная Драгомировымъ, заставила его оставить театръ военныхъ дѣйствій и для излеченія возвратиться въ Россію.

Сообщаемъ затѣмъ свѣдѣнія о прошлой жизни и дѣятельности Драгомирова. Свиты Его Величества, генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, родился въ Черниговской губерніи, 8-го ноября 1830 года и получилъ воспитаніе въ дворянскомъ полку (теперь 2-е военное константиновское училище), гдѣ считался отличнѣйшимъ ученикомъ и его имя записано на мраморной доскѣ. Службу свою онъ началъ въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку, будучи произведенъ въ офицеры, 26-го мая 1849 года. Затѣмъ, въ 1854 году Михаилъ Ивановичъ поступилъ въ императорскую военную академію (нынѣ николаевская академія генеральнаго штаба). Генералы Милютинъ (нынѣ военный министръ) и Карцовъ, бывшіе тогда профессоры академіи, имѣли на него рѣшительное вліяніе. Окончивъ блистательно свои занятія въ академіи, М. И. получилъ золотую медаль и былъ зачисленъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ командированъ заграницу для пріобрѣтенія основа-

тельныхъ свѣдѣній по тактикѣ; съ этою цѣлью онъ преимущественно изучалъ военный бытъ Франціи. Во время войны въ Италіи, онъ состоялъ при штабѣ сардинской арміи и дѣлалъ вмѣстѣ походъ до сраженія при Сольферино. По возвращеніи въ 1860 году изъ заграницы онъ былъ назначенъ сначала адъюнктъ-профессоромъ, а потомъ профессоромъ тактики, въ николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ 1861 году капитану Драгомирову было поручено чтеніе курса тактики и военной исторіи Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, а затѣмъ въ 1864 году Великому князю Алексѣю Александровичу. Въ томъ же году капитанъ Драгомировъ произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи; въ 1865 году назначенъ членомъ совѣщательнаго комитета главнаго управленія генеральнаго штаба. Въ 1866 году, онъ былъ командированъ въ прусскую армію, на время кампаніи, военнымъ агентомъ. Вернувшись на родину, онъ ознакомилъ съ характеромъ этой кампаніи своихъ соотечественниковъ. Лекціи объ этой войнѣ до сихъ поръ памятны по необыкновенной рельефности и жизненности изложенія. Въ 1866 году Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ подарилъ Драгомирову бриллiантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Высочества. Въ 1869 году, полковникъ Драгомировъ, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генералъ-маіоры; въ слѣдующемъ году назначенъ начальникомъ штаба кіевскаго военнаго округа, гдѣ войсками командовалъ генералъ Дрентельнъ. Въ 1872 году назначенъ въ свиту Его Величества.—Высочайшимъ приказомъ, 14-го августа, 1873 г., онъ назначенъ командующимъ 14-й пѣхотной дивизіей, съ которою и совершилъ блистательную переправу черезъ Дунай.—Генералъ Драгомировъ имѣетъ слѣдующіе ордена: Св. Владиміра 3-й степени; св. Станислава 1-й степени; св. Анны 1-й степени; св. Георгія 3-го класса; сардинскій орденъ св. Маврикія и Лазаря; Прусской короны 2-й степени и крестъ въ память кампаніи 1866 года.

Генералъ-лейтенантъ М Д. Скобелевъ.

Взятіе Ловчи и бой 30 и 31 августа у Плевны.

Каждая война выдвигаетъ впередъ военачальниковъ, обращающихъ на себя особенное вниманіе своимъ мужествомъ, отвагой, и личною храбростью. Ихъ имена скоро становятся популярными и они не только пріобрѣтаютъ любовь въ средѣ боевыхъ товарищей, но вызываютъ особенный интресъ и вниманіе во всемъ своемъ отечествѣ. Однимъ изъ такихъ любимцевъ безсомнѣнія, считается теперь генералъ Скобелевъ, о необычайной храбрости котораго существуютъ многочисленные разсказы, сдѣлавшіе имя его извѣстнымъ не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. — Въ тяжелыя минуты, пережитыя русскимъ обществомъ, во время первыхъ неудачъ нашей арміи подъ Плевною, всякій былъ глубоко увѣренъ, что армія, выдвигающая изъ себя героевъ, подобныхъ гг. Скобелеву и Гурко, въ состояніи побороть всевозможныя препятствія, чтобы въ концѣ-концевъ, выйти побѣдителемъ; и эта увѣренность вскорѣ нашла дѣйствительное оправданіе. Блестящее занятіе Горнаго Дубняка и Телиша, отрѣзавшее Осману-пашѣ отступленіе по дорогѣ въ Софію, наступленіе Скобелева на турецкія позиціи съ южной стороны Плевно, геніально обдуманный планъ осады, — все это привело къ паденію сильныхъ турецкихъ позицій и сдачѣ одной изъ лучшихъ турецкихъ арміи, предводительствуемой храбрымъ Османомъ-пашею. Достигнутая

Генералъ-лейтенантъ

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ 2-ой.

(Рисов. П. Ф. Борель, грав. Ю. Барановскій).

побѣда — была слѣдствіемъ цѣлаго ряда блестящихъ дѣлъ, въ которыхъ такъ часто учавствовалъ генералъ Скобелевъ.

Помѣщая здѣсь біографію этого симпатичнаго и талантливаго генерала, мы передаемъ далѣе и описаніе сраженій подъ Плевною, которыми Скобелевъ, покрылъ себя навсегда неувядаемымъ вѣнкомъ славы.

Милаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ родился въ 1843 году, 17-го сентября. Свою военную карьеру онъ началъ съ первыхъ ея ступеней, поступивъ на восемнадцатомъ году отъ роду унтеръ-офицеромъ въ кавалергардскій полкъ, а два года спустя произведенъ былъ въ корнеты съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ гродненскій гусарскій полкъ, который въ то время (начало 1863 года) находился въ Варшавѣ. Во время польскаго возстанія, молодой корнетъ Скобелевъ имѣлъ первый случай доказать на дѣлѣ свою личную храбрость и боевыя способности, которыя высоко уже въ то время цѣнили въ немъ товарищи и начальники. По окончаніи польскаго мятежа и по совершенномъ успокоеніи края, М. Д. Скобелевъ поступилъ въ николаевскую академію генеральнаго штаба и кончилъ въ ней курсъ съ отличіемъ, почему, по окончаніи курса академіи, былъ тотчасъ же причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ на службу сперва въ туркестанскій край (1868 года), а потомъ на Кавказъ (1870 года), но тамъ оставался недолго. По возвращеніи съ Кавказа, М. Д. Скобелевъ былъ нѣкоторое время въ военно-ученомъ комитетѣ главнаго штаба, а потомъ назначенъ адъютантомъ 22-й пѣхотной дивизіи. Начавшаяся въ скоромъ времени война съ коканцами вызвала его исключительно къ боевой дѣятельности. За дѣла и отличія подъ Хивою М. Д. получилъ всѣ высшія военныя боевыя награды: золотую саблю съ надписью «за храбрость», орденъ св. Георгія побѣдоносца 4-й и 3-й степеней и золотую шпагу, украшенную брильянтами, а также чины полковника и генералъ-майора, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. На тридцатомъ году отъ рожденія, въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта, М. Д. Скобелевъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской области и командующимъ въ ней войсками, но оставилъ эту почтную и важную должность, чтобъ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, въ дѣйствующую армію на Дунаѣ.

Однако прежде чѣмъ получить настоящее дѣло въ Болгаріи Михаилъ Дмитріевичъ принужденъ былъ пройдти довольно оригинальную школу. Начало войны совпало съ временнымъ затишьемъ въ Ташкентѣ; Скобелева вызвали въ дѣйствующую армію. За Скобелевымъ оставались всѣ права на такое положеніе въ арміи, которое другимъ слѣдовало бы по настоящему прі-

обрѣтать путемъ долгой службы. Его сверстники далеко отстали отъ него; старшіе лѣтами были снисканы меньшими милостями. Воевать въ Ташкентѣ было мало охотниковъ, но европейская война вызвала массу желающихъ отличиться. Скобелевъ очутился въ средѣ конкурентовъ, между которыми онъ былъ самымъ опаснымъ. Упустить случая было тяжело для каждаго. Чувство зависти обуяло конкурентовъ. Скобелевъ получилъ сначала скромное назначеніе начальника штаба кавалерійской дивизіи. Прошелъ было слухъ передъ переходомъ черезъ Дунай, что Скобелеву будетъ поручена за Дунаемъ отвѣтственная, серьезная, интересная экспедиція. Эта экспедиція обяснилась потомъ переходомъ чрезъ Балканы. Но слухъ этотъ не оправдался на дѣлѣ, такъ какъ, вмѣсто Скобелева, вызвали изъ Петербурга генерала Гурко, который прибылъ какъ разъ къ моменту нашего вступленія въ предѣлы Болгаріи. Скобелевъ не получилъ предполагаемаго назначенія, — дивизія его отца была расформирована, а его прикомандировали къ главной квартирѣ. При переходѣ черезъ Дунай Скобелевъ исполнялъ роль ординарца у Драгомирова. Прошло нѣсколько времени Отрядъ генерала Гурко перешелъ Балканы, и съ нашей стороны попробовали было занять шипкинскій перевалъ, пустивъ съ сѣвера орловскій полкъ, въ ожиданіи пока Гурко появится съ юга; но орловскій полкъ потерпѣлъ неудачу. Тогда Скобелева послали въ новую атаку во главѣ орловскаго полка. Турки оставили передъ Скобелевымъ позицію на Шипкѣ, позорно разбѣжавшись по горнымъ тропинкамъ. Послѣ второй неудачной атаки подъ Плевной, Скобелевъ получилъ новое назначеніе. Нужно было сдѣлать рекогносцировку на Ловчу, отнятую у насъ турками; поручили это дѣло молодому Скобелеву. Нужно было взять Ловчу, — Скобелевъ взялъ ее. Нужно было ударить на нервъ плевненскихъ позицій 30-го и 31-го Августа, — и эта задача была возложена на Скобелева, а когда онъ взялъ турецкіе редуты, его, какъ извѣстно, не поддержали, какъ теперь, впрочемъ, объяснилось, по совершенному неимѣнію резервовъ. Вотъ собственно, что сдѣлано Скобелевымъ въ нынѣшнюю войну. Трудно сказать какъ поступилъ-бы на мѣстѣ Скобелева другой, менѣе сильный человѣкъ, но въ немъ уязвленное самолюбіе вызывало только усиленную энергію. Нужно было уничтожить завистниковъ, показать всѣмъ и каждому, что онъ сильнѣе и выше ихъ. Сильный человѣкъ прибѣгаетъ всегда къ сильнымъ и открытымъ средствамъ, и вотъ Скобелевъ совершаетъ чудеса храбрости, отдается полному самоотверженію и въ какихъ нибудь два дня (30-го и 31-го Августа) пріобрѣтаетъ европейскую извѣстность, становится легендарною личностью въ

устахъ русскаго солдата. «Бѣлымъ генераломъ» называетъ его русская печать; «русскимъ Мюратомъ» величаютъ его итальянцы; англичане, австрійцы — всѣ одновременно признаютъ въ Скобелевѣ героизмъ, умъ и талантъ. Слава Скобелева въ арміи все болѣе и болѣе выростаетъ. Всякій его шагъ разсказывается, перетолковывается и усиливаетъ произведенное уже имъ впечатлѣніе.

Личность Скобелева, по весьма распространенному мнѣнію, представляетъ рѣдкій типъ, замѣчательный по своимъ нравственнымъ силамъ и всему складу своей своеобразной натуры. Этотъ человѣкъ напоминаетъ героевъ тѣхъ романовъ, въ которыхъ они фигурируютъ въ роляхъ благородныхъ, симпатичныхъ, находчивыхъ рыцарей безъ страха и упрека. Для Скобелева опасностей не существуетъ. Будучи военнымъ человѣкомъ, онъ привязанъ къ военному дѣлу такъ-же сильно, какъ привязывается малый ребенокъ къ любимой игрушкѣ. Свистъ пуль, гулъ гранаты на бранномъ полѣ, Скобелевъ выслушиваетъ такъ же невозмутимо, какъ мы слушаемъ обыкновенно болѣе знакомые намъ оперные мотивы. Онъ не любитъ нерасторопнаго казака, называя его бабою и наказываетъ его тѣмъ, что не беретъ съ собою въ бой, отправляя его въ обозъ во время сраженія. Это не человѣкъ сильныхъ ощущеній, потому что онъ ихъ не испытываетъ даже въ самые критическіе моменты боеваго положенія; его какъ будто забавляетъ безсиліе направленнаго противъ него огня, и онъ просто глумится надъ этими смѣшными людишками, которые покушаются на его жизнь, и надъ этими снарядами, начиненными порохомъ, будто-бы съ цѣлью его пораженія. Рѣдко бываютъ такіе храбрые люди. Такіе люди остаются обыкновенно хладнокровно-разсудительными даже въ самые критическіе моменты, потому что разсудокъ ихъ не порабощается впечатлѣніями минуты. Между тѣмъ, въ одномъ кружкѣ нашихъ офицеровъ существовало убѣжденіе, что Михаилъ Дмитріевичъ слишкомъ увлекающаяся натура, которая способна ввергнуть въ огонь и погубить свою часть. Это, конечно, несправедливо.

Генералъ Скобелевъ хорошо образованъ, какъ офицеръ генеральнаго штаба. Говорятъ, онъ имѣетъ отличную память, знаетъ прекрасно военную исторію; примѣры на каждый данный случай войны такъ и сыплются у него съ языка. Онъ умѣетъ извлекать руководство изъ этихъ знаній и примѣровъ. Разсказываютъ, что, при личномъ знакомствѣ, васъ подкупаетъ это обиліе знаній.—Высокій, тонкій и красивый, съ симпатичнымъ лицомъ, русою бородою, съ изысканными манерами, онъ производитъ на войска и особенно на солдатъ самое хорошее впечатлѣніе. Солдаты любятъ его и ради него готовы на всевозможныя жертвы. Эта любовь проис-

ходитъ вслѣдствіе отношенія Скобелева къ солдатамъ; никогда въ немъ не видно ни малѣйшей вспыльчивости, ни малѣйшаго возвышенія голоса, ни малѣйшей брани или рѣзкости; подойдетъ, посмотритъ человѣку въ глаза, спроситъ о чемъ нибудь, поговоритъ или научитъ какой нибудь сноровкѣ, обласкаетъ добрымъ словомъ и отходитъ далѣе, а солдатъ ободренъ, да и не онъ одинъ, а вмѣстѣ съ нимъ ободрено все отдѣленіе, слышавшее бесѣду генерала съ ихъ товарищемъ. Главное условіе его отношеній къ солдату—величайшая простота и искренность. Генералъ Скобелевъ, ежеминутно подставляя свой лобъ подъ пули, не скрываетъ отъ солдата, что и для него самого иногда «тоже боязно»—«да ничего не подѣлаешь, потому что позади еще хуже, еще страшнѣе, а впереди, дастъ Богъ, полегче будетъ.» И солдатъ, видя его постоянно въ огнѣ въ передовой цѣпи, пріучается любить и безусловно вѣритъ въ начальника, раздѣляющаго съ нимъ всѣ солдатскія нужды и невзгоды.

Онъ заботится о солдатѣ настолько, что безъ злобы не можетъ слышать разсужденій, которыя часты у другихъ, въ родѣ: теперь война, слѣдовательно, солдатъ можетъ плохо ѣсть, быть плохо одѣтымъ. У него построены для солдатъ бани. Солдаты говорятъ: со Скобелевымъ драться можно—всегда сытъ будешь. Нигдѣ подъ Плевною не видно было такихъ удобныхъ, просторныхъ и теплыхъ землянокъ, какъ въ отрядѣ Скобелева, вокругъ себя онъ собралъ такихъ-же людей. Начальникъ штаба его, капитанъ Куропаткинъ, одинъ изъ дѣльнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Въ огнѣ, когда кругомъ тысячи падаютъ, онъ не теряется—умъ его такъ же ясенъ, распоряженія стольже цѣлесообразны. Заботливость его удивительна. Во всякомъ, даже маленькомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, ночное прорытіе траншеи, онъ оріентируется отлично. Впередъ все обдумано, впередъ все предупреждено... Остальные у Скобелева—армейская молодежь, беззавѣтно вѣрующая въ него, беззавѣтно смѣлая. Объ участи ихъ генералъ сильно тревожится.

— Папенекъ и маменекъ, титулованныхъ родственниковъ — нѣтъ у нихъ, говорилъ однажды Скобелевъ. Самые счастливые выйдутъ изъ службы съ пенсіономъ въ 350 руб., попадутъ въ становые пристава. А вѣдь какая это смѣлая, честная и даровитая молодежь!

Разсказываютъ, что кто видѣлъ Скобелева въ бою, тотъ не могъ не полюбить его; когда онъ въ дѣлѣ, онъ какъ-то воодушевляется и, становится замѣчательно красивъ; его энергія уже сказывается въ томъ, что во время сраженія онъ не можетъ ѣздить иначе, какъ въ карьеръ. Его ординарцы говорятъ, что служить у него очень тяжело: каждый часъ ожидаешь смерти или раны,—но преданы ему, тѣмъ не менѣе, всею душою; онъ каждаго умѣетъ воодушевить и, если можно такъ выразиться,

какъ бы индукціею возбуждаетъ въ другихъ энергію. Сначала кажется, что онъ нисколько не жалѣетъ солдатъ и посылаетъ войска въ самый ужасный огонь; но потомъ становится ясно, что онъ какимъ то удивительнымъ чутьемъ полководца произвелъ прекрасный военный маневръ. Скобелевъ умѣетъ сдѣлать эффектною важною минуту боя и дать понять ее солдатамъ. Извѣстно, что полки наши, при походной формѣ, имѣютъ знамена въ чехлахъ и такъ идутъ въ бой. «Пѣсенники на правый флангъ»! кричитъ подскакивая къ полку Скобелевъ, передъ штурмомъ: «Чехлы со знаменъ долой! Это самая торжественная минута въ жизни полка — развернуть знамена!» Выходитъ эффектно, солдаты начинаютъ креститься; понимая, что готовится важная минута боя!

Въ концѣ біографіи Скобелева мы передадимъ всѣ тѣ разсказы, которые рисуютъ намъ личность Скобелева, какъ истиннаго героя, и объясняютъ необычайный интересъ, возбуждаемый имъ въ средѣ русскаго общества. Теперь-же разскажемъ о битвахъ подъ Плевною въ памятные дни 30-го и 31-го августа и сообщимъ отдѣльные выдающіеся моменты этихъ битвъ, въ которыхъ Скобелевъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Во время третьей атаки Плевны, Скобелевъ, находившійся на лѣвомъ флангѣ нашей арміи, взялъ 28-го и 29-го августа, двѣ возвышенности, господствующія надъ двумя редутами близь Плевны и къ востоку отъ нея, при чемъ онъ укрѣпилъ свои позиціи, расположивъ на нихъ два полка и 24 орудія. Такимъ образомъ, онъ сильно прикрылъ себя съ лѣваго фланга, противъ турецкаго редута Кришины. 30-го августа генералъ Зотовъ отдалъ приказаніе начать атаку въ три часа пополудни, чтобы взять съ боя оба редута, находящіеся съ восточной стороны Плевны; но, въ видахъ большой успѣшности атаки, наступленіе на означенные редуты и высоты, покрытыя лѣсомъ и виноградниками и хорошо укрѣпленныя непріятелемъ, начато было на лѣвомъ флангѣ уже въ восемь часовъ утра и продолжалось вплоть до 3 часовъ пополудни. До вторичнаго отраженія Крылова, Скобелевъ все медлилъ приступомъ. Ему будто хотѣлось все приготовить сначала обстоятельнѣе. Въ 4 часа онъ разставилъ 20 артиллерійскихъ пушекъ на кряжѣ холма, откуда видна вся Плевна. Не далѣе, какъ на тысячу ярдовъ разстоянія отъ редута, поднялись вдругъ такія массы дыму, послышался такой громъ орудій, что редуту, какъ видно было, не сдобровать: очевидно, что Скобелевъ, рискуя своей артиллеріей ради такой передовой позиціи, рѣшился сдѣлать отчаянную попытку, чтобы взять стоящій у него съ фронта редутъ.

Редутъ, атакованный Скобелевымъ, былъ двойнымъ редутомъ на спускѣ ловчинской дороги къ Плевнѣ. Подавшись съ войсками своими впередъ,

Скобелевъ расположилъ ихъ по склонамъ въ удобномъ боевомъ порядкѣ. Едва только турки съ редута открыли огонь, онъ отвѣтилъ такою мѣткою пальбой, пушки его стали обдавать непріятельскій редутъ такимъ убійственнымъ градомъ пуль и картечи, что отъ усиленнаго дѣйствія многія изъ орудій его стали непригодными къ бою. Онъ очевидно рѣшился все поставить на карту, лишь-бы взять тотъ редутъ, и если Плевна устояла, то это не его вина. Три часа подрядъ онъ выдерживалъ этотъ огонь, и какъ разъ въ ту минуту, когда отраженъ былъ вторично приступъ Крылова и турецкая пальба немного ослабѣла, заглушаемая русскими залпами, онъ порѣшилъ, что пора идти на штурмъ.

Въ его распоряженіи было, на линіи, 4 полка и 4 стрѣлковыхъ батальона. Поддерживая съ своей стороны безпощадный огонь, Скобелевъ, подъ защитою его, расположилъ два полка—въ небольшой лощинѣ отлогаго ската, на которомъ былъ возведенъ редутъ; къ этимъ двумъ полкамъ онъ присоединилъ два стрѣлковыхъ батальона на разстояніи не далѣе, какъ 1,200 ярдовъ отъ вала. Затѣмъ, помѣстившись самъ на позиціи наиболѣе удобной для наблюденія, онъ прекратилъ огонь и далъ приказъ наступать. Во время приступа велѣно было дѣлать перерывы въ пальбѣ; солдаты двинулись впередъ, неся на себѣ свои орудія, при трубномъ звукѣ, съ развѣвающимся знаменемъ, и исчезли въ дыму и копоти. Изъ всѣхъ генераловъ одинъ только Скобелевъ былъ такъ близокъ къ дѣлу, что чувствовалъ, такъ сказать, какъ бился пульсъ битвы. Наступающая колона плохо была видна—клубы пыли и дыма застилали ее. Видя, что солдаты его падаютъ, рядъ за рядомъ, видя, что линія его дрогнула, онъ поколебался. Громовымъ голосомъ, онъ окликнулъ, подзывая на помощь, первый изъ попавшихся полковъ, и снова сталъ выжидать результатовъ. Съ невѣроятною силою эти новые полки ринулись на массу, не смотря на то, что турецкій редутъ, изрыгая дымъ и пламя, обдавалъ ихъ немилосерднымъ градомъ пуль, такъ что линія снова дрогнула. Среди всѣхъ этихъ ужасовъ одинъ Скобелевъ былъ невредимъ. Изъ спутниковъ его одни были убиты, другіе ранены; пострадалъ даже и маленькій киргизъ, его деньщикъ, получившій въ плечо цѣлый зарядъ. Видя смятеніе, видя робость въ рядахъ, онъ повелъ на склонъ четвертый—послѣдній—свой полкъ, либавскій. Съ помощью этихъ новыхъ силъ, онъ кое-какъ пробивался впередъ и почти достигъ уже хребта—но смертный ужасъ, разносимый бомбами, такъ былъ неотразимъ, люди гибли сотнями такъ безвозвратно, что успѣхъ и на этотъ разъ опять былъ сомнителенъ. Линія-же приходила все въ большій страхъ и смятенье. Каждая минута была дорога, коли уже пошло на то, чтобъ овладѣть редутомъ. У Скобелева оставалось теперь только два стрѣлковыхъ батальона,

надежнѣйшія силы его отряда. Ставъ самъ во главѣ ихъ, онъ, верхомъ, пустился впередъ. Онъ собиралъ разбѣгавшихся, онъ настигалъ оробѣвшую, отступавшую массу, одобряя ее приказомъ и собственнымъ мужествомъ. Ему удалось собрать обратившуюся въ бѣгство толпу, и пройти съ нею впередъ торопливо и бойко.

Разсказываютъ, что если какая-либо часть начинала колебаться, онъ ее сейчасъ останавливалъ:

— Стой, равняйся, на караулъ! ружья на плечо, и затѣмъ: — За мною шагомъ маршъ!

Такой маневръ давалъ отличные результаты: колебавшееся солдаты, занятые минутно какъ-бы ученьемъ, забывались и наступали въ замѣчательномъ порядкѣ и стойкости.

Весь редутъ былъ сплошнымъ огненнымъ жерломъ, откуда неслись крики, вопли, стоны губимыхъ или несдававшихся вмѣстѣ съ грознымъ грохотомъ пушекъ и повсемѣстнымъ неумолкающимъ трескомъ ружейныхъ залповъ. Сабля Скобелева была переломлена на двое. Минуту спустя, именно, когда онъ хотѣлъ перескочить черезъ ровъ, конь его и онъ самъ упали; конь погибъ, Скобелевъ остался цѣлъ. Съ радостнымъ возгласомъ онъ вскочилъ на ноги; войска-же его съ дикимъ оглушительномъ крикомъ, ринувшись черезъ ровъ, мимо шанцевъ и контршанцевъ, черезъ брустверъ, прорвалась въ редутъ, какъ ураганъ. Штыки скоро управились съ тѣмъ, что оставалось отъ турокъ. Радостный окликъ извѣстилъ, что редутъ былъ взятъ, и что наконецъ одинъ изъ оплотовъ Плевны достался въ руки нашихъ войскъ. Насмотрѣвшись, на пальбу турокъ изъ за валовъ и окоповъ, нельзя было не прійдти къ убѣжденію, что такаго огня не перебить ни стрѣлами, ни кровью, чему и служитъ подтвержденіемъ крыловскій промахъ. Скобелевъ доказалъ противное — но цѣною какихъ жестокихъ жертвъ! На пространствѣ въ нѣсколько сотъ ярдовъ легло три тысячи человѣкъ: кто на откосѣ холма, кто на валу, кто во рву — четвертая доля всѣхъ совокупныхъ силъ. Скобелева можно чуть-ли не винить за атаку подобныхъ позицій; онъ же былъ того мнѣнія, что если вообще должна быть предпринята атака, то она должна быть проведена именно такимъ образомъ, и что, каковъ бы тамъ ни былъ уронъ, лучше понести потерю и выиграть дѣло, чѣмъ умалить уронъ на половину съ вѣрнымъ ручательствомъ за пораженіе. Скобелевъ, повидимому, единственный изъ русскихъ генераловъ, съ пользою изучившій американскую войну. Онъ ее знаетъ наизустъ, и люди, досконально знакомые съ великою гражданскою войной, удостовѣряютъ, что въ этой атакѣ Скобелевъ держался плана американскихъ вождей того и другаго лагеря, при всякомъ новомъ приступѣ на непріятельскую по-

зицію, ведшихъ на штурмъ все свѣжія силы, не поджидая, чтобы первыя колоны были отражены. Если-же позиція оказывается слишкомъ неприступною для первой колоны, то надо имѣть подъ рукою подкрѣпленія, прежде чѣмъ она будетъ сломлена или отбита.

Скобелевъ *взялъ* редутъ. Задача была въ томъ, какъ бы удержать его. Слѣва надъ нимъ возвышался Кришинскій редутъ. Со стороны Плевны онъ былъ подверженъ огню застрѣльщиковъ и турецкимъ полкамъ, расположившимся въ полѣсьѣ на Софійской дорогѣ; кромѣ того, онъ ничѣмъ не былъ огражденъ отъ пальбы съ лагерныхъ шанцевъ. Тамъ поддерживался перекрестный огонь съ трехъ различныхъ пунктовъ. Разстояніе отъ редута до Кришины было измѣрено съ точностью, и ядра орудій попадали какъ нельзя болѣе мѣтко въ каждый изъ обстрѣливаемыхъ пунктовъ. Задняя сторона редута представляла солидный утесъ, на которомъ не было возможности возвести брустверъ. Вся земля пошла на брустверныя насыпи съ лицевой стороны. Очевидно, что позицію немыслимо было удержать за собой, не овладѣвъ сперва—или шанцами по другую сторону Плевно, или кришинскимъ редутомъ. Скобелевъ просилъ вторично подкрѣпленій, за которыми обращался уже наканунѣ вечеромъ. Какъ бы ни чувствительны были его потери, духъ войска былъ настолько бодръ, что, при поддержкѣ свѣжаго полка, оно было бы не прочь штурмовать и редутъ, и шанцы; оно даже готово было отстаивать позицію, пока который-нибудь изъ отрядовъ не добьется успѣха. Между тѣмъ, румыны и русскіе взяли гривицкій редутъ. Будь только возможность захватить втеченіе дня одну—другую новую позицію, напримѣръ Кришинскій редутъ, и который нибудь изъ шанцовъ на томъ-же хребтѣ, сдача Плевны была бы несомнѣнна.

Съ разсвѣтомъ турки атаковали отбитый редутъ, и свирѣпый бой закипѣлъ на этомъ пунктѣ, тогда какъ вся окрестность еще была охвачена тишиной. Отчаянный приступъ турокъ былъ отраженъ. Они снова пошли на штурмъ, но снова встрѣтили отпоръ, и такъ это шло весь день, пять разъ къ ряду, безъ устали. Русскія потери были громадны. Но не смотря на опустошительный огонь, не смотря на сотни выбывающихъ изъ строя, ни одинъ солдатъ не дрогнулъ, потому что всѣ видѣли передъ собою любимаго генерала, всѣ слышали его звучныя слова поощренія и благодарности. Офицеры выбывали изъ строя въ поразительномъ числѣ, до того, напримѣръ, что однимъ батальономъ калужскаго полка командовалъ фельдфебель, но все-таки командовалъ, и не смотря на убыль всѣхъ офицеровъ, батальонъ неразстроился, не разсыпался. И какъ командовалъ!

— Ну, ребятушки, патроновъ не тратить, зря не стрѣлять, прицѣлъ брать! Готово, что-ли?

— Готово дядя!

— То-то. пли!

Залпъ изъ шестидесяти пяти ружей сдѣланъ и 65 турокъ свалились на мѣстѣ.

Не герои-ли это, водимые истиннымъ героемъ?

При атакѣ редута генералъ Скобелевъ лишился 2,000 человѣкъ. Въ послѣ обѣденной схваткѣ, при отстаиванiи редута, у него выбыло изъ строя новыхъ 3,000 человѣкъ, между тѣмъ какъ батальоны рѣдѣли и сокращались будто-бы по волшебству. Отъ одного батальона стрѣлковъ осталось, напримѣръ, всего 160 человѣкъ. Изъ роты въ 150 человѣкъ убыло 110. Убита и ранена была громадная пропорцiя высшихъ чиновъ. Изъ полковыхъ командировъ уцѣлѣлъ всего одинъ; по батальонамъ едва оставались одни высшiе чины. Изъ штабъ-офицеровъ убито двое; генералъ Добровольскiй, начальникъ стрѣлковаго батальона, убитъ. Одинъ изъ офицеровъ былъ разнесенъ на части при взрывѣ заряднаго ящика. Капитанъ Куропаткинъ, начальникъ штаба, стоявшiй по близости, былъ тяжело контуженъ, не говоря уже о томъ, что ему обожгло всѣ волосы. Нисколько не смутясь этимъ ужаснымъ случаемъ, Куропаткинъ въ то-же самое мгновенiе скомандовалъ:

— Первое—пли!

Одинъ генералъ Скобелевъ остался невредимъ; его хранили точно чары какiя. По три, по четыре раза въ день онъ обходилъ редуты, ободряя солдатъ и говоря имъ, что помощь близка, что Плевна вотъ-вотъ сдастся, что побѣда не замедлитъ увѣнчать ихъ усилiя; что этотъ послѣднiй рѣшительный ударъ они обязаны понести еще за свою родину, за доблесть и славу русскаго оружiя. Его повсюду привѣтствовали радостнымъ кликомъ, не смотря на то, что прежнiе полки состояли всего изъ какой-нибудь сотни людей! Вновь и вновь онъ посылалъ за подкрѣпленiями, вновь и вновь увѣдомлялъ Главнокомандующаго, что долѣе держаться нѣтъ силъ. Наступилъ ужъ полдень, наступила ночь—а помощи не было.

— Еще полкъ, дайте, только одинъ полкъ свѣжiй—и Плевна моя!— вырвалось восклицанiе изъ мощной груди Скобелева; но слова его не нашли отголоска нигдѣ и затерялись въ пространствѣ.

Генералъ Левицкiй отказалъ ему въ поддержкѣ, по недостатку силъ. Генералъ Крыловъ, на собственный страхъ послалъ остатки полка, атаковавшаго редутъ, и солдаты съ быстротой бросились впередъ, пробираясь чрезъ поле, покрытое маисомъ. Изъ 2,500 человѣкъ набралось едва тысяча человѣкъ, да и тѣ не способны были идти въ дѣло въ тотъ-же самый день; наконецъ, прибылъ и давно жданный полкъ. Генералъ Скобелевъ по-

кинулъ редутъ въ 4 часа, чтобъ пройти въ свою палатку на противоположной сторонѣ одного изъ лѣсистыхъ пригорковъ. Не прошло и часу, какъ его увѣдомили, что турки идутъ съ ловчинской дороги приступомъ прямехонько на Плевну. Онъ поскакалъ впередъ посмотрѣть въ чемъ дѣло, но на пути встрѣченъ былъ ординарцемъ, донесшимъ, что турки атакуютъ редутъ уже шестой разъ. Онъ пустился во всю рысь, прямо на редутъ, въ надеждѣ прибыть еще во время; но на пути ему попалась толпа собственныхъ его солдатъ, обратившихся вспять. Изнемогая отъ усталости послѣ двухсуточнаго безостановочнаго боя, мучимые жаждой, голодные, они едва держались на ногахъ, и были уже негодны для дѣла.

Видя, что нѣкоторыя части продолжаютъ еще оставаться въ редутахъ, Скобелевъ приказалъ и имъ очистить редуты и отступать. Въ одномъ мѣстѣ засѣвшая горсть нашихъ храбрецовъ не хотѣла отступать:

— Ваше-ство, дозвольте намъ еще пострѣлять!

— Нельзя, выходите всѣ, стройтесь — и маршъ!

— Мы его сюда не пустимъ, дозвольте, ваше—ство!

И съ такими солдатами пришлось отступать.

Пользуясь бездѣйствіемъ русскихъ втеченіе цѣлаго дня, турки успѣли собрать могущественную силу, при помощи которой попытались пойти на послѣдній, отчаянный приступъ, и вытѣснили русскихъ. Одинъ только бастіонъ, до послѣдней возможности, былъ отстаиваемъ горстью людей во главѣ съ храбрымъ маіоромъ Владимірскаго полка Горталовымъ, котораго генералъ Скобелевъ назначилъ комендантомъ этаго бастіона. Эта горсть людей не хотѣла бѣжать, и была изрублена — вся до единаго. Во время отсупленія генералъ Скобелевъ былъ страшно возбужденъ. Мундиръ его былъ облѣпленъ грязью, сабля изломана, георгіевскій крестъ болтался гдѣ то на плечѣ; лицо почернѣло отъ копоти и дыму, взоръ блуждалъ и тускнѣлъ, голосъ опустился. Онъ говорилъ какимъ-то хриплымъ шопотомъ. Войдите въ душу генерала Скобелева и поймите всѣ чувства, обуревавшія всѣмъ существомъ его. Понеся громадный уронъ въ людяхъ, потерявъ много жизненныхъ силъ, переживъ въ эти дни страшныя и мучительныя минуты, онъ опять очутился на томъ-же самомъ пунктѣ, откуда вышелъ. Тутъ невыдержалъ его мужественный и закаленный характеръ и прозрачная слеза скатилась по его ласковому лицу. За ней полились градомъ горячія слезы, и боевой генералъ, не преклоняющій головы передъ грозною гранатою, не моргнувшій ни разу передъ градомъ осыпавшихъ его пуль, съ презрѣніемъ заглядывающій въ лицо смерти, далъ волю своимъ человѣческимъ чувствамъ. Его слезы были слезы состраданія: сколько жертвъ, сколько жизней, потраченныхъ напрасно! Благородный духъ генерала какъ-бы принималъ на себя

отвѣтственность за всѣ жертвы, но онъ исполнилъ свято долгъ свой и, стоя на высотѣ своего призванія, стяжалъ заслуженную славу, благодарность и благоговѣніе всего нашего воинства.

— Я отдалъ все, что только имѣлъ лучшаго—говорилъ онъ—больше я сдѣлать не въ силахъ. Отрядъ мой на половину разстроенъ; полковъ моихъ не существуетъ; офицеровъ у меня не осталось; подкрѣпленій мнѣ не дали, и я потерялъ три орудія.

Это были три орудія изъ тѣхъ четырехъ, которыя онъ разставилъ на отбитомъ у турокъ редутѣ, и изъ этихъ четырехъ, его отступающіе солдаты могли захватить съ собою только одно, потому что были перебиты всѣ лошади и нельзя было вывести ихъ.

— Кто-же отказалъ вамъ въ поддержкѣ?—спросили его.—Чья это вина?

— Никого я не виню,—былъ отвѣтъ Скобелева.—Такова, видно, воля Господня.

Въ награду за подвиги Скобелева подъ Плевной онъ получилъ орденъ Станислава 1-й степени и чинъ генералъ-лейтенанта съ назначеніемъ командиромъ дивизіи.

Послѣ третьей неудачной атаки Плевны, былъ окончательно измѣненъ планъ, долженствовавшій заставить Османа-пашу преклониться передъ силою русскаго оружія. Въ этотъ новый періодъ военныхъ дѣйствій подъ Плевною на долю Скобелева выпало:—наступать къ осажденной турецкой арміи съ южной стороны Плевны. Порученіе было исполнено Скобелевымъ весьма успѣшно, безъ значительныхъ потерь. Онъ отнялъ у турокъ, такъ называемыя, «Зеленыя горы», представлявшія хорошую позицію для наблюденія за движеніями арміи Османа. Турки долгое время не могли примириться съ мыслью оставить эти позиціи въ рукахъ русскихъ войскъ и предприняли рядъ атакъ, которыя были отбиты Скобелевымъ съ значительнымъ урономъ для непріятеля. Скобелевъ хорошо зналъ, что турки не оставятъ нашихъ въ покоѣ, и потому самъ переселился жить въ траншеи; двое сутокъ онъ прожилъ подъ открытымъ небомъ, въ ямкѣ, гдѣ все преимущество его заключалось только въ санитарныхъ носилкахъ; солдаты видѣли, что онъ здѣсь же, въ своей кавказской буркѣ, вмѣстѣ съ ними, подъ пулями и гранатами, всегда ясный, спокойный, дѣятельный, ходитъ, гуляетъ, работаетъ вмѣстѣ съ Куропаткинымъ надъ «плантами» (надъ картой), ѣстъ тоже, что и они ѣдятъ, спитъ менѣе прочихъ и еще говоритъ, что ему «тоже боязно». Только, 31-го октября, солдаты могли накинуть древесный плетень на его ямку и сдѣлать изъ нея жалкое подобіе землянки: «все же суше будетъ, да, авось, либо и пуля не такъ скоро достанетъ...

Коли мы не позаботимся, онъ, какъ дите, самъ о себѣ не подумаетъ». Но солдаты «думали» еще и болѣе этого: позади его ямки они устроили небольшую траншейку, и въ ней помѣстился особый небольшой караулъ личныхъ охранителей генерала Скобелева.

Передаемъ затѣмъ нѣкоторые изъ анекдотовъ о генералѣ Скобелевѣ, который въ нынѣшнюю войну обратился въ такого-же героя, какимъ, напримѣръ, былъ въ отечественную войну Милорадовичъ. Разсказываютъ, напримѣръ, слѣдующій характерный случай:

Какъ-то Скобелевъ, сидя подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, закусывалъ.

Одна изъ гранатъ, съ шипѣніемъ разрѣзывая воздухъ, летѣла прямо на Скобелева въ ту именно минуту, когда онъ клалъ въ ротъ кусокъ цыпленка. Къ общему изумленію присутствовавшихъ офицеровъ, Скобелевъ пріостановился и видимо ждалъ окончанія полета; этого съ нимъ никогда не бывало. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ, онъ какъ бы не замѣчалъ лопавшихся вокругъ снарядовъ, не слышалъ страшнаго шума. Снарядъ пролетѣлъ надъ самою головою генерала, упалъ шагахъ въ 20 сзади его и разорвался на куски, не причинивъ, однако, никому вреда.

— Первый разъ въ жизни,—проглотивъ кусокъ спокойносказалъ генералъ Скобелевъ,—мнѣ показалось, что эта каналья предназначена для меня.

Скобелевъ всей душой любитъ солдата, и онъ ему отвѣчаетъ тѣмъ-же. Послѣ одной рекогносцировки, Скобелеву навстрѣчу идетъ едва-едва солдатъ, раненый въ голову. Увидѣвъ генерала, раненый выпрямляется и дѣлаетъ «на плечо». На другой день, онъ умеръ.

Вотъ другой примѣръ. Пьетъ Скобелевъ чай. Проходитъ мимо него солдатъ.

Хочешь чаю? — Солдатъ мнется. Скобелевъ улыбается; улыбка у него подкупающая, глаза нѣжные, голубые, лице такое пріятное. Солдатъ садится и пьетъ чай съ генераломъ. Солдатъ счастливъ.

Встрѣчается Скобелевъ съ молоденькимъ офицеромъ въ ресторанѣ, офицеръ скромно пьетъ кофе, робко оглядываясь во всѣ стороны.

«Должно быть у него денегъ нѣтъ», догадывается генералъ. Жалованье получать офицеру въ это время негдѣ. Скобелевъ даетъ ему взаймы безъ просьбы. Офицеръ счастливъ! Положеніе, заслуги, молодость, красота подкупаютъ каждаго, когда этотъ каждый видитъ, что для Скобелева все это трынъ-трава!..

Слѣдующій эпизодъ вполнѣ характеризуетъ его невозмутимое хладнокровіе. Въ день штурма гор. Ловчи батальонъ эстляндскаго полка вышелъ на городское кладбище, расположенное внутри города. Кладбище обстрѣливалось сильнымъ огнемъ непріятеля на 2,000 шаговъ. Достаточно было свиста пуль и нѣсколькихъ раненыхъ, чтобы батальонъ, безъ приказанія, побѣжалъ по кладбищу къ линіи домовъ. Генералъ Скобелевъ приказалъ офицерамъ собрать батальонъ и привелъ его на середину кладбища, наиболѣе обстрѣливаемую турками. Выстроивъ батальонъ во фронтъ, Скобелевъ всталъ впереди батальона и началъ командовать одинъ за другимъ ружейные пріемы. Во время этого ученья батальонъ потерялъ 6 человѣкъ. Солдаты убѣдились въ томъ, что огонь непріятельскій вовсе не такъ губителенъ, какъ они воображали, а стойкость ихъ выросла и укрѣпилась. Пусть попробуетъ горячій человѣкъ придумать такую штуку, извѣсить, разсчитать и исполнить это подъ градомъ пуль и гранатъ!

Зная хорошо натуру русскаго человѣка, Скобелевъ понимаетъ, что усталому солдату, послѣ боя, теплая пища будетъ лучшею наградой за понесенные труды и лишенія. И вотъ, за своими полками онъ постоянно возитъ ротные котлы. Нельзя прочій обозъ брать, но чтобъ котлы были взяты. Очевидцы разсказываютъ, что подъ Ловчей, при штурмѣ турецкихъ позицій, когда утомленные солдаты останавливались, говоря ему: «Моченьки нѣтъ отъ усталости, ваше превосходительство, - Скобелевъ кричалъ имъ:

— Благодѣтели! каша будетъ вечеромъ, кашей накормлю — возьмите еще эту турецкую батарею! — и солдаты, смѣясь отъ души, напрягали послѣднія силы и брали непріятельское укрѣпленіе.

Такъ какъ Скобелевъ никогда еще не бывалъ раненъ, между тѣмъ, какъ подъ нимъ убито уже нѣсколько лошадей, шашка искрошена осколками гранатъ, и много ординарцевъ переранено, — то между солдатами держится упорно забавное мнѣніе, что генералъ заговоренъ. «Онъ такое слово знаетъ, говорятъ они, что пуля ему не вредна. Онъ въ Туркестанѣ такое слово купилъ у татарина за десять тысячъ золотыхъ», поясняютъ они. Одинъ раненый подъ Плевной солдатъ курскаго полка разсказывалъ въ госпиталѣ: «Пуля прошла сквозь его (Скобелева) — ему ничего, а меня ранила».

Во время атаки Плевны 30-го августа на правомъ флангѣ попался намъ въ плѣнъ одинъ турецкій офицеръ. На вопросъ: много-ли въ турецкой арміи находится иностранныхъ офицеровъ, онъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ намъ иностранные офицеры, когда у насъ есть свой Османъ-паша, котораго не стоятъ и 200.000 иностранныхъ офицеровъ?

Затѣмъ турокъ пояснилъ, что они хотя и боятся русскихъ солдатъ, но это еще ничего; но «въ русской арміи есть одинъ бѣлый генералъ (Скобелевъ), который наводитъ на нихъ паническій страхъ; всякій разъ, когда этотъ генералъ выѣзжаетъ на видное мѣсто, солдатамъ велятъ направлять весь огонь на всадника, который все-таки, какъ заколдованный, сидитъ на своемъ бѣломъ конѣ».

Командиръ 9-го корпуса дѣйств. арміи, генералъ-лейтенантъ баронъ

Н. П. КРИДЕНЕРЪ.

(Рисов. П. Ф. Борель, гравир. И. Матюшинъ).

Генералъ-лейтенантъ баронъ Н. П. Криденеръ

и

взятіе крѣпости Никополя.

Баронъ Николай Павловичъ Криденеръ 3-й, герой Никополя, взятаго нашими войсками подъ его командой 2-го іюля, родился 10-го марта 1811 года въ Лифляндской губерніи. 17 лѣтъ онъ былъ уже полевымъ инженеръ-прапорщикомъ, а, по окончаніи курса наукъ, въ 1828 году, въ офицерскихъ классахъ бывшаго главнаго инженернаго училища (нынѣ николаевская инженерная академія) только нѣсколько времени провелъ на службѣ по инженерному вѣдомству и въ 1834 году поступилъ въ императорскую военную академію (нынѣ николаевская академія генеральнаго штаба), гдѣ, окончивъ курсъ въ числѣ первыхъ, былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны съ переводомъ въ генеральный штабъ. Въ началѣ 1838 года онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ, сначала 10-й, а потомъ 3-й пѣхотныхъ дивизій; въ 1841 году назначенъ, въ чинѣ капитана, въ главную квартиру дѣйствующей арміи для порученій. Въ 1846 году, въ чинѣ подполковника, назначенъ былъ состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартіймейстера, а годъ спустя занялъ видное мѣсто въ департаментѣ генеральнаго штаба. Въ 1849 году, уже въ чинѣ полковника генеральнаго штаба, баронъ Криденеръ назначается оберъ-квартирмейстеромъ гренадерскаго корпуса. Съ этого же года начинается его строевая служба. Сначала онъ назначенъ былъ командиромъ Е. И. В. принца Евгенія Виртембергскаго (нынѣ 6-го гренадерскаго таврическаго В. К. Михаила Николаевича) полка, а въ 1858 г. командиромъ Кексгольмскаго императора австрійскаго полка. Чинъ генералъ-маіора баронъ Криденеръ получилъ въ сентябрѣ 1859 года, а въ ноябрѣ того-же года былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи волынскаго полка. Съ этимъ полкомъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи польскаго

возстанія въ 1863 году. Именно, 2-го апрѣля и 24-го августа того года, во главѣ самостоятельнаго отряда, онъ разбилъ и уничтожилъ двѣ шайки: — одну Ремишевскаго, въ 300 человѣкъ, въ Каниновскихъ лѣсахъ при Будѣ Зоборовской, и другую – Земенскаго въ 250 человѣкъ, при деревнѣ Мысло. Въ награду ему была пожалована золотая сабля, съ надписью «за храбрость». Въ концѣ того-же 1863 г. баронъ Криднеръ назначается командующимъ 27-ю пѣхотною дивизіею, а въ 1865 году производится въ генералъ-лейтенанты. За службу въ Привислянскомъ краѣ, баронъ Криденеръ былъ пожалованъ маіоратомъ и ему было предоставлено право носить мундиръ лейбъ-гвардіи волынскаго полка Уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, баронъ Криденеръ былъ награжденъ орденами св. Владиміра 2-й степени и Бѣлаго орла, а въ нынѣшній постъ командующаго 9-мъ армейскимъ корпусомъ былъ назначенъ въ концѣ минувшаго года. За взятіе Никополя онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса.

Взятіе крѣпости Никополя войсками, находившимися подъ начальствомъ барона Криденера, состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ перехода 9-го корпуса русскихъ войскъ черезъ Дунай, отъ передовыхъ пикетовъ ежедневно получались извѣстія о томъ, что турецкія войска, стоящія въ Никополѣ и его окрестностяхъ, собираются уйти оттуда. Очевидно было, что для этого у нихъ было только два пути: на Плевну и оттуда къ Балканамъ, или-же на Виддинъ, вдоль Дуная. Цѣль генерала Криденера состояла въ загражденіи непріятелю обоихъ этихъ путей. При рекогносцировкѣ, предпринятой 30-го іюня, наши войска встрѣтили близь дер. Вублы энергическое сопротивленіе. Турецкія батареи, расположенныя къ сѣверу отъ этой деревни открыли огонь, но немогли помѣшать занятію деревни нашею пѣхотою, которою командовалъ князь Голицынъ; казаки, заслышавъ пушечные выстрѣлы, тотчасъ-же поспѣшили въ ту сторону, откуда доносилась кононада. Турки хорошо воспользовались своими позиціями, очень благопріятными для защиты, и увеличили еще искусственно природную неприступность этой мѣстности. Вдоль всей линіи къ югу отъ Никополя были устроены ими батареи и траншеи, которыя, подъ прикрытіемъ холмовъ, густо поросшихъ кукурузою, виноградниками и фруктовыми деревьями, были почти совсѣмъ невидны для осаждающихъ. Подходить къ этимъ позиціямъ приходилось по мѣстности, слегка холмистой и подверженной выстрѣламъ непріятеля. Поэтому, генералъ Криденеръ велѣлъ въ слѣдующую-же ночь устроить батареи къ востоку отъ Вублы, для того, чтобы артиллерія могла подготовить и затѣмъ облегчить движеніе пѣхоты. Казачья бригада, которая еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ была послана къ западу и успѣла переправиться черезъ рѣчки Осму

и Видъ, нѣсколько разъ уже встрѣчалась съ шайками черкесовъ, которые грабили окрестности, но ни разу не смогли устоять противъ энергическаго нападенія казаковъ. Жестокости, совершенныя шайками черкесовъ, довели озлобленіе русскихъ солдатъ до крайней степени; болгарскіе бѣглецы разсказывали ужасы, и, къ сожалѣнію, разсказы эти вполнѣ подтверждались тѣмъ, что видѣли наши войска, вступая въ болгарскія деревни. Такъ, напримѣръ, былъ найденъ изуродованный трупъ ребенка съ отрѣзанною головою; нашли также дѣвушку съ отрѣзанными грудями, еще живую; одна несчастная мать, которая не давала баши-бузукамъ увезти ея ребенка, была ими тотчасъ-же удавлена; изъ другой деревни 30 дѣвушекъ были уведены въ турецкій лагерь. Болгары, для того, чтобы русскіе узнавали въ нихъ христіанъ, не взирая на турецкую ихъ одежду, покрыли свои красныя фески бѣлыми платками и, кромѣ того, нашили на рукавахъ или на груди своихъ куртокъ крестъ. Всюду они радостно выходили на встрѣчу своимъ освободителямъ.

Между тѣмъ, въ русскихъ войскахъ существовала полная неизвѣстность относительно того, желаютъ-ли или не желаютъ турки вступить въ бой. Подозрѣвали, что у нихъ было мало боевыхъ запасовъ; по крайней мѣрѣ турецкія батареи не разъ уже стрѣляли круглыми ядрами, слѣдовательно, изъ гладкоствольныхъ орудій; находили также неразорвавшіяся гранаты, которыя, по вскрытіи, оказались начиненными, вмѣсто взрывчатыхъ веществъ, тряпками и соломой.

Такъ какъ исполненіе предначертанной Криденеромъ цѣли зависѣло преимущественно отъ быстроты дѣйствія, то на 3 іюля войскамъ было предписано приготовиться для атаки и расположиться такъ: изъ центра (въ деревнѣ Вублѣ) часть войска должна была идти на Никополь, послѣ того какъ это движеніе будетъ подготовлено стрѣльбой съ батарей, устроенныхъ на восточной сторонѣ деревни. На лѣвомъ флангѣ генералъ Шильдеръ-Шильднеръ долженъ былъ взять мостъ черезъ рѣку Осму и, переправившись на правый берегъ идти, впередъ; на правомъ флангѣ генералъ Вильяминовъ долженъ былъ идти черезъ деревню Эрмане, лежащую къ югу отъ Никополя.—3-го іюля, рано утромъ, лишь только стало возможнымъ отличить непріятельскія батареи, наша артиллерія открыла свой огонь, на который турки стали немедленно отвѣчать; пальба усиливалась каждую минуту съ обѣихъ сторонъ. Въ четыре часа утра генералъ Криденеръ съ своимъ штабомъ отправился на поле сраженія. Почти до 7 часовъ артиллерійскій бой продолжался съ неослабѣвающею энергіей; затѣмъ выстрѣлы съ турецкой стороны стали повторяться съ меньшею правильностью, канонада посте-

пенно ослабѣвала и къ половинѣ восьмаго совсѣмъ прекратилась; турецкая артиллерія должна была замолчать.

Баронъ Криденеръ послалъ генералу Шильдеръ-Шульднеру предписаніе приступить къ атакѣ моста черезъ Осму, и къ 8 часамъ изъ долины рѣки донесся грохотъ пушекъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Но не смотря на всѣ усилія наши храбрецы не могли проложить себѣ дорогу на мостъ, который турки защищали значительными силами; между тѣмъ овладѣніе этимъ мостомъ было необходимо для того, чтобы совершенно заградить непріятелю путь въ Плевну. Поэтому около 10 часовъ генералъ Криденеръ приказалъ одной казачьей батареѣ, стоявшей на возвышенности по сю сторону рѣки, поддержать нападеніе. Нѣсколько гранатъ, пущенныхъ въ непріятеля, произвели должное дѣйствіе: турки стали мало-по-малу поддаваться назадъ, а русскіе тѣмъ временемъ перешли въ наступленіе. Съ турецкаго редута, господствовавшаго надъ этой мѣстностью, выстрѣлъ за выстрѣломъ изъ большой круповской пушки, падали въ ряды подвигавшихся стрѣлковъ, но эти послѣдніе твердо, хотя и медленно шли впередъ, поднимаясь на высоты и оттѣсняя турецкую пѣхоту.

Тѣмъ временемъ, въ центрѣ нашихъ войскъ, къ сѣверу отъ Вублы, турецкія батареи снова давали себя знать. Артиллерійскій бой возобновился. Когда генералъ Криденеръ увидѣлъ, что пѣхота съ лѣваго фланга взбирается уже на холмы, онъ приказалъ начать общую атаку пѣхотой, и вскорѣ послѣ этого велѣлъ двинуть впередъ всѣ батареи, стоявшія до этого на позиціяхъ къ востоку отъ Вублы. Артиллерія тронулась по-батарейно точно на плацу, во время ученья. На нее посыпались гранаты; но не обращая ни на что вниманія, храбрые артиллеристы подвинулись впередъ шаговъ на 1,000 ближе къ непріятелю, и тутъ, съ своей стороны, стали осыпать снарядами турецкія позиціи, которыя съ этого мѣста были лучше видны. Тѣмъ временемъ наши войска густыми колоннами двинулись изъ деревни Вублы и, не смотря на сильный огонь непріятеля, вырывавшій изъ строя цѣлые ряды солдатъ, шли впередъ по мѣстности, надъ которой въ этомъ пунктѣ господствовали непріятельскія позиціи; большинство молодыхъ офицеровъ шли сами съ ружьями въ рукахъ и съ громкимъ «ура!» бросались впереди своихъ частей. Пѣхота стрѣляла мало, такъ какъ непріятель, скрывавшійся большею частью въ траншеяхъ, представлялъ слишкомъ неудобную цѣль; его выбивали изъ траншей штыками, и около половины третьяго шанцы, лежащіе къ сѣверу отъ Вублы, были взяты штурмомъ, причемъ намъ досталось одно нарѣзное орудіе.

На нѣкоторое время наступилъ небольшой перерывъ въ сраженіи. Войска, двигавшіяся до сихъ поръ по открытой мѣстности, вошли въ мѣст-

ностью, которая до самаго Никополя была покрыта виноградниками, огородами и маисовыми полями, такъ что быстрое движеніе по ней было не возможно, да къ тому-же и лѣвому флангу генерала Шильдеръ-Шульднера пришлось сначала завладѣть равниной. Около 3-хъ часовъ дня его войска взяли штурмомъ редуты, расположенные на крайнихъ скатахъ, огонь которыхъ причинилъ столько вреда при первомъ наступленіи, и захватили при этомъ орудія. Къ сѣверу отъ редутовъ раскидывался большой турецкій лагерь, который, впрочемъ, небылъ укрѣпленъ большими земляными окопами и былъ уже оставленъ. Черезъ полчаса этотъ лагерь находился въ рукахъ нашихъ войскъ. По всей нашей линіи, уже близко подошедшей къ городу, но вынужденной, вслѣдствіе неровности почвы, растянуться на большое пространство, началось снова движеніе впередъ. Турки держались упорно и, съ своей стороны, попробовали броситься въ аттаку, съ цѣлью прорваться къ Виддину, но эта попытка была блистательно отражена. Наши войска отнимали у непріятеля одну траншею за другой. Уже смеркалось, когда генералъ Криднеръ, для поддержанія пѣхоты, уже совершенно подошедшей къ городу, велѣлъ батареѣ, находившейся въ центрѣ арміи, открыть огонь по упорно защищавшемуся городу. Небольшіе отряды нашихъ войскъ уже успѣли проникнуть въ городъ, но они были подавлены превосходствомъ силъ и звѣрски перерѣзаны. Такъ, 20 человѣкъ тамбовскаго полка были искрошены въ куски, нѣкоторыхъ солдатъ бросали живыми въ горѣвшіе дома. Вечеромъ всѣ высоты, господствующія надъ городомъ и крѣпостью, были въ нашихъ рукахъ.

На утро слѣдующаго дня были отданы распоряженія объ аттакѣ Никополя; войска разставлены въ извѣстномъ порядкѣ. Ожидалось лишь наступленіе утренней зари, чтобы начать аттаку. Но на разсвѣтѣ, когда генералъ Криденеръ только что выѣхалъ съ своимъ штабомъ, ему доложили, что на крѣпости поднятъ бѣлый флагъ. Дѣйствительно, флагъ развивался надъ главными воротами, но самые вороты были заперты. генералъ велѣлъ сломать ихъ и тутъ только показался комендантъ крѣпости, Гассанъ паша, въ сопровожденіи своихъ офицеровъ, и объявилъ что сдается безусловно. Относительно необходимыхъ при этомъ формальностей онъ просилъ генерала разъяснить, что ему слѣдуетъ дѣлать, такъ какъ никогда еще въ своей жизни ему не приходилось сдаваться на капитуляцію.

Очевидецъ сраженія, предшествующаго капитуляціи Никополя, и занятія нашими войсками города и крѣпости, корреспондентъ «National Zeitung», въ такихъ словахъ описываетъ окрестности Никополя и самый городъ въ моментъ занятія его войсками: «Намъ пришлось проѣзжать въ

Никополь лагеремъ, взятымъ еще вчера. Часть палатокъ еще небыла убрана, между ними валялись трупы, разныя принадлежности лагернаго хозяйства, убитыя лошади, словомъ, передъ нами была картина опустошенія послѣ битвы во всей своей неприглядности. Вдругъ, изъ города къ намъ донеслось громкое «ура!» и заставило насъ ускорить шагъ нашихъ лошадей: изъ крѣпости выводили турецкихъ плѣнныхъ и надъ воротами ея поднимался русскій флагъ. Когда мы галопомъ скакали по узкой дорогѣ, ведущей въ городъ, намъ на встрѣчу попался отрядъ казаковъ, предводительствуемый генераломъ, графомъ Толстымъ, который сопровождалъ плѣннаго Гассана пашу, и очень привѣтливо поблагодарилъ насъ за поздравленіе съ побѣдой. Гассанъ-паша,—мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, съ энергическими чертами лицъ и темными, сверкающими глазами. Онъ увѣрялъ, что не понимаетъ по французски, но судя по выраженію его лица, онъ понималъ какъ нельзя лучше нашъ разговоръ съ генераломъ, происходившій на французскомъ языкѣ. Нѣсколько минутъ спустя, мы ѣхали по улицамъ Никополя, по обѣимъ сторонамъ которыхъ войска были разставлены шпалерами. Вдругъ, снова раздалось громкое «ура!», раскаты котораго доносились вплоть до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ стоялъ генералъ Криденеръ. Мы отвѣчали на эти крики бросаніемъ шапокъ вверхъ и то-же кричали «ура!» Лишь позднѣе узнали мы, что это привѣтствіе относилось къ офицерамъ, которые раздѣляли съ войсками трудности жаркаго дѣла передъ Никополемъ. Генералъ Криденеръ благодарилъ насъ за поздравленіе рукопожатіемъ и поцѣлуемъ по русскому обычаю. Когда мы отошли отъ него, взорамъ нашимъ представилась картина, какую не многимъ придется видѣть на своемъ вѣку. Изъ воротъ крѣпости непрерывной массой выходила толпа плѣнныхъ; нѣсколько въ сторонѣ стояли турецкіе офицеры; а далѣе, на зеленомъ скатѣ, расположились гаремы во всей своей роскоши и фантастическомъ убранствѣ; тутъ-же были дѣти, невольницы и гаремныя прислужницы; большинство женщинъ были съ опущенными покрывалами и одѣтыя въ черныя широкія одежды, знакъ траура. То, чего магометанинъ не дозволяетъ видѣть даже своему единовѣрцу, было доступно теперь взорамъ смертельныхъ враговъ его, христіанъ, и турки должны были спокойно смотрѣть, какъ тамъ и сямъ приподнимались покрывала и юношески прекрасное личико являлось лучшимъ ходатаемъ для того, чтобы склонить на ту или другую маленькую услугу. Шествіе плѣнныхъ продолжалось нѣсколько часовъ».

При капитуляціи Никополя въ плѣнъ сдались двое пашей и 6 тысячъ регулярнаго войска. Добыча состояла изъ 40 полевыхъ пушекъ, установленныхъ на батареѣ вдоль высотъ (изъ нихъ 12 крупнаго калибра), а также изъ 2 мониторовъ.

Александръ Павловичъ ШЕСТАКОВЪ, Өедоръ Васильевичъ ДУБАСОВЪ,
взорвавшіе турецкій броненосецъ „Хивзи-Рахманъ".
(Рисовалъ на деревѣ П. Ф. Борель, гравир. И. Матюшинъ).

Лейтенанты: Ѳ. В. Дубасовъ и А. Н. Шестаковъ,

взорвавшіе турецкій мониторъ «Хивзи-Рахманъ».

Съ занятіемъ нашими войсками лѣваго берега Дуная, турецкое правительство приказало главнокомандующему своей арміи въ Болгаріи, Абдулъ-Кериму-пашѣ, зорко слѣдить за движеніями русскихъ войскъ и стараться уничтожать всякую попытку перехода черезъ Дунай. Абдулъ-Керимъ, стянувъ на правый берегъ громадныя силы, хвастливо увѣрялъ свое правительство, что онъ потопитъ всю русскую армію въ Дунаѣ. Можно думать, что константинопольскій военный совѣтъ раздѣлялъ мнѣнія своего главнокомандующаго, такъ какъ въ помогу войскамъ, наблюдавшимъ за русскою арміею, на Дунай была послана цѣлая броненосная флотилія, долженствовавшая помогать Абдулъ-Кериму въ осуществленіи его грандіознаго плана. Но скоро неожиданныя событія заставили разочароваться Абдулъ-Керима въ пріятныхъ мечтаніяхъ, и особенно послѣ того, какъ грозные броненосцы, вынужденные сначала на бездѣйствіе минными загражденіями, устроенными въ Дунаѣ нашими моряками, стали затѣмъ аттаковываться нашими миноносными катерами и обстрѣливаться съ береговыхъ батарей. Въ одно изъ артиллерійскихъ сраженій былъ взорванъ большой броненосецъ «Люфти-Джелиль», а нѣкоторое время спустя пошелъ ко дну и второй броненосецъ, взорванный, миноносными катерами, состоящими подъ начальствомъ двухъ лейтенантовъ Ѳ. В. Дубасова и А. Н. Шестакова. Удачная и храбрая аттака турецкаго броненосца, разомъ обратила вниманіе всего міра на громадное значеніе миноносныхъ катеровъ, которые, находясь въ рукахъ героевъ, подобныхъ нашимъ морякамъ, могутъ представлять серьезнаго соперника для всякаго броненоснаго флота.

Такимъ образомъ, грозное значеніе броненосцевъ было подорвано, благодаря геройской аттакѣ монитора «Хивзи-Рахмана», предпринятой Дубасовымъ

и Шестаковымъ. Эта аттака, какъ извѣстно, была произведена ночью съ 13 на 14-е мая. Ровно въ 4 минуты перваго часа ночи, когда шелъ проливной дождь, лейтенантъ гвардейскаго экипажа Дубасовъ, испросивъ предварительно согласіе капитана Рагули, отвалилъ отъ Браиловской пристани съ четырьмя паровыми катерами и направился въ мачинскій рукавъ съ цѣлью отыскать мѣсто стоянки турецкихъ судовъ и попытаться взорвать, посредствомъ мины, хотя одно изъ нихъ. Въ составъ этой рискованной эспедиціи входили слѣдующія суда и офицеры:

1) Паровой катеръ «Цесаревичъ», взятый отъ румынскаго правительства; на немъ офицеры: Лейтенантъ Дубасовъ и охотникомъ, маіоръ румынской морской службы Муржеско; матросовъ 14 человѣкъ.

Отъ него на разстояніи 20-ти саженъ шелъ:

2) Паровой катеръ «Ксенія», съ парохода-фрегата «Олафъ»; на немъ офицеры экипажа Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала лейтенантъ Шестаковъ и, пожелавшій участвовать въ экспедиціи охотникомъ, Гвардейскаго экипажа лейтенантъ Петровъ; матросовъ 9 человѣкъ.

Отъ него на разстояніи 20-ти саженъ:

3) Паровой катеръ, «Джигитъ; офицеръ—мичманъ Персинъ матросовъ 8 человѣкъ.

Отъ него на разстояніи 20-ти саженъ.

4) Паровой катеръ «Царевна»; офицеръ-мичманъ Баль, матросовъ 9 человѣкъ.

Всѣ эти катеры, въ половинѣ третьяго по полуночи, вышли на видъ трехъ турецкихъ судовъ, занимавшихъ слѣдующую позицію: въ самой серединѣ мачинскаго рукава стоялъ одинъ мониторъ; нѣсколько впереди его и вправо надъ берегомъ вырисовывалась во мглѣ ненастной ночи темная масса другаго монитора, а влѣво отъ средняго — двухтрубный военный пароходъ.

Рѣшившись аттаковать средній, какъ самый большой изъ стоявшихъ мониторовъ, лейтенантъ Дубасовъ приказалъ лейтенанту Шестакову ожидать результата его аттаки и быть готовымъ, въ свою очередь, къ нападенію; остальнымъ же шлюпкамъ велѣно было поддерживать нападеніе.

Взявъ направленіе въ лѣвую кормовую раковину монитора, Дубасовъ приказалъ дать полный ходъ и сталъ приближаться къ непріятелю. На окликъ, сдѣланный часовымъ монитора, онъ отвѣчалъ на удачу извѣстный ему турецкій отзывъ, «*сизынъ-адамъ*», что значитъ слово въ слово: «*вашъ человѣкъ*»; но Дубасовъ произнесъ и его даже не правильно, а именно: «*сени-адамъ*». Это должно было тѣмъ болѣе обратить вниманіе турецкаго стража, что въ османской арміи, на окликъ часоваго «*кимъ-*

дыро о?» (*кто идетъ?*, или, еще вѣрнѣе, *кто это есть?*), по уставу принято отвѣчать: «*япанджи деилъ*» (*я не чужеземецъ*).

Непріятель, конечно, сразу-же понялъ, что это отзывъ фальшивый и далъ по шлюпкѣ выстрѣлъ изъ ружья. Вслѣдъ за нимъ почти одновременно послѣдовало по такому же выстрѣлу и съ остальныхъ судовъ. Но ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ цѣль. Тогда часовой на среднемъ суднѣ хватился за ударный снуръ 9-ти дюймового орудія. Осѣчка. Онъ второй разъ—тоже осѣчка, равно какъ и по третьему разу. На палубахъ всѣхъ трехъ судовъ, встревоженныхъ сторожевыми выстрѣлами, поднялась суматоха, и въ это-то самое время лейтенантъ Дубасовъ съ первой шлюпки нанесъ монитору ударъ правою носовою миною въ лѣвый бортъ, выше лѣвой раковины. Отъ взрыва поднялся большой водяной столбъ и вода въ ту-же минуту наполнила катеръ Дубасова. Лейтенантъ тотчасъ-же приказалъ машинисту и кочегару оставить свои мѣста и выходить изъ подъ блиндажа; но рулевой, черноморскій матросъ 1-й статьи Кисловъ, старοопытный морякъ, удостовѣрилъ, что катеръ продолжаетъ еще держаться на водѣ. Тогда лейтенантъ Дубасовъ приказалъ машинисту дать полный задній ходъ, и всей командѣ откачивать изъ катера воду. Мониторъ, сильно осѣвшій кормою, все еще держался на поверхности. Тогда, по заранѣе сдѣланному условію, Дубасовъ крикнулъ ко второй шлюпкѣ:

— Шестаковъ, подходи!

Тотчасъ-же, давъ полный ходъ впередъ, лейтенантъ Шестаковъ, подъ убійственнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ всѣхъ трехъ судовъ, нанесъ монитору второй ударъ въ тотъ же лѣвый бортъ, противъ самой середины, послѣ котораго непріятельское судно окончательно уже погрузилось въ воду.

Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ ударами нашихъ минъ, продолжавшійся до десяти минутъ, всѣ наши шлюпки оставались подъ самымъ бѣглымъ, хотя и безпорядочнымъ огнемъ непріятеля и ожидали приказанія.

Лейтенантъ Шестаковъ, послѣ взрыва, запутавши свой винтъ въ обломкахъ монитора, долженъ былъ очищать его, оставаясь почти у самаго непріятельскаго борта и отстрѣливаясь изъ револьвера, съ помощью четырехъ своихъ стрѣлковъ матросовъ, отъ штуцернаго огня, направленнаго въ него съ башни погружавшагося монитора. По личному заявленію лейтенанта Шестакова, успѣшному выходу изъ этого крайне затруднительнаго положенія онъ исключительно обязанъ горячему содѣйствію, замѣчательной находчивости и энергіи лейтенанта Петрова, бывшаго самымъ дѣятельнымъ его помощникомъ во все время боя. Равнымъ образомъ, его-же

хладнокровію лейтенантъ Шестаковъ приписываетъ успѣшный результатъ взрывъ, такъ какъ управленіе миною было имъ поручено лейтенанту Петрову.

Катеръ мичмана Персина, подкрѣплявшій нападеніе, получилъ пробоину ядромъ въ корму и одновременно съ этимъ былъ залитъ съ носу всплескомъ воды отъ другаго снаряда, упавшаго передъ носомъ. Мичманъ Персинъ тотчасъ-же далъ своему катеру полный ходъ и, приткнувшись къ берегу, поспѣшилъ заткнуть пробоину пѣнькою съ саломъ, но, запутавши винтъ въ кустахъ, долго не могъ высвободиться. Катеръ Дубасова въ это время былъ еще полонъ воды и не могъ маневрировать, да и лейтенантъ Дубасовъ не зналъ еще съ полною увѣренностью, наполнился-ли его катеръ водою черезъ пробоину, или-же вода эта попала въ него сверху, а потому употребилъ всѣ старанія, чтобы пустить въ ходъ паровой экзекторъ и откачать воду. Онъ успѣлъ въ этомъ, только благодаря находчивости и энергіи маіора Муржеско, который лично полѣзъ въ машинное отдѣленіе и во всемъ помогъ машинисту.

Катеръ мичмана Баля оставался все время въ полной готовности снять съ «Цесаревича» людей на тотъ случай, если бы этотъ катеръ погрузился въ воду.

Въ это время востокъ уже сталъ быстро заниматься зарею, такъ что всѣ предметы вблизи и даже вдали могли быть ясно различаемы, а вмѣстѣ съ разсвѣтомъ и огонь съ турецкихъ судовъ, остававшихся еще на водѣ, усиливался все болѣе и болѣе. Вслѣдствіе этого, тотчасъ же, какъ только шлюпки оказались въ состояніи управиться, Дубасовъ приказалъ имъ начать отступленіе и онѣ всѣ вмѣстѣ двинулись къ Браилову.

По повѣркѣ у насъ не оказалось ни убитыхъ, ни раненыхъ.

«Только волею Всемогущаго Провидѣнія,—пишетъ лейтенантъ Дубасовъ,—я могу себѣ объяснить тотъ фактъ, что мы вышли невредимыми изъ того неистоваго огня, который турки, въ поспѣшности-ли, въ испугѣ-ли, открыли по намъ и поддерживали по крайней мѣрѣ двадцать минутъ».

По отзыву лейтенанта Дубасова, во все время боя, какъ офицеры, такъ и команда, выказывали въ каждую минуту такъ много спокойствія, самообладанія и, по истинѣ, геройскаго мужества, въ исполненіи порученнаго каждому изъ нихъ дѣла, что каждый отдѣльный маневръ выполнялся такъ же отчетливо, какъ на ученьи. Во все время боя съ нашей стороны не слышно было даже ни одного громкаго возгласа, только дружное и торжественное «ура!» вырвалось у всѣхъ одновременно, когда взорванный мониторъ окончательно погрузился въ воду.

15-го мая, за завтракомъ, на которомъ присутствовалъ только-что прибывшій въ Плоешты капитанъ 1-го ранга Рогуля, Его Высочество Главнокомандующій провозгласилъ тосты: «за здравіе нашихъ молодцевъ-моряковъ и того, кто устроилъ имъ такія лодки: за здоровье капитана Рогули».

Къ обѣду Его Высочества уже прибыли вызванные по телеграммѣ герои совершившагося событія, лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ, награжденные крестами св. Георгія 4 степени по волѣ Государя Императора, приславшаго о томъ телеграмму Главнокомандующему. Его Высочество лично изволилъ повѣсить на грудь каждому изъ нихъ Свои собственные георгіевскіе кресты, и предложилъ за обѣдомъ тостъ въ честь этихъ первыхъ нашихъ въ настоящую войну георгіевскихъ кавалеровъ офицерскаго ранга, и за здоровье всего флота.

Броненосецъ, взорванный Дубасовымъ и Шестаковымъ, назывался «Хивзи-Рахманъ», и принадлежалъ къ типу башенныхъ, покрытыхъ броней мониторовъ. Длина его по ватерлиніи 222 фута, водоизмѣщеніе 2,500 тоннъ, углубленіе 18 футовъ, полный ходъ — 12 узловъ, комплектъ экипажа—219 человѣкъ. Артиллерійское вооруженіе, состоявшее изъ пяти орудій большаго колибра, было размѣщено слѣдующимъ образомъ: въ кормовой башнѣ — два девяти дюймовыхъ, въ передней — два семи-дюймовыхъ орудія и за носовымъ блиндажомъ — одно сорока-фунтовое орудіе Армстронга. «Хивзи-Рахманъ» былъ покрытъ бронею: въ срединѣ—4,62 дюйма, на носовомъ блиндажѣ—3 дюйма; до высоты главной палубы судовый корпусъ раздѣлялся поперечными переборками на девять водонепроницаемыхъ отдѣленій.

Передаемъ затѣмъ біографическія свѣдѣнія молодыхъ героевъ нашего флота.

Ѳедоръ Васильевичъ *Дубасовъ* — лейтенантъ гвардейскаго экипажа и старшій офицеръ на принадлежащей Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу яхтѣ «Славянка»—сынъ капитанъ-лейтенанта, поступилъ въ морское училище въ 1859 году и выпущенъ въ гардемарины въ 1863 году; произведенъ въ мичманы въ 1865 году, а въ лейтенанты въ 1869 году. Въ началѣ своей службы, Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ ходилъ въ кругосвѣтное плаванье, послѣ чего поступилъ на академическій курсъ морскихъ наукъ, на которомъ кончилъ съ успѣхомъ курсъ въ 1870 году. Онъ имѣетъ ордена: св. Станислава 3-й степени, и св. Анны 3-й степени, а за геройскій подвигъ, какъ сказано выше, награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Александръ Павловичъ *Шестаковъ*—лейтенантъ 1-го флотскаго экипажа—сынъ надворнаго совѣтника, поступилъ въ морское училище въ 1865

году и выпущенъ въ гардемарины въ 1869 году; произведенъ въ мичманы въ 1871 году и въ лейтенанты въ 1875 году. Будучи еще гардемариномъ, Александръ Павловичъ отправился на клиперѣ «Алмазъ» въ кругосвѣтное плаваніе, изъ котораго вернулся въ 1872 году; затѣмъ служилъ въ судахъ Балтійскаго флота и, между прочимъ, въ 1874 г. на учебной эскадрѣ морскаго училища.

Генералъ-лейтенантъ

ВАСИЛІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГЕЙМАНЪ.

(Рисов. К. Брожъ, гравиров. И. Матюшинъ).

Генералъ-лейтенантъ В. А. Гейманъ

и

взятіе крѣпости Ардагана.

Однимъ изъ громкихъ дѣлъ, ознаменовавшихъ начало настоящей войны съ Турціею, было взятіе крѣпости Ардагана, отрядомъ кавказскихъ войскъ,подъ начальствомъ нашего храбраго генерала В. А. Геймана.

Генералъ-лейтенантъ Василій Александровичъ Гейманъ, по происхожденію, личный дворянинъ, родился въ 1823 году и получилъ воспитаніе въ гродненской губернской гимназіи. Онъ поступилъ въ военную службу унтеръ-офицеромъ и первый чинъ получилъ въ 1844 году. Большую часть своей служебной дѣятельности онъ провелъ на Кавказѣ, участвуя въ постоянныхъ дѣлахъ съ горцами; вотъ почему,его имя пользуется тамъ обширною популярностью и общимъ уваженіемъ. Боевая жизнь его началась съ 1845 г. съ прикомандированіемъ въ этомъ году къ Кабардинскому егерскому полку. За участіе въ рекогносцировкѣ дороги, которая вела въ Гумбетъ черезъ перевалъ Киркъ, а также за выказанную неустрашимость во время штурма позицій горцевъ, Гейманъ былъ лично поздравленъ главнокомандующимъ съ повышеніемъ въ чинѣ и аттестованъ, какъ храбрѣйшій изъ офицеровъ кавказской арміи. Въ томъ же 1845 году, въ дѣлѣ съ горцами, Василій Александровичъ былъ опасно раненъ ружейною пулею въ лѣвое плечо, съ сильнымъ поврежденіемъ плечевой кости; хотя рана и была очень опасна, однако, удачная операція спасла жизнь раненаго; впрочемъ, слѣды этого несчастнаго случая остались неизгладимыми и Василій Александровичъ даже и теперь невладѣетъ свободно лѣвой рукой и, чувствуя по временамъ въ ней неловкость, носитъ ее на перевязи. Государь Императоръ, въ уваженіе этой раны, Высочайше повелѣть соизволилъ носить Гейману сюртукъ, вмѣсто мундира, при всѣхъ парадныхъ случаяхъ и представленіяхъ начальству. По выздоровленіи, Василій Александровичъ снова принимаетъ участіе въ дѣлахъ съ горцами и до 1863 года находится въ постоянныхъ походахъ.

Въ 1855 году, въ чинѣ капитана, онъ нѣсколько разъ находился въ большихъ дѣлахъ съ горцами и въ схваткѣ 13 іюля былъ снова два раза раненъ ружейными пулями и притомъ довольно опасно.

Въ 1864 году, т. е. въ двадцать лѣтъ службы, онъ былъ уже генералъ-маіоромъ, причемъ награжденъ участкомъ земли въ количествѣ 3,500 десятинъ въ Кубанской области. Въ 1872 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго кавказскою арміею, и въ томъ же году получилъ начальство надъ 20-ю пѣхотною дивизіею, съ которою выступилъ въ походъ въ нынѣшнюю войну.

Василій Александровичъ имѣетъ различные знаки отличія и числится кавалеромъ многихъ орденовъ, которые имъ получались всегда за военные подвиги; такъ, онъ имѣетъ орденъ Анны 4 ст. съ мечами и бантомъ; Анны 2 ст. и Владиміра 4 ст. съ бантомъ; св. Станислава 2 степени съ Императорскою короною и мечами надъ орденомъ; св. Владиміра 3 ст.; св. Георгія 3 ст.; св. Владиміра 2 ст.; а также слѣдующіе знаки отличія: золотую саблю съ подписью: «за храбрость», золотую медаль, установленную Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1871 года за освобожденіе зависимыхъ сословій въ Россіи; наконецъ, за блистательное взятіе въ нынѣшнюю войну турецкой крѣпости Ардагана, пожалованъ золотою шпагою, украшенною брилліантами, такъ какъ орденъ св. Георгія 3 класса онъ получилъ уже въ 1864 году. Кромѣ того, по ходатайству Его Высочества, принца Альберта прусскаго, бывшаго свидѣтелемъ, въ экспедиціи 1862—1863 годовъ, славныхъ подвиговъ Геймана, послѣдній былъ пожалованъ прусскими орденами: Краснаго орла 3 ст. съ мечами и Короны 2 ст.

Теперь В. А. Гейману около 55 лѣтъ; на видъ онъ довольно высокій, сухощавый человѣкъ. Ходитъ и ѣздитъ чуть сгорбившись и наклонивъ голову, обрамленную сѣдыми баками. Взглядъ рѣшительный, смѣлый. Черты лица тонкія, правильныя и красивыя; руки маленькія, какъ у женщины Военное дѣло генералъ Гейманъ любитъ страстно и теперь, какъ и въ минувшую кавказскую войну, безупречно храбръ и, въ случаѣ нужды, наравнѣ съ солдатами, подвергаетъ свою жизнь опасности. Говоритъ онъ мало, отрывисто и подчасъ грубо и рѣзко. Въ выборѣ выраженій не стѣсняется и если кого-нибудь ругнетъ, то непремѣнно завернетъ какое-нибудь нецензурное солдатское словцо. Солдаты его любятъ и вѣрятъ въ него, а онъ, въ свою очередь, вѣритъ въ своихъ гренадеръ и умѣетъ ихъ, что называется, «подбадривать» какимъ-нибудь ласковымъ словомъ, шутливой руганью или просто шуткой. Въ своихъ подчиненныхъ больше всего цѣнитъ храбрость и того, кто заявитъ себя разъ съ этой стороны, уже

не забываетъ. Онъ контуженъ въ ногу, одна рука прострѣлена, на плечѣ тяжелая рана, которая нѣтъ-нѣтъ и откроется... Эту руку онъ носитъ на широкой, черной повязкѣ. Хотя генералъ Гейманъ и не Суворовъ, но это не мѣшаетъ ему быть очень хорошимъ генераломъ.

Василій Александровичъ, впрочемъ, имѣетъ извѣстность не только какъ воинъ, онъ пріобрѣлъ себѣ не меньшую извѣстность, какъ прекрасный товарищъ и замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ начальникъ, пользующійся искреннею любовью подчиненныхъ, сослуживцевъ и всѣхъ лицъ, знавшихъ его. Въ семейной жизни онъ испыталъ горе, лишившись первой жены. Оставшись вдовцомъ съ дѣтьми, онъ потомъ вторично женился. Супруга Василія Александровича—урожденная Мартынова. Дѣтей трое—два сына и одна дочь.

Взятіе Ардагана 5 мая—одно изъ блестящихъ дѣлъ при началѣ войны, еще разъ представило Василію Александровичу удобный случай проявить свои значительныя военныя способности, и неудивительно поэтому, что героемъ дня 5 мая, былъ Василій Александровичъ Гейманъ, имя котораго сдѣлалось теперь извѣстнымъ всей Россіи.

Какъ извѣстно, взятіе крѣпости и города Ардагана имѣло громадное значеніе какъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ и по тому впечатлѣнію, какое произвелъ этотъ подвигъ на непріятеля.

Городъ Ардаганъ, расположенный по обѣимъ берегамъ рѣки Куры, лежитъ у подножія горъ, замыкающихъ собою съ восточной стороны ардаганскую равнину. Эта возвышенная равнина принадлежитъ, по характеру почвы и климата, къ числу плодороднѣйшихъ равнинъ Арменіи; берега Куры и ея притоковъ покрыты тучными лугами, а остальное пространство, состоящее изъ превосходнаго чернозема, занято хлѣбными полями; на горахъ, по выше, растетъ лѣсъ.

Въ прежнее время укрѣпленія Ардагана состояли изъ старой цитадели и стѣны, окружающей городъ. Въ послѣдніе-же годы, въ виду важнаго значенія Ардагана, турки обратили на укрѣпленіе этого пункта особенное вниманіе и въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, не щадя трудовъ и издержекъ, а также пользуясь указаніями европейскихъ инженеровъ, образовали изъ него весьма значительную крѣпость.

Ко времени взятія Ардагана нашими войсками, оборонительныя средства крѣпости заключались въ шести укрѣпленіяхъ, вооруженныхъ какъ мѣдными, съ дула заряжающимися пушками, такъ и стальными, заряжающимися съ казны. Всѣ эти укрѣпленія хотя и расположены весьма выгодно, но имѣютъ тотъ недостатокъ, что въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи, верстахъ въ двухъ-трехъ, лежатъ командующія высоты. Поэтому, турки заняли передовыми укрѣпленіями главнѣйшія изъ этихъ высотъ,

изъ которыхъ наиболѣе важными представляются Гелявердинскія, съ восточной стороны, а затѣмъ отдѣльная крутая гора Рамазанъ, господствующая надъ всею окрестною мѣстностью, къ сѣверу отъ города. Турки, оцѣнивъ значеніе этихъ высотъ, заняли ихъ сильными передовыми фортами, причемъ на отдѣльной горѣ, съ сѣверной стороны, возвели укрѣпленіе Рамазанъ, на которое какъ турецкіе инженеры, такъ и гарнизонъ возлагали свои главнѣйшія надежды; на Гелявердинскихъ-же высотахъ, было построено сильное укрѣпленіе Эмиръ-Оглы, а рядомъ съ послѣднимъ редутъ съ линіею окоповъ.

Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ двѣнадцати батальоновъ, подъ начальствомъ Гасана паши. Главнымъ дѣятелемъ при оборонѣ Ардагана, не по власти, а по энергіи, согласно показаніямъ мѣстныхъ жителей, былъ нѣкто Кафтаръ-бекъ, родомъ кавказскій горецъ, а по другимъ свѣдѣніямъ—венгерецъ.

1-го мая, когда соединились колонны дѣйствующаго корпуса и ахалцыхскаго отряда и командованіе надъ всѣми войсками принялъ Лорисъ-Меликовъ, было рѣшено атаковать Ардаганъ. Но такъ какъ атака сильныхъ и трудно-доступныхъ укрѣпленій Рамазана потребовала-бы весьма большихъ усилій и повлекла-бы за собою потерю времени и значительный уронъ въ людяхъ, то рѣшено было, оставивъ до времени въ сторонѣ укрѣпленіе Рамазанъ, начать дѣйствовать противъ Гелявердинскихъ высотъ, со взятіемъ которыхъ получалась надежда поколебать нравственный духъ обороняющагося и сдѣлать первый прочный шагъ къ дальнѣйшему овладѣнію крѣпостью и городомъ. По овладѣніи Гелявердинскими высотами, предполагалось обоимъ отрядамъ дѣйствовать совокупно, съ южной и восточной сторонъ.

Съ этою цѣлью было предписано войскамъ, входящимъ въ составъ ахалцыхскаго отряда и находящимся подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Девеля, атаковать укрѣпленія Эмиръ-Оглы, расположенное, какъ сказано выше, на Гелявердинскихъ высотахъ. Атака была назначена на утро 4-го мая. Остальныя войска, прибывшія изъ подъ Карса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана, были расположены на южной слабѣйшей сторонѣ крѣпости, гдѣ предстояло вести главныя дѣйствія.

Въ 6½ часовъ утра, 4-го мая, генералъ-лейтенантъ Девель, построивъ войска въ боевой порядокъ, приказалъ батарѣѣ открыть огонь. По полученіи приказанія наша артиллерія, съ разстоянія 1.680 саженъ, открыла такой мѣткій огонь по лагерю и по горной непріятельской батарѣѣ, стрѣлявшимъ по нашимъ войскамъ, поднимавшимся въ гору, что турки вскорѣ стали снимать палатки лагеря, а горная батарея прекратила огонь. Тѣмъ

временемъ наши войска двинулись впередъ и лишь вошли въ сферу непріятельскихъ выстрѣловъ, какъ были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Медленно, шагъ за шагомъ, поднимаясь по крутому подъему, войска подошли къ первому ложементу. Уже раздались крики «Аллахъ!» и нѣкоторые турецкіе офицеры, желая поощрить людей къ рукопашной схваткѣ, вскочили на брустверъ, но при видѣ безостановочнаго наступленія нашихъ войскъ, турки не выдержали и бросили первый ложементъ; за нимъ, подъ тѣмъ же губительнымъ огнемъ, былъ взятъ и второй, а къ десяти часамъ наши войска заняли уже Гелявердинскую вершину, совершивъ подъ страшнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ крутой полутора-верстный подъемъ.

Здѣсь войскамъ приказано было остановиться, отдохнуть и приготовиться для атаки лагеря. Послѣ десяти-минутной передышки, одушевленные первыми успѣхами, наши войска, съ крикомъ «ура!» бросились впередъ и взяли лагерь. Турки отступили частью въ Ардаганъ, частью въ укрѣпленіе Эмиръ-Оглы. Занятіемъ высотъ и овладѣніемъ лагеремъ исполнена была только половина задачи: предстояло еще взять самое укрѣпленіе, и при томъ возможно скорѣе, такъ какъ наши войска, находившіяся на возвышенномъ плато, подвергались убійственному огню изъ укрѣпленія Эмиръ-Оглы. Поэтому генералъ-лейтенантъ Девель, не желая подвергать напраснымъ потерямъ свои войска и имѣя въ виду воспользоваться нравственной энергіей, возбужденной въ нихъ первыми успѣхами, рѣшился штурмовать укрѣпленіе. Батальоны, съ криками «ура!», бросились впередъ и ровно въ часъ укрѣпленіе было взято. Трофеями были 10 орудій, множество ружей, 2 ящика съ патронами, большіе запасы пороху и артиллерійскихъ снарядовъ.

Съ занятіемъ Гелявердинскихъ высотъ, на слѣдующій день 5-го мая рѣшено было атаковать укрѣпленія Ардагана открытою силою, выждавъ сначала дѣйствіе артиллеріи, сосредоточившей огонь на городъ и городскія укрѣпленія. Канонада, открытая разомъ со всѣхъ нашихъ батарей въ 3 часа пополудни, вскорѣ оказала замѣтное вліяніе на укрѣпленія; въ нихъ стали замѣчаться суета и безпорядокъ. Около $4^1/_2$ часовъ, генералъ Лорисъ-Меликовъ послалъ къ генералу Гейману съ предложеніемъ: не слѣдуетъ ли приступить къ атакѣ немедленно. Почти въ тоже время и генералъ Гейманъ прислалъ къ командующему корпусомъ ординарца съ тѣмъ-же запросомъ. Вслѣдствіе этого, несмотря на приближеніе вечера, рѣшено было атаковать укрѣпленія въ 6 часовъ.

Генералъ-лейтенантъ Гейманъ, ставъ во главѣ своихъ войскъ, повелъ ихъ въ атаку; сначала войска наши открыли учащенный огонь, а затѣмъ

мужественно бросились въ штыки подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ непріятеля. Турки бросили укрѣпленія и бѣжали къ мостамъ на рѣкѣ Курѣ.

Въ это-же самое время войска нашего лѣваго фланга, подъ командою генерала Девеля, занявъ другія турецкія укрѣпленія и двинувшись за отступавшими турками, ворвались въ городъ и кололи непріятеля, столпившагося въ тѣсныхъ улицахъ. Здѣсь пришлось выбивать турокъ и пулей, и штыкомъ изъ занятыхъ ими домовъ, изъ которыхъ особенно сильное сопротивленіе оказалъ домъ паши.

Страшная суматоха поднялась въ городѣ; турки, тѣсня другъ друга, бросались цѣлыми массами на мосты и тутъ вслѣдствіе необыкновенной давки многіе изъ нихъ попадали въ рѣку. Паника усилилась, когда наша казачья артиллерія, подъѣхавъ на близкую дистанцію, дала нѣсколько выстрѣловъ по мостамъ.

Въ 8 часовъ вечера все было кончено.

Наступила уже совершенная темнота, когда наши войска, пройдя городъ и всѣ укрѣпленія, сосредоточились на мѣстѣ главнаго турецкаго лагеря. Непріятель, въ разсыпную, бѣжалъ въ горы, преслѣдуемый нашею кавалеріею на протяженіи восьми верстъ. Паника, охватившая турецкія войска, была такъ велика, что онѣ оставили свое самое сильное укрѣпленіе Рамазанъ и скрылись въ горы.

Наши потери за оба дня простирались: убитыми одинъ офицеръ и 68 нижнихъ чиновъ; ранеными 10 офицеровъ и 342 нижнихъ чина. Размѣръ потери турокъ оказался только въ послѣдующіе дни, когда наши войска осмотрѣлись: въ теченіи 6-го, 7-го и 8-го мая предано было землѣ болѣе 1,750 турецкихъ тѣлъ. Защитникъ укрѣпленій Али-паша взятъ въ плѣнъ. Всѣхъ турецкихъ орудій по провѣркѣ оказалось 92. Кромѣ того, намъ досталось большое количество ручнаго оружія, артиллерійскихъ и продовольственныхъ припасовъ. По приблизительному разсчету, ардаганскія укрѣпленія съ вооруженіемъ и запасами, стоили туркамъ отъ 3.000,000 до 4.000,000 руб.

Въ послѣдующихъ затѣмъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, Гейманъ участвовалъ въ знаменитыхъ битвахъ 3-го октября, когда была уничтожена армія Мухтара-паши; въ этотъ день генералъ Гейманъ со свѣжими кавказскими гренадерами, взялъ Авліаръ и раздѣлилъ такимъ образомъ турецкія позиціи подъ Караяломъ на двѣ части.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ

I. В. ГУРКО.

(Рисов. П. Ф. Борель, грав. И. Матюшинъ).

Генералъ-лейтенантъ I. В. Гурко.

Съ переходомъ русской арміи черезъ Дунай, все русское общество съ живѣйшимъ интересомъ слѣдило за молодецкою дѣятельностью передоваго отряда, состоявшаго подъ начальствомъ энергичнаго генерала Гурко. Занятіе Тырнова, переходъ черезъ Балканы и дѣйствія передоваго отряда въ тунджійской долинѣ—все это, совершенное въ теченіи одного мѣсяца, разомъ обратило вниманіе на дѣятельнаго и храбраго генерала, имя котораго стало съ этого времени однимъ изъ популярнѣйшихъ. Затѣмъ генералъ Гурко обратилъ на себя всеобщее вниманіе при занятіи турецкихъ позицій у Плевны и съ того времени упрочилъ за собою славу одного изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ. Въ настоящую пору Гурко, какъ и Скобелевъ, справедливо признанъ всѣмъ свѣтомъ храбрѣйшимъ генераломъ нашей арміи.

Свиты Его Величества генералъ-лейтенантъ Іосифъ Владиміровичъ Гурко воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и, будучи 18 лѣтъ, поступилъ на службу въ 1846 году въ лейбъ-гвардіи гусарскій Его Величества полкъ. Съ цѣлью ознакомиться практически со всѣми отраслями военнаго образованія, I. В. Гурко, въ 1856 году, по своему собственному желанію, перешелъ на службу въ пѣхотный генерала-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полкъ; прокомандовавъ нѣкоторое время батальономъ, и узнавъ хорошо пѣхотную службу, онъ возвратился снова въ гусарскій гвардейскій полкъ, въ которомъ началъ свою службу, а въ 1866 году получилъ въ командованіе сперва 4-й гусарскій маріупольскій Его Высочества принца Фридриха-Кассельскаго полкъ, а потомъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка. Въ 1874 году онъ былъ назначенъ командиромъ первой бригады второй гвардейской кавалерійской дивизіи, и вслѣдъ затѣмъ командующимъ этою-же дивизіею.

Что касается боевой дѣятельности I. В. Гурко, то онъ участвовалъ въ 1849 году, въ бывшей тогда войнѣ съ Венгріею, въ походѣ войскъ гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи, а въ 1854 году, по случаю откры-

тія военныхъ дѣйствій съ Англіею, Франціею и Турціею, находился въ составѣ петербургскаго гарнизона при оборонительныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ для обезпеченія береговъ нашихъ на Балтійскомъ морѣ. Въ 1856 году онъ находился нѣкоторое время въ Крыму на бельбекской позиціи до прекращенія военныхъ дѣйствій, и былъ неоднократно посылаемъ занимать передовыя позиціи.

Кромѣ военныхъ занятій, І. В. Гурко получалъ нерѣдко весьма серьезныя порученія и по дѣламъ гражданскимъ, которыя исполнялъ всегда съ необыкновеннымъ усердіемъ. Такъ, въ 1862 году онъ удостоился получить именное Монаршее благоволеніе за отличное исполненіе возложеннаго на него порученія по крестьянскому дѣлу.

Генералъ Гурко имѣетъ ордена: св. Владиміра 3 ст., св. Станислава 1 ст., св Анны 1 ст., пруcкій орденъ Краснаго орла 2 ст. со звѣздою: австрійскій орденъ Франца Іосифа большаго креста. За переходъ черезъ Балканы онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

Ген. Гурко былъ вызванъ изъ Петербурга въ дѣйствующую армію телеграммой послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, когда былъ образованъ передовой отрядъ, начальство надъ которымъ онъ вскорѣ и принялъ. Первоначальная цѣль, поставленная отряду, заключалась въ слѣдующемъ: выдвинуться въ направленіи Тырново и Сельви; освѣтить всю окружающую мѣстность и приготовиться къ дальнѣйшему наступленію. Затѣмъ, по особому приказанію августѣйшаго Главнокомандующаго—двинуться впередъ и стараться овладѣть Балканскими проходами. Кавалерію же выслать за Балканы. Подъ прикрытіемъ передоваго отряда предполагалось приступить къ разработкѣ проходовъ черезъ Балканы, для движенія обозовъ и тяжестей. Цѣль, какъ видно, весьма скромная сравнительно съ тѣми результатами, которыхъ генералъ Гурко достигъ на самомъ дѣлѣ.

Со дня принятія командованія надъ передовымъ отрядомъ начинается рядъ блестящихъ дѣлъ. —25-го іюня генералъ Гурко съ одной кавалеріей и 16 конной баттареей налетаетъ на Тырново, занятый 3000 низамовъ и нѣсколькими баттареями полевой артиллеріи. Драгуны спѣшились и съ неустрашимостью кинулись на непріятеля. Низамы держались до тѣхъ поръ, пока могли стрѣлять изъ прикрытыхъ позицій и пока русскіе были отъ нихъ еще въ нѣкоторомъ отдаленіи; но какъ только драгуны, необращая вниманія на огонь артиллеріи, бросились на занятыя турками позиціи съ громкимъ «ура,» непріятель пустился бѣжать, успѣвъ захватить только орудія и оставивъ боевые и жизненные припасы. Такъ быстро и рѣшительно было наступленіе войскъ подъ командою генерала Гурко на Тырново. Запя-

тіе русскими войсками этого большаго города, можно положительно сказать, представляетъ одно изъ безпримѣрныхъ дѣлъ въ военнной исторіи: бригада кавалеріи занимаетъ съ бою городъ съ 40.000 населенія; городъ, расположенный въ пересеченной и трудно проходимой мѣстности, городъ, снабженный артиллеріею, расположенный въ великолѣпно-устроенныхъ батареяхъ, и снабженный всѣмъ необходимымъ для боя. Дѣйствительно, трудно вѣрилось, чтобы это былъ такъ, что Тырново взяли два драгунскихъ полка при одной батареѣ конной артиллеріи; что наступленіе дѣлали спѣшенные драгуны, что потери мы имѣли всего четыре человѣка; а между тѣмъ, все это было дѣйствительно такъ.

Какъ говорятъ, генералу Гурко дано было приказаніе занять Тырновъ, во чтобы то ни стало, въ теченіи семи дней. Генералъ выслалъ драгунскую бригаду подъ командою Его Высочества принца Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго. Перемѣннымъ аллюромъ и форсированнымъ маршемъ быстро подошли драгуны и, какъ снѣгъ, на голову, явились у воротъ непріятельскаго города. Единственный путь къ городу ведетъ чрезъ ущелье, для котораго достаточно было одного непріятельскаго батальона, чтобы остановить нетолько бригаду кавалеріи, но и болѣе сильный отрядъ наступающихъ войскъ. Между тѣмъ, наши драгуны, подскакавъ къ предмѣстью Тырнова, спѣшились и заняли лѣвыя возвышенности или холмы, укрываясь за которыми, начали наступленіе на правыя высоты, занятыя непріятелемъ и непріятельскою артиллеріею. Нѣсколько непріятельскихъ выстрѣловъ причинили сначала имъ вредъ и останавливали ходъ драгунъ; но какъ только конная баттарея послала непріятелю 5—6 выстрѣловъ, они бросили и свои позиціи, и лагерь, и все, что только имѣли тамъ. Драгуны ударили въ штыки, въ аттаку, полѣзли на горы и сдѣлали все это такъ быстро, что непріятель неуспѣлъ даже собрать свои лагерные запасы, патроны, палатки и оставилъ въ покинутомъ лагерѣ знамя.

Русскія войска вошли въ Тырновъ и были радушно встрѣчены христіанскимъ населеніемъ города. Болгары, видя въ пришедшихъ русскихъ солдатахъ своихъ освободителей, старались принять давно жданныхъ гостей со всею щедростью, свойственною этому гостепріимному народу.

Малодецкое занятіе бывшей столицы Болгаріи, было только началомъ дальнѣйшихъ блестящихъ дѣлъ передоваго отряда. Послѣ взятія Тырнова, генералъ Гурко рѣшился на смѣлое предпріятіе: — занять проходы черезъ Балканы. Для возможно быстраго исполненія этого, нужно было отыскать такой горный проходъ, по которому можно было-бы обойти турокъ, занявшихъ два прохода, ведущихъ изъ Тырнова на Елену (колесный путь);

другой изъ Тырнова на Габрово, Шипку и Казанлыкъ (шоссе). Отысканіе прохода генералъ Гурко поручилъ уряднику кубанскаго казачьяго полка волонтеру, князю Цертелеву, покинувшему дипломатическую карьеру и поступившему простымъ солдатомъ въ армію. Зная мѣстные языки, князь Цертелевъ, распросами у болгаръ-ратниковъ изъ разныхъ мѣстностей, лежащихъ по пути, нашелъ проходъ, по которому имѣлись только тропинки, да мѣстныя дороги между горными деревнями ущелья; по этому ущелью и двинулся нашъ отрядъ.

Передъ началомъ движенія было условлено, что по занятіи прохода называемаго иначе Ханкіейскимъ, генералъ Гурко двинется на Казанлыкъ съ тѣмъ, чтобы атаковать перевалъ Шипки съ тыла, при чемъ войска, оставленныя имъ въ Габровѣ, должны въ тотъ-же день начать демонстративную аттаку съ фронта. По разсчету, одновременная аттака на Шибку съ тыла и фронта должна была состояться 5-го іюля.

Выступивъ изъ Тырнова 30-го іюня, генералъ Гурко направилъ главныя силы на Елену, лежащую къ юго-востоку отъ Тырнова. Для развѣдки, на сколько сильны турецкія войска, сосредоточенныя, какъ сообщали, около Османъ-Базара и простираются ли непріятельскія позиціи отъ Османъ-Базара въ южномъ направленіи чрезъ Балканы, генералъ Гурко повелъ кавалерію по дорогѣ въ Шумлу и по направленію Османъ-Базара.

Разузнавъ все, что знать было необходимо, хотя и поплатясь значительной потерей, генералъ Гурко оставилъ сопровождавшій его отрядъ для наблюденія за турецкими позиціями около Османъ-Базара и, обратясь спиною къ туркамъ, направился къ югу на Балканы. Около Елены онъ стянулъ свои отряды и въ два форсированныхъ марша (около 60 верстъ каждый) достигъ середины Балканъ, именно той части горной цѣпи, которая носитъ названіе Еленскихъ Балкановъ. 2-го іюля утромъ генералъ Гурко подошелъ къ д. Хаинкіей, гдѣ застигъ совершенно врасплохъ около 300 человѣкъ низама. Послѣ слабаго сопротивленія турки бѣжали, а наши войска подошли къ дер. Хаинкіей и, такимъ образомъ, перевалъ находился уже въ нашихъ рукахъ. — Но путь, пройденный въ этомъ мѣстѣ, былъ чрезвычайно трудный, особенно для артиллеріи, у которой орудія обрывались съ едва проложенной дороги, при чемъ два орудія оборвались и упали вмѣстѣ съ лошадьми въ кручу, но къ счастью ихъ удалось вытащить. Особенно труденъ былъ спускъ съ перевала; конныя орудія едва-едва провозили; что же касается до зарядныхъ ящиковъ, то протаскиваніе ихъ потребовало почти сверхъестественныхъ усилій. Даже и это трудное движеніе было возможно лишь благодаря предварительнымъ работамъ авангарда.

Въ день выхода въ долину Тунджи, 2-го іюля, непріятель, получивъ

подкрѣпленіе, перешелъ въ наступленіе; но наши войска, послѣ энергичнаго отпора въ свою очередь погнали турокъ, которые оставили въ нашихъ рукахъ два лагеря, гдѣ мы нашли брошенное орудіе, патроны, предметы обмундированія и снаряженія, хирургическіе предметы и перевязочные припасы; въ плѣнъ взяли семь человѣкъ. Непріятель, котораго было четыре батальона, отступилъ въ Сливно. На слѣдующій день генералъ Гурко выслалъ развѣдочный отрядъ къ сторонѣ Сливно и Ени-Загры. Отрядъ этотъ былъ встрѣченъ толпами баши-бузуковъ и черкесовъ, за которыми слѣдовало три батальона пѣхоты съ двумя орудіями; наши, получивъ подкрѣпленіе, обратили турокъ въ полнѣйшее бѣгство и преслѣдовали до наступленія темноты.

Затѣмъ на другой день генералъ Гурко двинулся по дорогѣ на Казанлыкъ, но при деревнѣ Уфлани встрѣтилъ многочисленнаго непріятеля. Завязался бой и, послѣ упорнаго сопротивленія, непріятель былъ выбитъ штыками изъ занятыхъ имъ позицій. Потеря турокъ была огромная, однихъ убитыхъ найдено на полѣ сраженія до 400; мы же потеряли до 90 человѣкъ. Городъ Казанлыкъ былъ нами занятъ около 12 часовъ дня, 5-го іюня. Генералъ Гурко хотѣлъ было тотчасъ же идти къ д. Шипкѣ, чтобы въ тотъ же день занять перевалъ, но пѣхота была такъ утомлена палящимъ зноемъ, подъ которымъ ей приходилось сражаться и преслѣдовать непріятеля, что необходимо было дать ей отдыхъ.

Въ этотъ день должна была произойти аттака перевала съ сѣверной стороны, какъ это было условлено заранѣе. Но такъ какъ, при движеніи отряда генерала Гурко отъ Хаинкіоя до Казанлыка, приходилось имѣть съ непріятелемъ постоянныя стычки, вслѣдствіе чего не представилось возможности начать аттаку перевала 5-го іюля, то аттака Шипкинскаго перевала съ сѣверной стороны была неудачна.

6-го іюля, генералъ Гурко началъ движеніе отъ Казанлыка къ дер. Шипки, и не поддерживаемый аттакою габровскаго отряда съ сѣвера, очутился въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ габровскій отрядъ вчера. Аттака перевала съ южной стороны началась тѣмъ, что два стрѣлковые батальона стали взбираться на кручу по лѣсной тропинкѣ съ восточной стороны; двѣ роты пластуновъ съ южной. Скрытно подойдя къ первой непріятельской позиціи оба стрѣлковые батальона заняли ее и сразу хотѣли продолжать наступленіе, какъ вдругъ на слѣдующей позиціи, на горѣ св. Николая, показался бѣлый флагъ и турки стали показывать знаками, что хотятъ сдаться. Въ то же время два турецкихъ офицера, также съ бѣлыми флагами въ рукахъ, отдѣлились отъ войскъ и стали спускаться съ горы св. Николая къ нашимъ стрѣлкамъ. Командиры обоихъ стрѣлковыхъ

батальоновъ тотчасъ остановили наступленіе и приказали прекратить огонь, что и было немедленно исполнено. Изъ нашихъ рядовъ вышли на встрѣчу предполагаемымъ парламентерамъ; но тогда турецкіе офицеры тотчасъ повернули назадъ, на непріятельской сторонѣ раздались какіе-то сигналы, и турецкіе батальоны дали по нашимъ стрѣлковымъ батальонамъ залпъ.

Послѣ такаго вѣроломства, наши стрѣлки тотчасъ возобновили аттаку, взяли два укрѣпленія и находившійся при нихъ лагерь и подошли къ главной позиціи; но встрѣченные болѣе многочисленнымъ непріятелемъ отступили въ полномъ порядкѣ.

Впечатлѣніе, произведенное появленіемъ отряда генерала Гурко за Балканами, которые считались такою надежною преградою, а равно впечатлѣніе, которое произвелъ рядъ одержанныхъ имъ въ долинѣ Тунджи побѣдъ, было чрезвычайно сильно. Послѣ дѣла 5-го іюля, при Казанлыкѣ турки бросили свой лагерь у дер. Шипки и всѣ ушли на перевалъ, не взявъ съ собою никакого продовольствія. Занятіе нами Казанлыка и дер. Шипки отняло у нихъ всякую возможность получать продовольствіе изъ долины р. Тунджи.

Въ виду столь безвыходнаго положенія турокъ, генералъ Гурко утромъ 6-го іюня, до начала аттаки, послалъ пашѣ письмо съ предложеніемъ сдаться на капитуляцію. Въ отвѣтъ, явился турецкій офицеръ съ письмомъ отъ паши, въ которомъ тотъ изъявлялъ полное согласіе на предложенную капитуляцію. Тотчасъ-же были написаны ея условія и порядокъ обезоруженія, началомъ которою назначено 12 часовъ дня 7 іюля. При этомъ генералъ Гурко спросилъ, чѣмъ объясняется вѣроломный поступокъ турецкихъ войскъ накунунѣ. На это парламентеръ отвѣтилъ, что офицеры не въ состояніи были удержать своихъ солдатъ отъ желанія стрѣлять по русскимъ войскамъ, когда они подошли на столь близкое разстояніе. Затѣмъ парламентеръ уѣхалъ, обѣщая привезти часа черезъ два отвѣтъ паши. Спустя нѣкоторое время послѣ его отъѣзда, генералъ Гурко пожелалъ воспользоваться временемъ переговоровъ для уборки раненныхъ, оставшихся на полѣ сраженія 6-го іюля, и съ этою цѣлью послалъ на перевалъ безоруженныхъ санитаровъ, съ бѣлыми нарукавными повязками и бѣлыми флагами.

Но пробило и 12 часовъ дня, а парламентеръ не возвращался. Тогда генералъ Гурко началъ подозрѣвать, что турки обманули его присылкою парламентера и затѣяли переговоры только для того, чтобы выиграть время и уйти по горнымъ тропинкамъ безъ преслѣдованія. Такъ оно и вышло. Скоро оказалось, что турки бросили перевалъ, который уже былъ занятъ съ сѣвера частью габровскаго отряда. Такимъ образомъ, Балканы, на про-

тяженіи двухъ слишкомъ переходовъ въ ширину,—находились въ нашихъ рукахъ; на этомъ протяженіи мы завладѣли тремя горными проходами, изъ которыхъ Шипкинскій проходъ былъ сильно укрѣпленъ.

Мы не станемъ передавать дальнѣйшихъ дѣйствій передоваго отряда; значеніе и результаты, достигнутые этимъ отрядомъ, хорошо выражены въ приказѣ Гурко по войскамъ передоваго отряда отъ 31-го іюля, когда последовало предписаніе о расформированіи этого отряда. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этомъ приказѣ: «Вслѣдствіе предписанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, передовой отрядъ расформировывается, и части войскъ, входившія въ его составъ, получаютъ новыя назначенія. Разставаясь съ вами войска передоваго отряда, послѣ 40-дневныхъ трудовъ, лишеній и блистательныхъ подвиговъ вами совершенныхъ, мнѣ въ настоящую минуту особенно пріятно вспомнить вашу поистинѣ геройскую службу, которую вы сослужили Царю, Россіи и вѣрѣ православной. Едва только началось ваше движеніе отъ Систова, какъ черезъ нѣсколько дней, 25-го Іюня, съ боя овладѣли городомъ Тырновомъ, древнею столицею Болгарскаго царства. Съ занятіемъ этого города, намъ открытъ былъ путь къ Балканамъ и, 2 іюля, вы были уже по ту сторону Балканъ, молодецки перешагнувъ черезъ крайне трудный, едва доступный горный Ханкіескій проходъ. 2, 3, 4, 5 и 6 Іюля, вы ежедневно сражались съ врагомъ и каждый день былъ новымъ днемъ славы для васъ и для русскаго оружія. Ханкіой, Канари, Фесари, Уфлани, Казанлыкъ, и Шипка— навсегда связали ваше имя съ долиною р. Тунджи и обезсмертили его своими геройскими подвигами. Открывъ для нашей арміи, послѣ этихъ славныхъ дней, Шипкинскій проходъ, вы заняли 10 Іюля гор. Эски-Загру и 12 Іюля, кавалерійскими частями разрушили двѣ линіи турецкихъ желѣзныхъ дорогъ. Эти подвиги ваши произвели потрясающее дѣйствіе въ рядахъ вашего врага. Всѣ турецкіе жители изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и селеній бѣжали въ неописанномъ ужасѣ въ Андріанополь и Константинополь, чиновники бросили свои мѣста и искали спасенія въ бѣгствѣ. Для защиты Константинополя была отозвана изъ Черногоріи армія Сулейманъ-паши и моремъ перевезена въ Андріанополь. Этимъ быстрымъ передвиженіемъ арміи Сулейманъ-паши вы спасли нашихъ братьевъ черногорцевъ отъ страшной бѣды, имъ грозившей. Въ самомъ Константинополѣ произошла смѣна министровъ. Всѣ это было слѣдствіемъ вашихъ трудовъ, вашей молодецкой службы. 16-го Іюля, узнавъ о сосредоточеніи арміи Сулеймана-паши, и о томъ, что она готовится перейти въ наступленіе, я повелъ васъ на встрѣчу къ ней. 17, 18 и 19 Іюля, вы сражались съ нею, причемъ блистательныя побѣды, одержанныя вами при Ени-Загрѣ, 18 Іюля

и, при Джуранли, 19 Іюля, заставили всю армію Сулеймана отступить назадъ, несмотря на то, что у насъ было 13, а у непріятеля 30 баталіоновъ. Къ вамъ обращаюсь, болгарскія дружины. 19-го числа подъ Эски-Загрой вы привлекли на себя 15 непріятельскихъ батальоновъ, т. е. почти вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, при многочисленной артиллеріи дальняго боя, противъ которой вы могли противопоставить всего 4 горныхъ орудія. Несмотря на такое подавляющее превосходство турецкихъ войскъ, вы, съ 8 ч. утра до 2 часовъ пополудни, съ удивительнымъ мужествомъ защищали свой родной городъ и тѣмъ дали возможность остальнымъ войскамъ передоваго отряда разбить турокъ при селеніи Джуранли, слѣдствіемъ чего было отступленіе всей арміи Сулеймана-паши. Это было первое дѣло, въ которомъ вы сражались съ врагомъ, и въ этомъ же дѣлѣ вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армія можетъ гордиться вами и сказать, что она не ошиблась, пославъ въ ряды ваши лучшихъ своихъ офицеровъ. Вы — ядро будущей болгарской арміи. Пройдутъ года, и эта будущая болгарская армія съ гордостью скажетъ: мы потомки славныхъ защитниковъ Эски-Загры. Вслѣдствіе общаго положенія дѣлъ на театрѣ войны, я получилъ приказаніе отвести войска на самые перевалы и затѣмъ другое приказаніе—расформировать передовой отрядъ. Съ болью въ сердцѣ разстаюсь съ вами, войска передоваго отряда. Воспоминанія о томъ, что я 38 дней провелъ среди васъ, что я былъ свидѣтелемъ вашихъ молодецкихъ подвиговъ и изумительно тяжелыхъ трудовъ, что я видѣлъ какъ всѣ три рода оружія соревновали между собою въ честномъ исполненіи боевой службы,—никогда не изгладятся изъ моего сердца и будутъ служить лучшими воспоминаніями моей жизни. Войска передоваго отряда! Вамъ выпала завидная роль, въ такое короткое время, показать столько примѣровъ мужества и самоотверженія. Въ подвигахъ уже вами совершенныхъ, вы почерпнете силу для новыхъ подвиговъ, и я увѣренъ, что гдѣ-бы ни встрѣтились съ непріятелемъ, вы не пострамите славу, заслуженную передовымъ отрядомъ.»

Послѣ оставленія нашими войсками долины рѣки Тунджи, произошло то, что предсказывалъ генералъ Гурко. Онъ говорилъ:

— Если бы противъ меня выступила вся армія Сулеймана-паши, то и тогда я считалъ бы своей священнѣйшей обязанностью сопротивляться до послѣдней крайности. Мысль о томъ, что здѣсь произойдетъ, когда я удалюсь, приводитъ меня въ трепетъ. Судя по тому, что происходитъ въ мѣстахъ, покинутыхъ нашими войсками, мое отступленіе послужитъ сигналомъ ко всеобщему избіенію христіанъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не заняты нашими войсками, всѣ болгарскіе дома сожжены, населеніе пере-

рѣзано, многіе схоронены живыми въ землю. Не смотря на все желаніе, я не могу предотвратить этихъ злодѣяній, потому что мнѣ нельзя слишкомъ раздроблять свои войска и посылать отряды въ каждое мѣсто.

Послѣ третьей аттаки Плевно, когда приступлено было къ осадѣ этой сильно укрѣпленной непріятельской позиціи, генералъ Гурко получилъ назначеніе командовать прибывшею на театръ войны гвардіею. Объѣзжая нѣкоторые изъ поступившихъ подъ его команду части войскъ и здороваясь съ офицерами и солдатами, онъ говорилъ, что для него большое счастье и честь стать начальникомъ лучшаго въ Россіи войска, приэтомъ, обращаясь къ офицерамъ выразился, между прочимъ:

— Господа! я обращаюсь къ вамъ и долженъ вамъ сказать, что люблю страстно военное дѣло; на мою долю выпала такая честь и такое счастіе, о которомъ я никогда и не смѣлъ мечтать—вести гвардію, это отборное войско, въ бой. Для военнаго человѣка не можетъ быть большаго счастія, какъ вести въ бой войско съ увѣренностью въ побѣдѣ, а гвардія, по своему составу, по обученію, можно сказать, лучшее войско въ мірѣ. Помните, господа, вамъ придется вступить въ бой, и что на васъ будетъ смотрѣть не только вся Россія, но весь свѣтъ, и отъ успѣховъ вашихъ будетъ зависѣть исходъ дѣла.

«Бой, при правильномъ обученіи, не представляетъ ничего особеннаго, это то же, что ученіе съ боевыми патронами, только требуетъ еще большаго спокойствія, еще большаго порядка. Влейте, если такъ можно сказать, въ солдата, что его священная обязанность беречь въ бою патронъ, а сухарь на бивуакѣ,—и помните, что вы ведете въ бой русскаго солдата, который никогда отъ своего офицера не отставалъ».

Обращаясь къ солдатамъ, генералъ Гурко сказалъ:

— Помните, ребята, что вы гвардія Русскаго Царя, и что на васъ смотритъ весь крещеный міръ. Турки, братцы, стрѣляютъ издалека и стрѣляютъ много, это ихъ дѣло, а вы, братцы, стрѣляйте, какъ васъ учили,—умною пулей, рѣдко, но мѣтко, а когда придется до дѣла въ штыки, то продырявь его. Нашего «ура» врагъ не выноситъ. О васъ, гвардейцы, заботятся больше, чѣмъ объ остальной арміи, у васъ лучшія казармы, вы лучше отдѣты, накормлены, обучены, вотъ вамъ минута доказать, что вы достойны этихъ заботъ».

Вскорѣ блистательныя дѣла подъ Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ оправдали надежды, возлагаемыя на нашу славную гвардію. Занятіе этихъ двухъ позицій, входившее въ планъ полнаго обложенія Плевны, лишило возможности осажденной арміи Османа-паши получать подкрѣпленія. До того времени набѣги нашей кавалеріи хотя и сопровождались зачастую удачею,

но при той системѣ обороны шоссе, ведущаго изъ Плевны въ Софію, которая была введена Османомъ, нельзя было серьезно думать остановить подвозъ провіанта и боевыхъ припасовъ, слѣдовавшихъ по этому шоссе въ Плевну. Оборона софійскаго шоссе состояла въ слѣдующемъ: по обѣ стороны шоссе была выдвинута рѣдкая кавалерійская цѣпь, укрывавшаяся въ ложементахъ. Далѣе, черезъ каждые 5—10 верстъ (Дольній и Горный Дубняки, Телишъ, Луковица и др.) устроены были сильно укрѣпленные этапы, занятые довольно значительными гарнизонами.

Транспорты, слѣдовавшіе въ Плевно, передвигались небольшими частями: повозокъ 50—100. При нападеніи нашей кавалеріи, она всегда встрѣчала пѣхоту, борьба съ которой требовала времени, а между тѣмъ транспортъ успѣвалъ укрыться въ ближайшемъ этапѣ.

Было рѣшено перерѣзать этотъ жизненный нервъ Османа-паши, для чего занять всѣ укрѣпленные пункты по шоссе, начавъ съ Горнаго Дубняка. Исполненіе этого и было поручено гвардіи, находившейся подъ командою генерала Гурко.

12-го октября авангардъ нашихъ войскъ двинулся по направленію къ Горному Дубняку и послѣ незначительной стычки съ турками перешелъ рѣку Видъ, куда затѣмъ была перевезена и артиллерія. Наши орудія расположились обширнымъ полукругомъ вокругъ турецкой позиціи и открыли общій огонь.

Снарядъ за снарядомъ попадалъ въ брустверы редута, но турки не переставали отвѣчать на огонь; въ полдень отъ войскъ назначены были полки для атаки. Колонны взобрались на высоту и утвердились тамъ на разстояніи 500 метровъ отъ непріятельской позиціи; турки осыпали ихъ цѣлымъ градомъ снарядовъ, но онѣ, прикрытыя одной рытвиной, терпѣли сначала незначительныя потери. Послѣ кратковременнаго отдыха полки двинулись впередъ, подошли еще на 200 шаговъ, но замѣтили, что на этотъ разъ врядъ-ли можно будетъ завладѣть позиціей. Вслѣдствіе этого, перемѣнили расположеніе артиллеріи и вывели войска изъ непріятельскаго огня, чтобы предпринять потомъ второе нападеніе. Въ половинѣ втораго образовалась свѣжая колонна; въ центрѣ ея шелъ драгунскій полкъ, который спѣшился и поручилъ охрану своихъ лошадей казачьему полку, стоящему въ долинѣ. Въ 2 часа пошла на приступъ вторая штурмовая колонна подъ защитой артиллеріи; войска взошли на высоту, заняли редантъ и остановились за нимъ для отдыха, чтобы продолжать потомъ наступленіе. Снарядъ за снарядомъ разсѣкалъ воздухъ, дымъ окутывалъ всю окрестность и почти вовсе ничего не было видно, но за то слышался съ обѣихъ сторонъ страшный трескъ ружейнаго огня, который усиливался по мѣрѣ того, какъ наступающія

войска подходили къ непріятельскимъ позиціямъ все ближе и ближе. Наши подвигались медленно, но за то въ такомъ порядкѣ, какъ на маневрахъ. Турки тоже отстаивали свои укрѣпленія съ отчаяннымъ упорствомъ. Все болѣе и болѣе усѣевалась почва тѣлами, все многочисленнѣе становилось число раненыхъ, спускающихся, шатаясь, съ высоты, но мужество противниковъ еще не было сломлено. Въ половинѣ четвертаго застрѣльщики примкнули къ драгунамъ, сражавшимся въ первой линіи и двинулись бѣглымъ шагомъ впередъ; они заняли небольшую лощину, вслѣдствіе чего драгуны очутились во второй линіи и открыли по туркамъ такой убійственный огонь, какого еще никогда не бывало прежде. Турки однако рѣшились, повидимому, защищаться до послѣдняго человѣка и въ половинѣ пятаго, казалось, что позиція небудетъ взята. На долю гвардіи выпадало спасти честь дня; эти отборныя войска, отъ которыхъ ожидали всего, не могли воротиться ни съ чѣмъ; они должны были побѣдить, какъ было признано, и это хорошо зналъ каждый солдатъ; имѣлась въ виду только одна цѣль— опрокинуть врага и водрузить русскія знамена на полуразрушенныхъ брустверахъ.

Чтобы достигнуть успѣха еще до наступленія ночи, надо было рѣшиться напасть концентрически, массами, и во всякомъ случаѣ сломить сопротивленіе непріятеля. Артиллерія приблизилась на близкое разстояніе и открыла такой огонь, который надо слышать, чтобы имѣть о немъ понятіе. Каждый снарядъ попадалъ въ цѣль. Весь редутъ окутался густымъ облакомъ желтой пыли, но турки стрѣляли по прежнему мѣтко по наступающимъ отрядамъ. Въ 5 часовъ войска выстроились въ двѣ линіи, для нанесенія рѣшительнаго удара.

Войска были одушевлены, и когда солдаты въ порядкѣ, рѣдко бывающемъ даже на маневрахъ, ровно и мѣрно двинулись впередъ, взошли на высоту и исчезли вскорѣ въ пороховомъ дыму, изъ котораго, подобно перекатамъ грома, раздался немедленно открытый скорострѣльный ружейный огонь, то резервные батальоны невольно сняли фуражки и перекрестились Это была необыкновенно торжественная минута и невольно думалось, что никому не удастся вернуться живымъ изъ-подъ убійственнаго града пуль. Въ половинѣ шестаго огонь замѣтно ослабѣлъ, приготовлялись къ атакѣ въ штыки. Между тѣмъ блокгаузы, расположенные внутри редута, и всѣ, находившіеся тамъ горючіе матеріалы, запылали, столбы чернаго дыма, перемѣшанные съ облаками бѣлаго пороховаго дыма, фантастически освѣщались кровавыми лучами заходившаго въ это время солнца и представляли потрясающую картину.

Вдругъ громогласное «ура!» пронеслось въ воздухѣ; непріятель долженъ

былъ быть доконченъ штыками. Бѣглымъ шагомъ прошли наши 300 метровъ отдѣлявшихъ ихъ отъ рва; несмотря на то, что ровъ наполнился трупами, турки все еще стояли непоколебимо на своихъ позиціяхъ. Такъ разсказывалъ потомъ одинъ изъ участниковъ, раненный измайловецъ «тутъ во рву, подъ валомъ, собралось достаточно нашихъ солдатъ, да все ждали, пока силъ прибудетъ больше, чтобы разомъ на него (турка) ударить. А онъ сверху-то черезъ валъ иногда высунется, да кулакомъ и грозитъ намъ, а мы ему камнемъ или комомъ земли глаза-то и обсыплемъ. Бывало такъ и ждешъ, какъ высунется кто сверху, такъ камнемъ ему красную чуприну-то и разшибешь».

Отдѣльные храбрецы уже взбирались на бруствѣръ, но пораженные на смерть, падали головами внизъ въ ровъ. Мѣсто ихъ заступали другіе и наконецъ, въ половинѣ седьмаго, наши войска проникли внутрь редута. Внутри загорѣлся упорный бой, не смотря на то, что большая часть турецкихъ войскъ уже начала отступленіе къ Телишу. То, что происходило въ турецкихъ позиціяхъ, можетъ себѣ представить только болѣзненно-возбужденная фантазія. Батарейная упряжь, скотъ, собранный турками, раненые, убитые всякаго рода, запасы оружія, однимъ словомъ, все, что только было въ редутахъ, горѣло. Наши продолжали дѣйствовать штыками но трескъ ружейнаго огня не переставалъ слышаться: —это взрывало турецкіе патроны, лежащіе вокругъ массами.

Въ это время внѣ редута началась новая битва—послѣдній актъ кровавой драмы, разыгравшейся 24 октября. Русскіе приготовлялись напасть на непріятеля въ открытомъ полѣ.

Спастись туркамъ не было возможности. Со всѣхъ сторонъ раздались штурмовые сигналы, громогласное «ура!» опять потрясло воздухъ и русскія колонны снова двинулись впередъ. Врагъ былъ вскорѣ настигнутъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ и ему не оставалось болѣе выбора, какъ только сдаться въ въ плѣнъ.

Генералъ Гурко, въ это время, незная ничего о томъ, что наши молодцы заняли уже редутъ, при свѣтѣ фонарика составлялъ вмѣстѣ съ генераломъ Нагловскимъ новую диспозицію на ночь. Генералъ Гурко рѣшилъ провести ночь на курганчикѣ. Между тѣмъ, было уже совсѣмъ темно; на турецкомъ редутѣ горелъ большой пожаръ, тамъ пылали подожженные нашимъ артиллерійскимъ огнемъ турецкія палатки и шалаши; трескъ ружейной пальбы не умолкалъ ни на минуту. На курганчикѣ всѣ приготовились къ тревожной, безсонной ночи; у всѣхъ на сердцѣ лежалъ тяжелый камень. Вдругъ фигура всадника, летящаго отъ редута къ курганчику во весь опоръ, привлекла всеобщее вниманіе. Еще генералъ Нагловскій не докон-

чилъ писать своей диспозиціи, какъ подскакавшій всадникъ осадилъ коня противъ генерала Гурко; то былъ ординарецъ генерала, ротмистръ Скалонъ.

— Редутъ въ нашихъ рукахъ, — доложилъ онъ генералу взволнованнымъ голосомъ.

— Что? — переспросилъ генералъ: — нашъ? редутъ нашъ?.

— Сію минуту войска ворвались и заняли редутъ; оставшіеся турки сдались.

— Ура!! вырвалось у генерала.

— Ура! подхватили всѣ на курганчикѣ. Всѣ, какъ ошеломленные, повскакали со своихъ мѣстъ.

— Коня! — закричалъ генералъ. За генераломъ всѣ въ секунду были на коняхъ.

— А что же значитъ неумолкающіе частые ружейные выстрѣлы на редутѣ?

— Это лопаются съ трескомъ въ огнѣ разбросанные турками патроны.

Вся свита генерала, адъютанты и штабъ неслись во весь опоръ за генераломъ отъ курганчика къ редуту, какъ опьянѣлые, крича ура, перескакивая черезъ ровики, черезъ кучи мертвыхъ тѣлъ. Редутъ былъ озаренъ краснымъ широкимъ заревомъ, на которомъ рисовались темные силуэты нашихъ солдатъ. Собравшись кучами на редутѣ и вокругъ него, солдаты подхватили ура! мчавшагося къ нимъ генерала Гурко. Шапки полетѣли вверхъ; другіе надѣвали шапки на штыки. Оглушительное, опьяняющее ура! стояло въ воздухѣ. Солдаты кинулись на встрѣчу генерала: словно живое море окружило генерала и его свиту со всѣхъ сторонъ.

—Молодцы — дѣти! —проговорилъ генералъ взволнованно;—спасибо, молодцы! И въ суровомъ голосѣ генерала зазвучала трогательная нота.

— Ура! ура! повторялось и разносилось вдаль.

Вся картина была освѣщена однимъ яркимъ, краснымъ заревомъ пожара, въ которомъ трещали, какъ въ сильной перестрѣлкѣ, лопавшіеся патроны. Плѣнные, положившіе оружіе на редутѣ, были уже выведены и стояли кучей, оцѣпленные нашими солдатами. Плѣнныхъ было до двухъ тысячъ человѣкъ: остальные турки всѣ полегли на мѣстѣ во время сраженія. Къ генералу Гурко подвели взятаго въ плѣнъ турецкаго генерала Ахмедъ-Февзи-пашу. Лицо паши было грустно и убито. Онъ низко поклонился генералу Гурко и сталъ, опустивъ голову. Генералъ Гурко протянулъ ему руку и сказалъ: «уважаю въ васъ храбраго противника!»...

Надо было видѣть на другой день картину поля сраженія, позы валявшихся труповъ, число убитыхъ, чтобы понять, какую трудность одолѣла наша гвардія. Но занятіемъ Горняго Дубняка еще не представлялось

возможности окончательно командовать надъ софійскимъ шоссе, да къ тому-же и войска, бывшія въ занятомъ редутѣ, находились между двухъ огней: съ одной стороны Османа-паши, съ другой, турецкихъ войскъ, сосредоточенныхъ по софійскому шоссе, въ Телишѣ. Занявъ Горный Дубнякъ, генералъ Гурко говорилъ:

— Воздуху здѣсь мнѣ мало! выражая этимъ то, что пребываніе корпуса на такомъ тѣсномъ пространствѣ было безпокойно. Поэтому занятіе Телиша являлось настоятельною необходимостью.

Съ этою цѣлью приказано было 16 октября двинуть къ Телишу 100 орудій и, окруживъ это укрѣпленіе, открыть канонаду сначала гранатами, а потомъ дѣйствовать шрапнелью. Батареи дѣйствовали преимущественно залпами. Пальба должна была производиться до 2 часовъ, а затѣмъ приказано было прекратить огонь на полчаса. Этимъ перерывомъ генералъ Гурко желалъ воспользоваться, чтобы предложить гарнизону капитуляцію, грозя, въ противномъ случаѣ, безустанно громить его изъ ста орудій. Съ этою цѣлью были взяты, между прочимъ, пять плѣнныхъ турокъ, испытавшихъ всѣ ужасы дубнякскаго боя, и имъ вручено письмо къ телишскому пашѣ, съ условіями капитуляціи. Плѣнныхъ подвели къ цѣпи, откуда они двинулись, помахивая бѣлыми платками и обѣщая разсказать о массахъ и непобѣдимости русскихъ, собравшихся около Телиша. Такъ какъ въ 2½ часа отвѣтъ не былъ полученъ, то канонада опять началась. Турецкія орудія, подбитыя нашей артиллеріей, перестали отвѣчать, а пѣхота почти не стрѣляла, вѣроятно, за дальностью дистанцій и отсутствіемъ хорошихъ цѣлей, такъ какъ нѣкоторыя наши батареи и цѣпь окопались во избѣжаніе потерь.

Генералъ Гурко, верхомъ, въ сопровожденіи офицеровъ генеральнаго штаба, выѣхалъ на одну изъ батарей, съ цѣлью видѣть дѣйствіе нашей артиллеріи. Не прошло минутъ 20, какъ замѣченъ былъ турецкій парламентеръ, и позиція наша огласилась потрясающими криками «ура», возвѣщавшаго объ этой, почти безкровной для насъ побѣдѣ. Артиллеристы, по преимуществу, праздновали свой успѣхъ.

— Матушка ты наша! — говорилъ молодой канониръ, цѣлуя и обнимая свою 9-фунтовку.

Генералъ Гурко рысью направился, въ сопровожденіи конвоя, на шоссе, выславъ впередъ, для переговоровъ, свиты Его Величества генералъ-маіора Бреверна и князя Цертелева. Паша быстро согласился на капитуляцію и хлопоталъ только о правѣ сохраненія офицерами своихъ собственныхъ вещей. Когда же получилъ на это разрѣшеніе, то съ веселымъ духомъ передалъ себя въ наши руки.

Въ ожиданіи прибытія плѣнныхъ, генералъ Гурко (называемый турками «Гяурко-паша») остановился на шоссе, посреди общей радости и шумнаго говора. Здѣсь окончательно уяснилось стратегическое и моральное значеніе дубнякской побѣды: мотивируя свою сдачу, телишскій паша, между прочимъ говорилъ:

— Если мой начальникъ (дубнякскій паша) сдался, то почему же и мнѣ не капитулировать?!

Около часа времени войска простояли на шоссе въ ожиданіи плѣнныхъ; наконецъ, показалась небольшая кучка, а позади длинная колонна семи таборовъ. Впереди, на жалкой клячѣ, ѣхалъ паша, въ сопровожденіи своихъ пѣшихъ слугъ и адъютантовъ. Наружность паши была далеко непредставительна...

Подъѣхавъ къ генералу Гурко, онъ, съ веселой улыбкой, раскланялся, объяснилъ, что онъ очень плохо говоритъ по французски, и затѣмъ, черезъ переводчика, перечислилъ составъ гарнизона.

Послѣ того паша, въ сопровожденіи офицера, отправленъ былъ въ Горній Дубнякъ. Таборы двигались вслѣдъ за пашою одинъ за другимъ, между шпалерами изъ л.-гв. московскаго полка, который конвоировалъ ихъ къ мѣсту ночлега—большому редуту у Дубняка, занятому нами 12 октября. Офицеры (числомъ до 100) были выдѣлены и провели ночь особо, на бивакѣ.

Плѣнные принадлежали преимущественно къ низаму и редифу; было, впрочемъ, и два батальона мустахфиза. Особенно подавляющаго впечатлѣнія на лицахъ не было замѣтно: напротивъ, многіе курили, смѣялись, а офицеры положительно радовались, что избавляются, наконецъ, отъ бѣдствій войны. Здѣсь же забрано было пять англичанъ-врачей съ бѣлой повязкой на лѣвой рукѣ.

Пропустивъ плѣнныхъ, генералъ Гурко поѣхалъ въ очищенныя турецкія укрѣпленія. Тамъ—обычная картина: убитые, раненные, разорванные на части гранатами люди, бѣгающія лошади и т. п. Особенно насъ поразила масса патроновъ, оставленныхъ турками въ укрѣпленіяхъ: цѣлыя груды ихъ валялись въ деревянныхъ ящикахъ, на протяженіи всего бруствера, а шоссе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на протяженіи сажени и болѣе, было сплошь завалено ими, такъ что наши лошади давили ихъ въ огромномъ количествѣ.

Немедленно по занятіи укрѣпленія войсками, генералъ Гурко приказалъ сдѣлать опись всему оставленному турками имуществу, собирать ружья, патроны, скотъ и пр., поставить, гдѣ нужно, караулы и т. п.

Главными нашими трофеями были четыре стальныхъ орудія. Такимъ

образомъ, гвардія пріобрѣла уже себѣ восьмиорудійную батарею, съ достаточнымъ количествомъ снарядовъ.

Поздно, въ темнотѣ, генералъ Гурко возвратился къ себѣ, прослѣдовавъ среди безчисленныхъ бивачныхъ огней нашей гвардіи, и могъ спокойно закончить этотъ хорошій день, стоившій намъ только нѣсколькихъ убитыхъ и раненныхъ. Уже теперь начали обнаруживаться слѣдствія нашихъ двухъ побѣдъ на Софійскомъ шоссе: Шефкетъ-паша, двигавшійся съ двѣнадцатью таборами и десятью орудіями къ Телишу, узнавъ о паденіи послѣдняго и Дубняка, быстро повернулъ назадъ и отступилъ передъ нашими конно-гренадерами.

Въ дополненіе къ описанію капитуляціи Телиша, заимствованному нами изъ «Рус. Инв.», приводимъ нѣсколько интересныхъ подробностей изъ берлинской «National Zeitung»: «Когда огонь русскихъ орудій ослабѣвъ, то генералъ Гурко послалъ къ турецкому начальнику, Измаилъ-Хакки-пашѣ, князя Церетелева съ письмомъ, въ которомъ требовалъ сдачи турецкихъ войскъ и присылки для переговоровъ уполномоченнаго высшаго офицера. Паша, повидимому, не понялъ письма генерала Гурко; онъ хотя и прислалъ одного полковника, но безъ всякихъ полномочій. Тогда терпѣніе генерала лопнуло.

— Я даю пашѣ, —сказалъ онъ полковнику,—20 минутъ срока. Если по истеченіи ихъ я не получу рѣшительнаго отвѣта, то прикажу разбить ваши позиціи въ пухъ и прахъ и не велю давать вамъ пощады. Итакъ, поторопитесь.

Послѣ этого, не прошло еще 20 минутъ, какъ полковникъ вернулся съ желаемымъ отвѣтомъ. Краткое заявленіе генерала Гурко было понятнѣе пашѣ, чѣмъ письмо, и онъ сдался со всѣми своими войсками. Турки въ скоромъ времени положили оружіе и когда это было окончено, то генералъ Гурко велѣлъ спросить пашу, разойдутся ли его солдаты спокойно по домамъ, если онъ подаритъ имъ свободу? Онъ же самъ и его офицеры должны, конечно, остаться военноплѣнными Измаилъ-паша отвѣчалъ сначала утвердительно, но потомъ тотчасъ же послалъ въ догонку адъютанта и объяснилъ что сами турки желаютъ остаться въ плѣну, такъ какъ если они вернутся на родину, то ихъ снова заберутъ въ солдаты, а они вовсе не желаютъ этого. Такимъ образомъ, въ рукахъ русскихъ осталось около 4.000 плѣнныхъ.

Во время капитуляціи Телиша розыгрался одинъ кровавый эпизодъ. Оба эскадрона черкесовъ только что положили оружіе, какъ вдругъ полтораста изъ нихъ снова схватили его, бросились на лошадей и погнали прочь, надѣясь спастись бѣгствомъ. Стоявшій вблизи гвардейскій Уланскій

полкъ устремился за бѣглецами въ погоню; уланы вскорѣ нагнали черкесовъ, но послѣдніе стали сопротивляться и были всѣ изрублены. Полагаютъ, что черкесы рѣшились на эту безумную попытку изъ стыда явиться домой безоружными. Оружіе, какъ извѣстно, переходитъ у нихъ изъ рода въ родъ и между ними попадается много старинныхъ и драгоцѣнныхъ экземпляровъ. Лишиться оружія считается у нихъ крайнимъ безчестіемъ и отъ обезоруженнаго отвертываются съ презрѣніемъ даже его ближайшіе родственники.

Съ занятіемъ Телиша, Горнаго - Дубняка и прочихъ укрѣпленныхъ позицій по софійскому шоссе, устроенныхъ Османомъ пашею для обезпеченія своего отступленія на Софію, турецкая армія, сидѣвшая въ Плевнѣ, была окружена окончательно. Подвозъ провіанта и боевыхъ припасъ для нея съ этого времени прекратился.

Послѣ геройскаго взятія Телиша, войска, находившіеся подъ командою генерала Гурко, составили отдѣльный отрядъ, назначеніе котораго состояло въ занятіи Орханійскаго прохода черезъ Балканы, ведущаго въ Софію. Для обезпеченія успѣха, надлежало первоначально освободить отъ непріятеля всю мѣстность, лежащую къ сѣверу отъ орханійскаго прохода, вслѣдствіе этого войска, подъ начальствомъ своего доблестнаго генерала, скоро заняли городъ Врацу, а затѣмъ, въ нѣсколько переходовъ, подошли къ самому проходу.

Ознакомившись съ славною боевою дѣятельностію генерала Гурко, въ нынѣшную войну, сдѣлавшею его имя популярнымъ не только въ отечествѣ, но и во всемъ мірѣ, излишне было бы передавать здѣсь тѣ многочисленные разсказы, въ которыхъ Гурко является храбрымъ, энергичнымъ и умнымъ начальникомъ, заслужившимъ себѣ любовь и уваженіе въ средѣ своихъ боевыхъ товарищей. Такихъ разсказовъ о Гурко, какъ и о Скобелевѣ, существуетъ громадное число; изъ нихъ мы приведемъ только одинъ, лучше всего знакомящій съ необыкновенною храбростью генерала. Этотъ разсказъ заключающій описаніе интереснаго состязанія въ личной храбрости неустрашимыхъ генераловъ Скобелева и Гурко, былъ напечатано въ «Моск. Вѣд.» княземъ Шаховскимъ.

На прощанье съ Дольнимъ Дубнякомъ, пишетъ князь Шаховской, мнѣ припомнилась любопытная сцена свиданія генерала Гурко съ генераломъ Скобелевымъ подъ Плевной, имѣвшая мѣсто въ редутѣ Мирковича на Волынской горѣ. Личная храбрость и отвага обоихъ генераловъ не

подлежать ни для кого сомнѣнію, а презрѣніе къ опастности Скобелева вошло даже въ поговорку; но тутъ, въ редутѣ Мирковича, обоимъ генераламъ вмѣстѣ пришлось состязаться другъ передъ другомъ въ отвагѣ или выдержать дуэль храбрости. Условившись свидѣться между собою для переговоровъ о выборѣ мѣста для возведенія новыхъ укрѣпленій на позиціяхъ подъ Плевной, генералы Гурко и Скобелевъ назначили мѣстомъ свиданія для себя редутъ Мирковича и съѣхались тамъ, каждый въ сопровожденіи своихъ ординарцевъ, начальниковъ ввѣренныхъ имъ частей и др., такъ что небольшой редутъ наполнился многочисленною свитой обоихъ генераловъ. Этотъ редутъ расположенъ отъ ближайшаго турецкаго укрѣпленія на разстояніи какихъ-нибудь 800—1,000 саж., и турки до того пристрѣлялись къ нему изъ своихъ орудій, что безъ промаха направляли свои снаряды въ самую середину редута, куда съѣхались на свиданіе два генерала. Въ обыкновенное время турки рѣдко стрѣляютъ въ наши укрѣпленія и первые не открываютъ никогда огня изъ орудій, а только изрѣдка отвѣчаютъ на наши выстрѣлы. На этотъ разъ турки, по обыкновенію, разгуливали по своимъ укрѣпленіямъ, иные работали съ лопатами въ рукахъ, другіе сидѣли кучками на насыпи; турецкій офицеръ внутри укрѣпленія разъѣзжалъ верхомъ на бѣлой лошади... Гурко, разговаривая со Скобелевымъ и замѣтивъ эту sans gène турокъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ нашего редута, обратился къ батарейному командиру съ приказаніемъ: «дать по нимъ залпъ изъ двухъ орудій!» Залпъ былъ данъ, и турки мгновенно попрятались за насыпью; но черезъ минуту снова появились съ лопатами на поверхности укрѣпленія. Но вотъ на ихъ сторонѣ показался бѣлый дымокъ. «Ложись!» раздался крикъ дежурнаго фейерверкера, и все что было въ редутѣ кинулось на землю; остались на ногахъ только два генерала въ позахъ разговаривающихъ между собою людей. Турецкая граната, съ воемъ, шипомъ и свистомъ разрывая воздухъ, влетѣла въ редутъ и зарылась въ землю по самой серединѣ редута; офицеръ артиллеристъ бросился къ мѣсту упавшаго снаряда, разрылъ землю, вынулъ еще горячую отъ полета, но не разорвавшуюся гранату и положилъ ее на землю передъ генералами. Черезъ минуту раздался новый крикъ «ложись!», и новая граната ворвалась въ редутъ и зарылась рядомъ съ первою. Гурко и Скобелевъ вошли на барбетъ и продолжали при второй гранатѣ, также стоя разговаривать и сохранять хладнокровный видъ другъ передъ другомъ. Турки, если отвѣчаютъ на наши выстрѣлы, то выпускаютъ обыкновенно однимъ выстрѣломъ болѣе того, чѣмъ пущено въ нихъ; поэтому надо было ожидать прибытія третьей гранаты, которая при новомъ крикѣ «ложись» и не замедлила удариться въ землю шагахъ въ пяти отъ бесѣдо-

вавшихъ и какъ разъ впереди ихъ. По счастію, этотъ вновь прибывшій снарядъ не лопнулъ; въ противномъ случаѣ обоихъ генераловъ не было-бы въ живыхъ, такъ какъ осколки лопнувшаго снаряда летятъ впередъ по силѣ энерціи и неминуемо должны были-бы задѣть Гурко и Скобелева. При этой третьей гранатѣ оба генерала были блѣдны, но ни въ чемъ не измѣнили себѣ, сохраняя прежнюю позу и не прерывая бесѣды, какъ будто ни въ чемъ не бывало».

Генералъ-лейтенантъ И. Д. Оклобжіо

и

дѣйствія ріонскаго отряда.

Съ объявленіемъ войны, наша кавказская армія двинулась въ предѣлы Турціи двумя отрядами, изъ которыхъ ріонскій отрядъ, подъ командою генерала Оклобжіо, одного изъ храбрѣйшихъ кавказскихъ генераловъ, вскорѣ по выступленіи въ походъ, въ нѣсколькихъ удачныхъ сраженіяхъ разбилъ турецкія войска и занялъ весьма выгодныя позиціи.

По непонятной случайности, о дѣйствіяхъ ріонскаго отряда въ печати появились такія незначительныя свѣдѣнія, что большинство русскаго общества находится въ полнѣйшемъ невѣденіи о славныхъ дѣлахъ этого отряда. Между тѣмъ, блистательное занятіе войсками Оклобжіо мухаэстатскихъ позицій, овладѣніе сильно защищенными высотами при деревнѣ Хацубани, оборона завоеванныхъ позицій при Муха-Эстатѣ противъ многочисленнаго непріятеля все это сопровождавшееся славными битвами, происходившими здѣсь, займетъ со временемъ видное мѣсто въ исторіи современной войны на Кавказѣ.

Съ началомъ военныхъ дѣствій, ріонскій отрядъ имѣлъ передовыя стычки съ турецкими войсками и взялъ въ плѣнъ 7 офицеровъ и 100 рядовыхъ; на слѣдующій же день онъ овладѣлъ барачнымъ лагеремъ у Мухастера и тотчасъ укрѣпилъ отнятую позицію. Получая затѣмъ постоянныя извѣстія, что на нашихъ аванпостахъ перестрѣлка усиливается съ каждымъ днемъ, и что настроеніе мѣстнаго населенія стало болѣе враждебно, генералъ Оклобжіо, рѣшилъ предпринять наступленіе къ рѣкѣ Кинштриши, чтобы выбить непріятеля имъ занятыхъ изъ позицій и многочисленныхъ заваловъ. Передовой отрядъ, двинувшійся къ рѣкѣ, долженъ былъ пройти

Начальникъ ріонскаго отряда Кавказской арміи, генералъ-лейтенантъ

ИВАНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ОКЛОБЖІО.

(Рисовалъ П. Ф. Борель, грав. И. Матюшинъ).

по весьма пересѣченнымъ отрогамъ хребта Перанга. Отъ самаго лагеря дорога вела по густому лѣсу вплоть до рѣки Акчусы, лѣвый берегъ который представлялъ нѣсколько террасъ, съ крутыми, обрывистыми скатами, усѣянными группами деревъ и домовъ. Террассы эти, представляя хорошія позиціи для непріятеля, были, кромѣ того, усилены исскуственно, а узкая дорога, вьющаяся по лѣсу и по обрывамъ, была мѣстами завалена огромными деревьями. За первымъ рядомъ террасъ шли другія, раздѣленныя глубокими оврагами, въ которыхъ разбросаны усадьбы нѣсколькихъ деревень и, между прочимъ, деревня Хуцубани. Послѣдній пунктъ, командуя окрестною мѣстностью, представлялся наиболѣе сильнымъ въ военномъ отношеніи; на вершинѣ хуцубанскаго холма высится старинный христіанскій храмъ, окруженный нѣсколькими домами, еще болѣе усиливающими и безъ того крѣпкую позицію Хуцубани. По этой труднопроходимой мѣстности, двинулась колона нашихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Денибегова; другая-же, правая колона, подъ командою генерала Шелементьева, должна была занять узелъ дорогъ, идущихъ къ мѣстечку Чурукъ-су и демонстрировать противъ западной части деревни Хуцубани. 29-го апрѣля, въ день сраженія при этой деревни, непріятеля насчитывалось до 4,000 человѣкъ, состоящаго частью изъ регулярныхъ солдатъ, а частью изъ милиціи; всѣ они были вооружены скорострѣльными ружьями разныхъ системъ.

Въ 3 часа утра 29-го апрѣля войска наши двинулись впередъ. Отрядъ, подъ начальствомъ генерала Денибегова, войдя въ чащу лѣса съ орудіями, былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ непріятеля и долженъ былъ остановиться, пока стрѣлковыя цѣпи оттѣснили непріятеля, а саперы, тѣмъ временемъ, исправили дорогу для артиллеріи. Эта остановка стоила намъ многихъ жертвъ, такъ какъ вслѣдствіе тѣсноты развернуться было невозможно. Вскорѣ затѣмъ, когда артиллерія оказала свое дѣйствіе, рѣшено было начать аттаку въ штыки. Лично ставъ въ главѣ штурмующихъ, генералъ Денибеговъ двинулся впередъ. Первый крикъ «ура» тотчасъ-же наэлектризировалъ дѣйствующія въ лѣсу части, которыя немедленно бросились впередъ, имѣя во главѣ своихъ офицеровъ. Непріятель отступилъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ свою сильную позицію.

Между тѣмъ правая колона генэрала Шелементьева, встрѣченная огнемъ непріятеля, засѣвшаго въ глубокой, заросшей лѣсомъ канавѣ, кинулась въ аттаку, выбила турокъ изъ канавы и заставила бѣжать на другую сторону рѣки Акчуа. Скоро турки, поддержанныя мѣстными жителями, попытались было перейти рѣку, но послѣ нѣсколькихъ удачныхъ

залповъ съ нашей стороны, снова бѣжали на другую сторону и скрылись тамъ въ лѣсу.

Непріятелю помогали также и броненосцы, которые, подойдя къ берегу, открыли по нашимъ войскамъ огонь съ разстоянія пяти верстъ. Громадные снаряды броненосцевъ хотя и долетали до нашихъ войскъ, но не причиняли почти никакого вреда.

Хотя обѣ коллонны нашихъ войскъ и заставили непріятеля столь поспѣшно оставить свои позиціи, что онъ не успѣлъ забрать съ собою даже своихъ убитыхъ и раненыхъ, но тѣмъ не менѣе надлежало завладѣть еще лежащими впереди высотами Хуцубани. По приказанію генерала Оклобжіо, коллона, изъсвѣжихъ войскъ, почти не отвѣчая на выстрѣлы непріятеля, съ крикомъ «ура» заняла высоты Хуцубани, гдѣ и расположилась на ночлегъ.

Принимая въ соображеніе условія мѣстности, столь неблагопріятныя для наступленія, а также упорство, съ которымъ непріятель отстаивалъ каждый шагъ, нельзя было ожидать, чтобы славное дѣло 29-го апрѣля обошлось безъ значительныхъ потерь. Онѣ заключались въ 10 раненыхъ и контуженныхъ офицерахъ и 158 убитыхъ и раненыхъ солдатъ. Потери непріятеля были также значительны: кромѣ многихъ почетныхъ старшинъ, убитыхъ въ дѣлѣ, турки потеряли убитыми до 200 человѣкъ и оставили много тѣлъ на позиціи.

По занятіи Хуцубанскихъ высотъ, Оклобжіо озаботился устройствомъ хорошихъ путей сообщенія. Разработавъ около 45 верстъ дороги, ріонскій отрядъ началъ наступленіе и заставилъ непріятеля окончательно оставить высоты лѣваго берега рѣки Кинтриши и отступить къ Цихидзири. Наши войска, построивъ черезъ рѣку мосты, укрѣпились у деревни Самебы. Другая же колонна ріонскаго отряда проникла въ Кабулетскій округъ, жители котораго поспѣшили изъявить покорность и выдали оружіе, розданное имъ турками. Въ началѣ іюня турки пробовали было аттаковать наши авангардныя части, но каждый разъ отступали съ большимъ урономъ. Получивъ затѣмъ сильное подкрѣпленіе, турки предприняли цѣлый рядъ аттакъ, которыя хотя и были отбиты, но въ виду перевѣса въ численности непріятеля, генералъ Оклобжіо не нашелъ возможнымъ удерживать свои позиціи, у Самебы и отступилъ на болѣе сильную позицію при Мухаэстатѣ.

И дѣйствительно, нелегко было удерживаться противъ многочисленныхъ и превосходно вооруженныхъ баталіоновъ, далеко превосходящихъ численностью нашъ отрядъ. Къ тому-же, количество орудій у непріятеля было весьма значительно. Многіе изъ нихъ большаго калибра и вылиты, безъ сомнѣнія, на заводахъ Круппа и Амстронга. Непріятельскія батареи вездѣ ко-

мандовали надъ нашими. Грозные ложементы и траншеи были выстроены амфитеатромъ, въ нѣсколько ярусовъ. Чтобъ взять ихъ, пришлось бы потерять чуть не весь отрядъ. Нѣтъ войскъ въ мірѣ, которыя защищались бы столь упорно за своими окопами, какъ турецкія. Для того, чтобы устоять противъ многочисленнаго врага, ріонскому отряду нужны были новыя силы, а главное, новыя орудія большаго калибра и дороги; на подвозъ первыхъ и устройство вторыхъ требовалось много времени, а здѣсь, взамѣнъ того, ріонскій отрядъ долженъ былъ отдѣлить нѣсколько баталіоновъ на другіе театры военныхъ дѣйствій.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, нашему ріонскому отряду пришлось перейти изъ наступательнаго положенія въ оборонительное. 16 іюня войска, въ полнѣйшемъ порядкѣ, оставили свои позиціи у Кинтриши и Самеба и отступили на Муха-эстатинскія высоты. Турки немедленно заняли оставленныя нашими войсками позиціи. Жаль, говоритъ корреспонденъ «Тифлискаго Вѣстника», что имъ достались великолѣпныя грунтовыя дороги, проведенныя съ большимъ трудомъ нашими саперами и рабочими командами. Мосты на Кинтриши были нами уничтожены. Оставленные-же солдатскіе шалаши турки сожгли, не желая помѣщаться тамъ, гдѣ прежде жили гяуры.... И такъ, продолжаетъ корреспондентъ, мы очутились на пріобрѣвшемъ громкую извѣстность въ западно-европейскихъ газетахъМуха-эстатѣ. Сколько силъ должно было употребить на охраненіе этой позиціи и въ этой мужественной охранѣ сказалась вся неустрашимость нашихъ храбрыхъ солдатъ. Ротамъ, находившимся въ охранительной цѣпи, приходилось проводить подъ ружьемъ безсонныя ночи, безпрерывно отстрѣливаясь противъ назойливыхъ гверильясовъ жителей и партизанскихъ турецкихъ отрядовъ. Свистъ пуль на Муха-эстатской позиціи былъ безпрерывенъ. Офицерамъ и солдатамъ нельзя было даже обѣдать и ужинать, такъ какъ озлобленные и неутомимые кабулетцы лазили по горамъ съ ловкостью дикой козы и осматривали ночью нашу цѣпь глазами филина... И не видно было ихъ никогда. Сыпятся пули тысячами, но незнаемъ, гдѣ стоятъ или лежатъ импровизированные стрѣлки. Гребни, лѣсная чаща и уцѣлѣвшія отъ огня сакли великолѣпно прикрывали ихъ. Но нашимъ солдатамъ все это было, повидимому, нипочемъ, словно на ихъ костяхъ не мясо, а желѣзо, а въ мясѣ не нервы, а проволока.

Но если для охраны занятой позиціи требовалось постоянное бодрствованіе солдатъ и офицеровъ, то еще большее вниманіе долженъ былъ выказывать начальникъ ріонскаго отряда, генералъ Оклобжію, и можно положительно утверждать, что только благодаря его необычайной энергіи, храбрости и распорядительности, наши войска отбивали постоянныя напа-

денія непріятеля, удерживали свои позиціи, а тѣмъ самимъ защищали и нашу границу отъ вторженія мусульманскихъ полчищъ.

Передаемъ затѣмъ біографическія свѣденія о нашемъ храбромъ кавказскомъ генералѣ.

Генералъ-лейтенантъ Иванъ Дмитріевичъ Оклобжіо родился въ 1821 году. Иностранецъ по происхожденію, онъ началъ свою военную дѣятельность на австрійской службѣ. Будучи уже 25 лѣтъ отъ роду, онъ присягнулъ на подданство Россіи и перешелъ въ русскую службу. Опредѣленный Высочайшимъ приказомъ, въ 1846 году, подпоручикомъ въ бывшій егерскій полкъ, князя Воронцова, молодой офицеръ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ воспитанникъ лицея въ Зарѣ и студентъ одного изъ итальянскихъ университетовъ, отличался въ борьбѣ съ дикими племенами горцевъ далекаго Кавказа, куда судьбѣ угодно было его забросить.

Въ 1847 году Ивану Дмитріевичу пришлось уже участвовать въ походѣ противъ чеченцевъ и за отличія, оказанныя имъ въ этихъ дѣлахъ, онъ произведенъ въ поручики, въ ноябрѣ того-же года. Въ слѣдующемъ, 1848 году, Оклобжіо продолжалъ выказывать свою храбрость, сражаясь противъ горцевъ, и за совершенные подвиги былъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана. 1849 и 1850 года прошли также въ постоянномъ участіи въ дѣлахъ съ горцами, причемъ въ 1850 году, 11 февраля, во время отраженія горцевъ, препятствовавшихъ нашимъ войскамъ вырубать лѣсъ, штабсъ-капитанъ Оклобжіо былъ два раза раненъ ружейными пулями. За храбрость, выказанную имъ постепенно въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, онъ былъ произведенъ въ капитаны. Въ 1851 году Иванъ Дмитріевичъ, участвуя въ зимней военной экспедиціи противъ горцевъ, удостоился получить за понесенные въ этой экспедиціи труды, особое Монаршее благоволеніе и произведенъ въ маіоры.

Весь 1852 годъ маіоръ Оклобжіо провелъ въ постоянныхъ походахъ противъ горцевъ и снова заявилъ себя необычайными подвигами храбрости, за что былъ произведенъ въ подполковники и получилъ два ордена. — Въ 1853 году участвовалъ въ борьбѣ съ чеченцами и турками. Втеченіе этого года онъ, между прочимъ, отличался: въ сраженіи подъ селомъ Бояндуромъ и при пораженіи турецкой арміи у Башъ-Кадыкляра. При селѣ Бояндурѣ, 2-го ноября, Иванъ Дмитріевичъ былъ два раза контуженъ непріятельскими ядрами: первой разъ въ поясницу, а второй — въ правую ушную сторону головы.

Въ 1854 году, онъ находился при осадѣ крѣпости Силистріи и многократномъ отраженіи вылазокъ изъ крѣпости турецкаго гарнизона. Получивъ за отличія этого года чинъ полковника, Оклобжіо возвратился 1-го

мая въ предѣлы имперіи; но тотчасъ-же долженъ былъ отправиться въ Бухарестъ, потому-что былъ назначенъ состоять въ распоряженіи генералъ-адъютанта, князя Горчакова.

Въ февралѣ, того-же года, Иванъ Дмитріевичъ получилъ въ команду брянскій резервный егерскій полкъ, а въ мартѣ былъ назначенъ командиромъ смоленскаго резервнаго пѣхотнаго полка; въ сентябрѣ-же мѣсяцѣ—командующимъ 1-ю бригадою 7 дивизіи: въ ноябрѣ, онъ принялъ начальство надъ авангарднымъ отрядомъ войскъ, расположенныхъ по рѣкамъ Бельбеку и Качѣ. Этотъ отрядъ вошелъ въ составъ севастопольскаго гарнизона. Съ 24 и 27 августа, находясь на южной стороны Севастополя, онъ присутствовалъ при усиленномъ бомбардированіи непріятеля по крѣпости, а 27 числа того-же мѣсяца—при штурмѣ севастопольскихъ твердынь соединенными силами союзныхъ войскъ. Послѣ этого Оклобжіо участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ непріятелемъ. — Въ 1856 году онъ находился, по 20-е марта, на аванпостной службѣ, съ ввѣреннымъ ему отрядомъ и въ теченіи этого времени имѣлъ перестрѣлки съ непріятелемъ, дѣлалъ рекогносцировки и пр. Въ ноябрѣ того-же года, ему поручили командованіе камчатскимъ егерскимъ полкомъ. Боевая дѣятельность храбраго офицера закончилась съ прекращеніемъ крымской кампаніи.

Въ 1858 году, за всѣ вообще свои служебныя отличія, онъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ, съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени; въ 1859—назначенъ командиромъ бѣлостокскаго пѣхотнаго полка; въ 1860—вступилъ въ командованіе названнымъ полкомъ; въ слѣдующемъ году исправлялъ должность инспектора линейныхъ батальоновъ въ Закавказскомъ краѣ, съ зачисленнымъ по армейской пѣхотѣ; въ 1862 году произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1863 году— исправлялъ должность начальника войскъ въ Алазанской долинѣ, на Кавказѣ, съ подчиненіемъ ему Бежитскаго и Закатальскаго округовъ, какъ въ военномъ отношеніи, такъ и по внутреннему народному управленію; въ томъ-же году онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность военнаго начальника Верхняго Дагестана и командующимъ войсками, расположенными на лѣвомъ берегу Алазани; въ 1865 году—начальникомъ мѣстныхъ войскъ Закатальскаго края; въ 1869 году ему пожалованъ въ Кубанской области участокъ земли, въ количествѣ 1000 десятинъ; въ 1870 году — за управленіе Верхнимъ Дагестаномъ и Закатальскимъ округомъ, объявлена Высочайшая искренняя благодарность, въ томъ-же году, онъ повышенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта; въ 1871 году получилъ именное Высочайшее благоволеніе; въ 1874 году — назначенъ начальникомъ 41

пѣхотной дивизіи, а въ 1876 — командующимъ войсками въ при-Ріонскомъ краѣ.

Иванъ Дмитріевичъ имѣетъ слѣдующія ордена: св. Анны 1 ст. съ Императорскою короною, 1 ст. съ мечами надъ орденомъ, 2 ст. съ мечами и Императорскою короной, 2 ст. съ мечами и 3-й ст. съ бантомъ; св. Станиславъ 1 ст.; св. Георгія 4 ст.; св. Владиміра 3 и 4 ст. первый съ мечами, а послѣдній съ бантомъ. Кромѣ того, онъ имѣетъ золотую саблю съ надписью: «за храбрость», крестъ за службу на Кавказѣ, а также: персидскій орденъ Льва и Солнца 1 ст., серебрянную медаль за защиту Севастополя и двѣ бронзовыя медали: одну—на Георгіевской лентѣ въ память войны 1853—56 года, и другую—въ память столѣтняго юбилея военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія.

Начальникъ эриванскаго отряда Кавказской арміи, генералъ-лейтенантъ

А. А. ТЕРГУКАСОВЪ.

(Рисовалъ П. Ф. Борель, гравир. И. Матюшинъ).

Генералъ-лейтенантъ А. А. Тергукасовъ.

Начальникъ эриванскаго отряда кавказской арміи.

Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, одинъ изъ храбрыхъ кавказскихъ генераловъ, пользующихся нынѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовью, родился въ Тифлисѣ, въ 1819 году. Онъ сынъ армянскаго протоіерея и получилъ воспитаніе въ корпусѣ инженеровъ Путей Сообщенія, откуда, по окончаніи курса въ 1839, году вышелъ съ чиномъ поручика и поступилъ на службу въ 1-ую дирекцію окрестныхъ дорогъ Петербурга. Спустя два года, онъ переведенъ въ дирекцію военныхъ сообщеній кавказскаго края, а затѣмъ назначенъ начальникомъ одной изъ дистанцій втораго отдѣленія 8-го округа и произведенъ въ капитаны. Затѣмъ, онъ занялъ мѣсто помощника начальника 2-го отдѣленія 8-го округа, а потомъ исполнялъ должность начальника того-же округа до 1850 года; въ этомъ году Арзасъ Артемьевичъ, по собственному желанію, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника.

Но онъ не долго оставался на свободѣ: военная жизнь влекла его, и два года спустя Арзасъ Артемьевичъ поступилъ на службу маіоромъ въ апшеронскій полкъ; въ 1853 году онъ командовалъ третьимъ батальономъ этого полка и принималъ участіе въ дѣлахъ съ горцами Дагестана. Находясь въ постоянныхъ походахъ противъ непокорныхъ и воинственныхъ кавказскихъ горцевъ, онъ за выказанныя имъ во многихъ стычкахъ отличія получилъ, въ 1855 году, чинъ полковника.

Весь слѣдующій годъ Арзасъ Артемьевичъ провелъ также въ походѣ и участвовалъ во многихъ жаркихъ дѣлахъ, гдѣ всегда обращалъ на себя вниманіе высшаго начальства своею храбростью, распорядительностью и энергіею въ преслѣдованіи многочисленныхъ скопищъ горцевъ. Въ 1857

году онъ снова находился въ постоянныхъ походахъ и отличился въ нѣкоторыхъ стычкахъ съ непріятелемъ, за что и получилъ Монаршее благоволеніе. Въ 1858 и 1859 годахъ, при окончательномъ покореніи Дагестана, онъ также принималъ постоянное участіе и за выказанную храбрость былъ награжденъ золотою саблей, съ надписью: «за храбрость». Принявъ въ 1859 году командованіе апшеронскимъ полкомъ, онъ участвовалъ въ знаменитой аттакѣ Гуниба —послѣдняго убѣжища Шамиля. Въ этомъ дѣлѣ Тергукасовъ съ своимъ полкомъ былъ расположенъ у подножія Гуниба съ западной стороны. Взобраться на неприступную обрывистую скалу, на которой въ то время укрылся Шамиль съ своими войсками, повидимому, не было никакой возможности; наши войска поэтому собирались повести правильную осаду; сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія, послали за инструментами и фашинами, предстояло инженерамъ выпустить на сцену. Какъ вдругъ 25 августа, рано утромъ, русскія войска съ противуположныхъ Гунибу высотъ увидѣли бѣлыя фуражки на самомъ Гунибѣ.... Оказалось, что охотники апшеронскаго полка отыскали какую-то трещину въ скалѣ, по которой, орлами, въ буквальномъ значеніи этого слова, взобрались на верхъ, а за ними и полковникъ Тергукасовъ съ батальономъ. За это дѣло онъ получилъ георгіевскій крестъ, въ числѣ другихъ командировъ частей, одновременно взобравшихся на Гунибъ. Затѣмъ произведенный въ генералы, онъ былъ помощникомъ начальника 34-й дивизіи, а теперь г. Тергукасовъ генералъ-лейтенантъ и начальникъ 38-й пѣхотной дивизіи, съ которою и выступилъ въ походъ при объявленіи войны.

По отзыву всѣхъ служившихъ съ Арзасомъ Артемьевичемъ, онъ человѣкъ хорошо образованный, много читающій, пріятнаго, ровного характера, и снискалъ себѣ въ войскахъ полное уваженіе. Строгій начальникъ, онъ въ тоже время хорошій товарищъ, готовый въ каждую минуту отозваться на помощь и услугу. Проведя большую часть своей служебной дѣятельности въ походахъ, Арзасъ Артемьевичъ хорошо знакомъ съ натурою русскаго солдата, котораго располагаетъ къ себѣ искренностью и простотою отношеній. Солдаты, съ своей стороны, глубоко преданы генералу и какъ доказали событія на театрѣ войны, готовы положить душу за любимаго ими генерала...

Въ нынѣшнюю войну Арзасъ Артемьевичъ выступилъ въ походъ съ отдѣльнымъ эриванскимъ отрядомъ, который, перейдя границу, скоро одержалъ значительные успѣхи. Такъ, 18-го апрѣля, авангардъ эриванскаго отряда, подъ начальствомъ самаго генералъ-лейтенанта Тергукасова, занялъ безъ боя крѣпость Баязетъ, гарнизонъ которой, въ количествѣ 1700 человѣкъ отступилъ въ горы Алла-Дага, оставивъ въ городѣ значитель-

ные военные запасы. Двигаясь далѣе по дорогѣ къ Эрзеруму, Тергукасовъ занялъ Діадинъ, почти безъ выстрѣла, и столь-же удачно занялъ нѣсколько важныхъ стратегическихъ пунктовъ, съ которыхъ турки отступили послѣ незначительнаго сопротивленія. Правственное значеніе этихъ первоначальныхъ побѣдъ было громадно, армяне, какъ и мусульмане, изъявили покорность и выказывали полную готовность помогать русскимъ войскамъ. Даже воинственное и фанатизированное племя курдовъ, и то, при занятіи нашими войсками Баязетскаго санджака, поспѣшило изъявить покорность и невыказывало на первый разъ своихъ враждебныхъ отношеній. Вскорѣ однако событія приняли иной и совершенно неожиданный оборотъ. Главнокомандующій малоазіатскою турецкою арміею, Мухтаръ-паша, собравъ отступавшія части своихъ войскъ, двинулся впередъ, противъ отряда генерала Тергукасова. Въ это самое время въ тылу эриванскаго отряда возмутились курды, особенно послѣ того, какъ со стороны Вана появились родственныя имъ шайки. Первое столкновеніе между войсками генерала Тергукасова и Мухтара паши произошло 4-го іюня, на высотахъ Драмъ-Дага, между Зейдекяномъ и Дели-бабой. Послѣ шести-часоваго боя турецкій корпусъ бѣжалъ передъ малочисленнымъ, но крѣпкимъ духомъ эриванскимъ отрядомъ; правда, битва эта стоила намъ жертвъ, но и турки понесли большія потери: самъ начальствующій турецкимъ корпусомъ, Махмедъ-паша, былъ убитъ въ бою. Но разгромъ, постигшій турецкія войска въ этомъ сраженіи, обрушился лишь на передовой отрядъ Мухтара-паши; послѣдній поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, представившимся ему для нападенія на наши разъединенные отряды, изъ которыхъ эриванскому отряду угрожало въ тылу возставшее племя курдовъ, подступившихъ въ это время къ Баязету, и послѣ разгрома этого города, принудившихъ наши войска запереться въ Баязетской цитадели. Вотъ почему, какъ только къ Мухтару-пашѣ, послѣ разгрома при Дели-бабѣ подошли изъ Эрзерума свѣжія подкрѣпленія, онъ, 9-го іюня, обрушивается на отрядъ генерала Тергукасова при селѣ Даярѣ. Мухтаръ-паша двинулся изъ Дели-бабы, съ цѣлью аттаковать Тергукасова, который, послѣ сраженія 4-го іюня, занялъ сильную позицію на холмахъ, близь Эскиръ-Киліаси, гдѣ и укрѣпился. Въ этотъ же день произошло нѣсколько схватокъ кавалеріи обѣихъ сторонъ. На слѣдующее утро Мухтаръ-паша, оставивъ въ резервѣ въ Гордаръ-Корю, подъ начальствомъ Мустафъ-паши (замѣнившаго убитаго Махметъ-пашу), всю свою полевую артиллерію, съ 5 баталіонами аттаковалъ русскихъ, находившихся здѣсь въ числѣ 10 баталіоновъ при 8 полевыхъ орудіяхъ и нѣсколькихъ горныхъ пушкахъ. Турки выслали стрѣлковъ, которые были оттѣснены къ своему лѣвому флангу, до самыхъ скатовъ и тутъ проис-

ходило сильное движеніе. Непріятель аттаковалъ наши позиціи, но ему не удалось овладѣть ими. Наши, защитивъ ихъ, аттаковали, въ свою очередь, позиціи турокъ на высотахъ. Сраженіе началось въ 8 часовъ утра и прекратилось только въ 6 часовъ вечера. 10-го іюня Мухтаръ-паша возобновилъ сраженіе. Турки потеряли болѣе 8 тысячъ. Дѣло не разъ доходило до залповъ на близкомъ разстояніи противъ аттакующей кавалеріи, которая ложилась цѣлыми эскадронами передъ фронтомъ нашихъ стрѣлковъ. Значительныя потери турокъ доказываются еще необходимостью допустить ихъ къ уборкѣ тѣлъ своихъ убитыхъ, оставшихся на нашихъ позиціяхъ.

Но не смотря на энергическій отпоръ, данный генераломъ Тергукасовымъ наступающей турецкой арміи, нашъ эриванскій отрядъ, въ виду подходящихъ къ непріятелю сильныхъ подкрѣпленій, долженъ былъ начать отступленіе къ русской границѣ, направляясь на Игдырь. Пополнивъ здѣсь свои военные запасы, отрядъ Тергукасова долженъ былъ двинуться на выручку осажденнаго въ Баязетской цитадели русскаго гарнизона. Наши войска, только-что совершивъ походъ, были утомлены и истощены матеріально до нельзя, такъ что идти на выручку баязетскихъ героевъ не представлялось физической возможности. Требовались нечеловѣческія усилія, чтобы послѣ цѣлаго ряда сраженій съ непріятелемъ, и длиннаго похода, можно было двинуться къ Баязету. Но генералъ Тергукасовъ хорошо зналъ свойства русскаго солдата, зналъ, что простое задушевное слово вызываетъ этого солдата на не человѣческія усилія. Вотъ почему, когда усталыя, утомленныя и измученныя войска выстроились во фронтъ передъ походомъ къ Эрзеруму, то Тергукасовъ подъѣхалъ къ рядамъ и громко закричалъ:

— Братцы! нашихъ морятъ голодомъ, наши мучатся и умираютъ въ Баязетѣ! не хочу жить! самъ хочу умереть! Идемъ умирать вмѣстѣ съ ними!

Нужно было видѣть,—разсказывали очевидцы, какъ весь отрядъ точно задрожалъ послѣ этихъ словъ: офицеры обнажили сабли, солдаты подняли вверхъ ружья и съ крикомъ «ура», почти безъ боевыхъ припасовъ и безъ провіанта, черезъ нѣсколько минутъ уже шли форсированнымъ маршемъ по дорогѣ къ Баязету. — Здѣсь наши молодцы разбили и разсѣяли тринадцатитысячный турецкій отрядъ, окружавшій Баязетъ, взяли до 100 плѣнныхъ и 4 орудія и освободили баязетскихъ героевъ.

Выведя изъ баязетской цитадели наши войска, Тергукасовъ отступилъ къ Игдырю и здѣсь со своимъ отрядомъ охранялъ русскую границу отъ вторженія турецкихъ войскъ, находившихся подъ командою Измаила-паши.

Эриванскому отряду пришлось долго простоять на своихъ позиціяхъ въ оборонительномъ положеніи, пока, наконецъ, пришедшія къ нашимъ войскамъ подкрѣпленія позволили нанести полное пораженіе главнокомандующему турецкихъ войскъ, Мухтару-пашѣ въ дѣлѣ при Авліарѣ, когда взято было въ плѣнъ громадное число непріятельскихъ войскъ, а остальныя части бѣжали въ полномъ безпорядкѣ; съ этого момента эриванскій отрядъ снова перешелъ въ наступленіе, преслѣдуя по пятамъ войска отступающаго Измаила-паши. Соединившись затѣмъ съ отрядомъ Геймана, эриванскій отрядъ двинулся къ Эрзеруму. Тѣмъ временемъ Измаилъ-паша, соединившись въ Мухтаромъ пашею шелъ по дорогѣ въ Эрзерумъ; недоходя до этого города турецкія войска заняли Деве-боюнскія высоты, гдѣ и рѣшились защищать дорогу къ Эрзеруму, расположенному въ 3 верстахъ отъ этихъ высотъ. Произошло сраженіе, въ которомъ непріятель, разбитый на голову, бѣжалъ къ Эрзеруму, оставивъ въ нашихъ рукахъ 40 орудій, лагерь, запасы и пр. Очевидецъ сраженія при Деве-Бойну, корреспондентъ «Daily Telegraph», находившійся въ турецкой арміи, такимъ образомъ описываетъ это сраженіе.

Въ понедѣльникъ 24-го октября, послѣ полудня, мы увидѣли значительныя массы русской кавалеріи, маневривующими по равнинѣ, вытягиваясь къ подошвѣ прохода. Турки были просто поражены кажущеюся хитростью этого движенія. Мысль выслать отрядъ кавалеріи, хотя и сильной, противъ занятой турками позиціи, была просто не объяснима. Эта кажущаяся смѣлость въ дѣйствительности была просто хитростью, употребленною для скрытія предпринятаго русскими движенія болѣе серьезнаго характера. Хотя не видно было ни одного русскаго пѣхотинца, но въ дѣйствительности, вся русская пѣхота, стоявшая въ этой части поля битвы, находилась предъ самой центральной нашей позиціей на западѣ. Въ предъидущую темную ночь эта пѣхота, безъ шума, скрылась въ рытвинахъ близь пѣшеходной тропинки въ Деве-бойнъ, во впадинахъ на склонѣ горы, гдѣ природа устроила маленькія ямки, куда совсѣмъ могъ спрятаться совершенно вооруженный и снаряженный солдатъ. Турки не предчувствовали этого, чрезвычайно важнаго движенія, веденнаго въ такихъ широкихъ размѣрахъ. При малѣйшей бдительности легко было бы разстроить его; теперь-же турки попали въ ловушку, съ такимъ искуствомъ поставленную имъ.

Пока турки дивились и соображали, что это такое русскіе затѣваютъ, конница подходила ближе и ближе къ подъему въ проходъ. Идя впередъ, она ни мало не скрывается. Отрядъ изъ всадниковъ, конечно, всегда внушаетъ къ себѣ уваженіе. Турки всѣ согласны, что русскіе от-

важно дѣлаютъ рекогносцировку у ихъ позицій. Самъ Мухтаръ-паша, командующій въ проходѣ, рѣшаетъ, что они зашли теперь довольно далеко. Поэтому, онъ отдаетъ приказъ начать аттаку: русская конница теперь уже у самой подошвы горы.

Паша не подозрѣвалъ никакой опасности; онъ просто отражалъ смѣлую попытку русскихъ осмотрѣть турецкую позицію. Повидимому, нѣтъ основанія опасаться быть побитымъ, тогда, когда склоны, образующія проходъ, обстрѣливаются огнемъ турецкой артиллеріи и пѣхоты. Турки стремительно бросаются внизъ по дорогѣ, и всѣ предсказываютъ, что если этотъ блестящій кавалерійскій отрядъ небудетъ истребленъ совершенно, то, во всякомъ случаѣ, скоро тамъ окажется много пустыхъ сѣделъ, когда на нихъ будетъ направленъ съ такого близкаго разстоянія упорный и мѣткій огонь турокъ. И что странно: хотя всадники могутъ видѣть все происходящее; но они предпочитаютъ оставаться тутъ, подъ рукою.

Турки спускаются. Вотъ они начинаютъ уже стрѣлять, ихъ выстрѣлы оказываютъ дѣйствіе. Но вдругъ все измѣняется!.. Во многихъ мѣстахъ, на склонѣ горы, гдѣ еще минуту назадъ не было ничего видно, кромѣ голой стѣны, появляются густые ряды русской пѣхоты. Горы покрыты ею: ея выстрѣлы несутся со всѣхъ сторонъ. Въ одну минуту они начинаютъ давать страшные залпы на убійственно близкомъ разстояніи по обоимъ флангамъ ничего неподозрѣвавшихъ, ни къ чему ни приготовившихся турокъ. Слишкомъ увѣренные, слишкомъ поторопившіеся наказать крайнюю смѣлость русской кавалеріи, солдаты Мухтара-паши такъ далеко спутились въ долину, что уже не было никакой возможности скрыться. Узость дороги, близость убійственнаго огня, выгодныя позиціи, обезпеченныя себѣ русскими, а больше всего, неожиданность аттаки приводятъ турокъ въ ужасъ, парализуютъ ихъ дѣйствія. Пораженные паникой, турки бѣгутъ во всѣ стороны: они поражены, они просто обѣзумѣли и не могутъ оказать нималѣйшаго сопротивленія. Вверхъ по склону горы поднимаются побѣдоносные русскіе. Они достигаютъ траншей съ такою-же скоростью, какъ и оставшіеся въ живыхъ турки; они нападаютъ съ позиціи на позицію и отнимаютъ ихъ съ изумительной быстротой. Постепенно русскіе занимаютъ все.

Турки, уже не въ видѣ дисциплинированной силы, а въ видѣ охваченной паникой толпы, бѣгутъ по вершинѣ горы, побросавъ боевые припасы, оружіе и все. Происходитъ неописуемая суматоха. Между тѣмъ русскіе съ неослабленною энергіею продолжаютъ свое движеніе. Тучи застрѣльщиковъ покрываютъ всѣ горные склоны. И все это совершается въ невѣроятно короткое время.

Былъ полдень, когда русскіе подали первый знакъ о своемъ присутствіи, а въ два часа турецкая армія находилась уже въ полномъ отступленіи. Столь же поразительна была легкость, съ которою было нанесено это громадное пораженіе. Въ тотъ самый моментъ, какъ русскіе словно выросли изъ земли, сопротивленіе, въ дѣйствительности, уже было кончено. Ни одно орудіе не стрѣляло по наступающимъ русскимъ, когда они поднимались на гору. Напротивъ, турецкія войска поражены были такимъ страхомъ, что артиллеристы отрѣзывали постромки у артиллеріи и, сѣвъ на лошадей, улетали на нихъ во весь духъ. Каждый заботился только о себѣ, было всеобщее sauve qui peut. День былъ потерянъ и ни одинъ человѣкъ не помышлялъ ни о чемъ, кромѣ своей собственной безопасности. Турецкая пѣхота, правда, дѣлала, что могла, нѣкоторое время, но усилія ея были напрасны, и наконецъ все, что еще оставалось отъ нея, присоединилось къ общему отступленію, восклицая «Пораженіе! Пораженіе! Это воля Аллаха.»

Продолжая свое наступательное движеніе, русскіе догнали многихъ изъ отступающихъ турокъ, и тутъ произошла ужасная сцена. Вообразите себѣ, если можете, перепуганную, безпорядочную толпу людей, верхами, турецкую пѣхоту и офицеровъ, черкесовъ и башибузуковъ, маркитантовъ, верблюдовъ, ихъ погонщиковъ, воловъ, кучу повозокъ и телѣгъ всевозможныхъ видовъ: все это перемѣшалось въ неописуемую вереницу, несущуюся къ Эрзеруму въ ужасѣ и паникѣ, и при томъ, большею частью, подъ убійственнымъ огнемъ русскихъ. Это была борьба за жизнь, по грязнымъ дорогамъ. Словъ нѣтъ для передачи впечатлѣнія отъ подобной сцены. Эти люди только-что поставлены были на возвышенія для обороны Эрзерума, а теперь они несутся къ нему, какъ къ своему единственному якорю спасенія—и всякій хлопочетъ о томъ только, чтобы попасть туда скорѣе. У самаго-же Эрзерума картина была еще болѣе поразительная, чѣмъ на дорогѣ. Перепуганный губернаторъ отдалъ приказъ запереть ворота города. Этимъ онъ задержалъ густую толпу бѣглецовъ. Вслѣдствіе этого произошла кровавая борьба между людьми, находящимися внутри и внѣ стѣнъ этого города. Обѣ стороны взялись за оружіе, и солдаты на валахъ пустили въ дѣло сабли, ружья и штыки, чтобы отогнать толпу. Наконецъ толпа выламываетъ ворота и находитъ себѣ убѣжище въ городѣ. Здѣсь ужасъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ. Улицы переполняются усталыми, ранеными, голодными солдатами, тщетно ищущими покоя и пищи, перепугавшими жителей своимъ появленіемъ. Многіе изъ нихъ, будучи не въ силахъ двигаться далѣе, падаютъ и засыпаютъ въ глубокой грязи на дорогѣ. Вотъ каково было положеніе дѣлъ при наступленіи.

Разгромивъ соединенныя войска Мухтара и Измаила пашей, наши молодцы немедленно двинулись къ Эрзеруму и вскорѣ состоялось распоряженіе объ атакѣ фортовъ, защищающихъ этотъ значительный торговый городъ. Къ сожалѣнію, штурмъ непріятельскихъ позицій неудался, вслѣдствіе того, что аттакующія колоны, во время своего движенія, сбились съ пути и немогли прійдти къ назначеннымъ пунктамъ въ условленное время. Несмотря однако на это, отрядъ войскъ, подъ начальствомъ Тергукасова, мужественно напалъ на одинъ изъ сильнѣйшихъ фортовъ, называвшійся Топдагъ, овладѣлъ имъ, но немогъ удержать за собою вслѣдствіе того, что наши, сбившись съ дороги, немогли оказать ему своевременной поддержки. Это храброе нападеніе на сильнѣйшій фортъ, одинъ изъ корреспондентовъ описываетъ такимъ образомъ. Въ три часа утра 16 ноября генералъ Тергукасовъ занялъ позицію на разстояніи около трехъ англійскихъ миль отъ одного изъ фортовъ, окружающихъ Эрзерумъ. Названіе этого укрѣпленія Топдагъ, и гарнизонъ его состоялъ изъ пяти ротъ турецкихъ пѣхотинцевъ. Генералъ Тергукасовъ, командовавшій лично, послалъ одинъ батальонъ штурмовать Топдагъ, съ лѣстницами, чтобы люди могли съ большею легкостью напасть на фортъ. Нельзя представить себѣ ничего отважнѣе, ничего рѣшительнѣе образа дѣйствій командира батальона. Ведя своихъ солдатъ по скаламъ и весьма неровной почвѣ, представлявшей серьезныя препятствія для движенія, русскій офицеръ достигъ подошвы холма, на которомъ стоитъ фронтъ, и, сохраняя полное молчаніе, онъ и его товарищи перешли черезъ ровъ, прежде чѣмъ сонные турецкіе часовые узнали о его приближеніи. Нѣсколько человѣкъ, подойдя на близкое разстояніе, спокойно приставили свои лѣстницы къ стѣнамъ, и нѣсколько минутъ спустя, русскіе, съ ловкостью матросовъ, появились на валахъ и наполнили внутренность Топдага. Турки, хотя и пораженные удивленіемъ, оказали мужественное сопротивленіе и, подступивъ къ непріятелю, пытались столкнуть его назадъ штыками. Но было слишкомъ уже поздно; они были осилены превосходными силами, перебиты въ большомъ числѣ и, наконецъ, принуждены были просить «пардону», какъ они выражаются. Приблизительно, въ тысячѣ ярдовъ отъ Топдага находятся форты Азизіе и еще два другихъ; шумъ борьбы скоро достигъ до ушей ихъ гарнизона, взявшагося немедленно за оружіе и приготовившагося къ дѣйствію. Капитанъ Магометъ, храбрость и смѣлость котораго хорошо извѣстны въ Арменіи и внѣ ея, командовалъ фортомъ Азизіе и безъ замедленія бросился на Топдагъ съ полубатальономъ, оставивъ другую половину дѣйствовать въ качествѣ резерва. Между тѣмъ русскіе стали уже безспорными хозяевами взятаго ими укрѣпленія, составляющаго ключъ къ Эрзеруму, и еслибъ генералъ Тергукасовъ имѣлъ

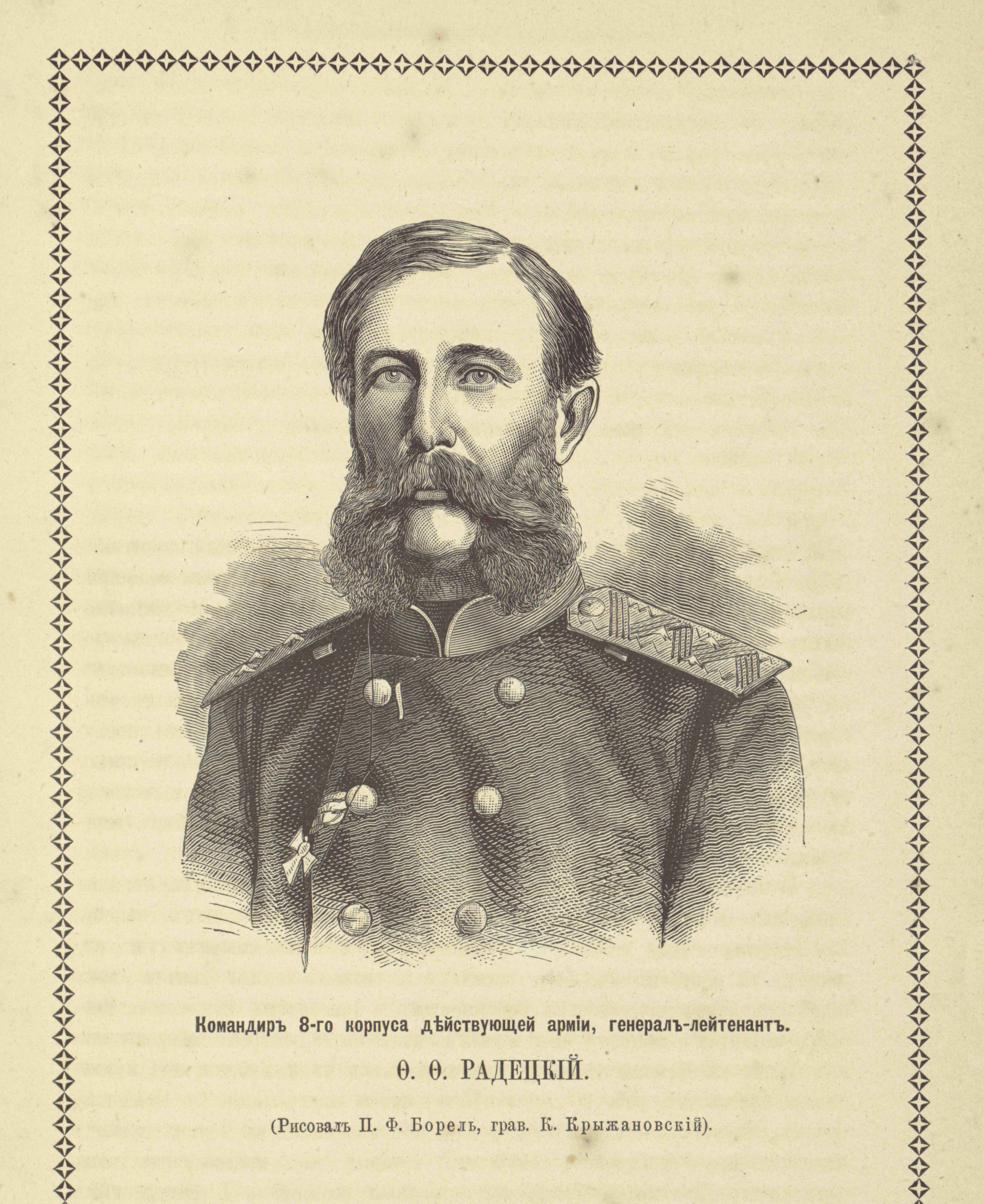
нѣсколько соединительныхъ звеньевъ, чрезъ посредство которыхъ онъ могъ бы получить свѣдѣнія о быстромъ успѣхѣ достигнутомъ его штурмующимъ отрядомъ, то, конечно, занялъ бы Топдагъ такою силою, что всякія попытки вытѣснить его оттуда были бы нелѣпостью. Этотъ недостатокъ спасъ Эрзерумъ въ воскресенье. Въ продолженіе четверти часа русскіе были хозяевами Топдага. Они открыли вылазную калитку и съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія семи батальоновъ, которые, они предполагали, послѣдуютъ за ними безъ замедленія. Но вмѣсто нихъ сильный отрядъ турокъ, подъ начальствомъ капитана Магомета, ворвался въ переднія ворота форта съ громкими криками «Аллахъ! Аллахъ!» и съ необыкновенной стремительностью бросился на изумленныхъ новыхъ хозяевъ Топдага. Началась бойня; турки, поспѣшивъ къ открытой вылазной калиткѣ, рубили направо и налѣво, несмотря на всѣ усилія капитана Магомета прекратить кровопролитіе. Нѣкоторые спрыгнули съ валовъ въ ровъ, а другіе пробились прямо чрезъ вылазную калитку. Оставшіеся же сохранили свою жизнь благодаря капитану Магомету, отстоявшему ихъ съ опасностью для своей собственной жизни. Генералъ Тергукасовъ, ясно слышавшій шумъ битвы, кажется, не понималъ значенія этого шума и, наконецъ, привелъ въ движеніе свои войска, когда уже началъ заниматься день. Подойдя къ туркамъ, онъ нашелъ ихъ ликующими отъ побѣды и крайне возбужденными, и прежде, чѣмъ онъ могъ дать себѣ отчетъ въ этомъ, голова его колонны была атакована въ штыки, и затѣмъ началась рукопашная схватка. Русскіе стойко отражали яростное нападеніе турокъ; но турки, получивъ значительныя подкрѣпленія, далеко превзошли русскихъ численностью, и потому послѣдніе должны были отступить. Они отступали медленно, въ полномъ порядкѣ, а когда во время отступленія ихъ солидныя массы чувствовали слишкомъ сильный натискъ, они оборачивались и давали рѣшительный отпоръ. Потери ихъ были бы велики, еслибъ турки не позволили имъ отступить спокойно. При послѣднихъ операціяхъ русскіе не прикрывались артиллеріей, такъ какъ генералъ Тергукасовъ, опасаясь, чтобы нѣкоторыя изъ его орудій, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не попали въ руки непріятеля, отослалъ бывшія у него полевыя орудія въ арьергардъ, такъ что онѣ не могли принимать участія въ битвѣ.

Генералъ-Лейтенантъ Ѳ. Ѳ. Радецкій.

Начальникъ 8-го армейскаго корпуса.

Генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій, храбрый защитникъ Шипкинскаго перевала, во время знаменитаго семидневнаго боя, принадлежитъ къ числу лучшихъ боевыхъ генераловъ русской арміи, воспитанныхъ суровою школою кавказской войны. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, по происхожденію дворянинъ Казанской губерніи, родился въ 1820 году и воспитывался въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, откуда и выпущенъ былъ офицеромъ въ одинъ изъ инженерныхъ батальоновъ. Послѣ этого онъ поступилъ въ инженерную академію, гдѣ блистательно окончивъ курсъ военныхъ наукъ вышелъ, въ 1841 году, на службу военнымъ инженеромъ и состоялъ въ варшавской инженерной командѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ переведенъ въ грузинскій инженерный округъ.

Большую часть своей жизни Ѳедоръ Ѳедоровичъ прослужилъ на Казказѣ, находясь въ постоянныхъ походахъ противъ непокорныхъ горцевъ. Его необыкновенная храбрость, выказанная во многихъ стычкахъ и сраженіяхъ съ непріятелемъ, была засвидѣтельствована такими людьми, какъ главнокомандующимъ княземъ Воронцовымъ и генераломъ Пассекомъ. Первымъ подвигомъ молодаго инженера Радецкаго была постройка оборонительной башни на Каменномъ мосту, въ верховьяхъ рѣки Кубани, гдѣ приходилось производить работы подъ непріятельскими выстрѣлами. Въ 1844 году Ѳедоръ Ѳедоровичъ находился въ отрядѣ, направленномъ къ Чертмѣ противъ многочисленнаго и сильнаго непріятеля, который, подъ предводительствомъ знаменитаго Шамиля, занималъ неприступныя позиціи за Теренгульскимъ оврагомъ, близь Чертмы. Расположившись на высотахъ при Чертмѣ, русскій отрядъ, несмотря на многочисленность горцевъ, вытѣснилъ ихъ изъ



Командиръ 8-го корпуса дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенантъ.

Ѳ. Ѳ. РАДЕЦКІЙ.

(Рисовалъ П. Ф. Борель, грав. К. Крыжановскій).

прекрасныхъ позицій и обратилъ въ бѣгство, послѣ чего преслѣдовалъ непріятеля почти до аула Буртунай. Въ 1845 году Ѳедоръ Ѳедоровичъ отличался при взятіи штурмомъ горы Анчиніера и въ дѣлѣ на высотахъ Заканъ-Бакъ. Въ эти два послѣдніе года Радецкій дослужился до чина поручика.

Послѣ двухлѣтней боевой жизни на Кавказѣ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ пожелалъ увеличить свои военныя знанія и съ этою цѣлью поступилъ въ академію генеральнаго штаба; здѣсь, за отличныя занятія, онъ былъ произведенъ сначала въ штабсъ-капитаны, а потомъ въ капитаны генеральнаго штаба, съ назначеніемъ въ 1849 году въ дѣйствующую армію. Въ 1852 году назначенъ старшимъ адъютантомъ командующаго войсками Прикаспійскаго края, а годъ спустя произведенъ въ полковники съ назначеніемъ начальникомъ того-же штаба. Въ томъ-же 1852 году снова начинается его боевая жизнь на Кавказѣ, гдѣ онъ отличился въ дѣлахъ съ горцами на Лизгинской линіи. Въ 1853 году ему приходилось сражаться противъ тѣхъ-же горцевъ въ Дагестанѣ и въ Дагестанскомъ округѣ. Въ 1855 году Ѳедоръ Ѳедоровичъ участвовалъ при взятіи въ Табассарѣ главныхъ мятежниковъ на Кавказѣ, а въ 1857 году отличился въ урочищѣ Джончаго-Голъ и въ Салаватіи. Назначенный командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, онъ, 16 и 17 іюня 1859 года, отличился при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Андійское Койсу, а также въ Ичкеріи и Яухѣ. Въ 1860 году, получилъ мѣсто начальника штаба войскъ Терской области, и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ генералы. Затѣмъ командовалъ, поочереди тремя пѣхотными дивизіями: сперва 38-ю, потомъ 21-ю, и наконецъ, 9-ю. Онъ былъ начальникомъ этой послѣдней дивизіи до сформированія, въ 1876 году, нашей дѣйствующей арміи, а при открытіи настоящей компаніи назначенъ командиромъ 8-го корпуса.

Генералъ Радецкій имѣетъ множество орденовъ и отличій; кромѣ того онъ весьма часто удостоивался Монаршихъ благоволеній. Первый орденъ, св. Станислава 3-й степени Ѳедоръ Ѳедоровичъ получилъ въ 1845 году. Въ слѣдующіе затѣмъ десять лѣтъ онъ получилъ нѣсколько орденовъ съ мечами и нѣсколько именныхъ Монаршихъ благоволеній. Въ 1859 году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени; въ 1860 году— золотою саблею съ надписью «за храбрость»; въ 1863 году — орденомъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами; въ 1870—св. Станислава 1 степени и въ 1872 году св. Анны 1 ст.

Въ настоящей войнѣ генералъ Радецкій, участвовавшій при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай получилъ, вмѣстѣ съ генералами Драгомировымъ и Непокойчицкимъ, орденъ св. Георгія 3-й степени.—Въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ генералъ Радецкій обезсмертилъ свое имя герой-

скою обороною Шипкинскаго перевала, когда турецкая армія, подъ начальствомъ Сулеймана паши, пыталась было отбить у насъ этотъ удобный стратегическій пунктъ. Въ продолженіи непрерывнаго семидневнаго боя всѣ попытки Сулеймана паши, двинувшаго противъ русскихъ войскъ, стоявшихъ въ проходѣ, свою многочисленную армію, разбились о героическую стойкость русскихъ солдатъ, руководимыхъ нашимъ храбрымъ генераломъ Радецкимъ. — Подробное описаніе знаменитаго шипкинскаго боя помѣщено въ настоящей книгѣ, въ біографіи генерала Дерожинскаго.

Здѣсь же мы помѣщаемъ описаніе плѣненія всей шипкинской турецкой арміи, послѣ двухневнаго боя 27 и 28 декабря; съ этимъ славнымъ дѣломъ на всегда будетъ связано имя генерала Радецкаго. Взятіе турецкой арміи на Шипкѣ состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Тотчасъ послѣ паденія Плевны, главнокомандующій послалъ на подкрѣпленіе Радецкаго отдѣльный отрядъ Скобелева. Какъ только Гурко, со своимъ отрядомъ, перешагнулъ черезъ Балканы по Орхатскому проходу, главнокомандующій приказалъ немедленно Радецкому проложить себѣ путь и, для успѣшности движенія, его отрядъ былъ подкрѣпленъ новыми силами. Движеніе Радецкаго, по направленію къ деревнѣ Шипкѣ, должно было начаться 24-го числа. И дѣйствительно, въ этотъ день къ упомянутой деревнѣ были направлены двѣ обходныя колонны: правая генерала Скобелева черезъ Зелено-Древо, Карадли и Иметли; лѣвая колонна, подъ начальствомъ князя Святополкъ-Мирскаго, двигалась черезъ Крестецъ, Сельца, Гудово и Янину; самъ же Радецкій оставался на горѣ Св. Николая. Войска взяли съ собою восьмидневный запасъ сухарей, крупы, соли, чаю, сахару, спирта и ячменя, половина на лодкахъ и половина на вьюкахъ; мяса тоже порціи въ живомъ скотѣ; патроновъ по 96 на людяхъ и по 76 на вьюкахъ; аптеки и перевязочные припасы также на вьюкахъ. 25-го декабря, при сильномъ морозѣ, князь Мирскій дошелъ до Сельца, а Скобелевъ до Кораджи; артиллерія была подвезена на салазкахъ. Всѣ затрудненія были преодолены, не смотря на страшные снѣжные завалы, доходившіе, мѣстами, до полутора сажени въ вышину. На слѣдующій день князь Мирскій подошелъ къ Гузову, а Скобелевъ занялъ Иметли. 27-го декабря оба двинулись къ деревнѣ Шипкѣ; но такъ какъ князь Мирскій завязалъ бой раньше, чѣмъ подошла колонна Скобелева, то весь этотъ день вынесли на себѣ исключительно войска кн. Мирскаго; не смотря на значительныя потери, войска взяли въ этотъ день два орудія и 100 плѣнныхъ.

На слѣдующій день, 28-го декабря, поднялась страшная буря. Отъ густаго тумана не было ничего видно; тѣмъ не менѣе, около 6 часовъ,

утра, Скобелевъ и князь Мирскій завязали бой. Генералъ Радецкій, получивъ около 11 часовъ донесеніе, что обѣ обходныя колонны вступили въ бой у деревни Шипки, рѣшилъ двинуться съ горы св. Николая въ атаку; благодаря туману, нашимъ удалось овладѣть первою линіею ложементовъ. Турки, замѣтивъ это, открыли сильную бомбардировку, особенно пр. мортиръ. Завязался горячій бой. Къ 3-мъ часамъ дня турецкій огонь сталъ стихать, а къ 4 совершенно умолкъ.

Въ это время, войска генерала Скобелева взяли съ бою на штыкахъ 12 полевыхъ орудій и нѣсколько знаменъ. Два орудія были взяты болгарскими дружинами, которыя дрались блистательно; всѣ вообще *шли въ атаку съ музыкой, распущенными знаменами, въ ногу равнялись, какъ на парадѣ.* Штыковая отчаянная свалка въ Шейновѣ продолжалась минутъ десять, даже пальба на время смолкла.

Около $4^1/_2$ часовъ къ генералу Радецкому прибылъ сперва ординарецъ генерала Скобелева, и затѣмъ генералъ Столѣтовъ съ донесеніемъ, что турецкая армія сдалась въ плѣнъ; численность шипкинской арміи, около 25,000; въ томъ числѣ 1 дивизіонный генералъ, 2 бригадныхъ генерала, 80 штабъ-офицеровъ, 280 оберъ-офицеровъ. Знаменъ насчитано пять, значковъ множество. Въ числѣ взятыхъ орудій, 11 дальнобойныхъ мортиръ. Наши потери 27 и 28-го декабря весьма значительны.

Генералъ-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Разгромъ арміи Мухтара-паши и взятіе крѣпости Карса.

Командующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, родился въ 1825 году. Родители его, грузинскіе дворяне. Воспитаніе получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Свою службу онъ началъ въ гродненскомъ гусарскомъ полку, куда поступилъ офицеромъ лейбъ-гвардіи, въ 1843 году; но здѣсь онъ прослужилъ недолго, и въ 1847 году, получивъ чинъ поручика, переселился на Кавказъ, гдѣ состоялъ для особыхъ порученій при генералъ-адъютантѣ, князѣ Воронцовѣ, бывшемъ главнокомандующемъ кавказскимъ корпусомъ. Молодой гвардейскій гусаръ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе князя Воронцова, который, оцѣнивъ его недюжинныя военныя способности, удерживалъ постоянно на Кавказѣ. Въ этомъ краѣ прошла большая часть служебной дѣятельности Михаила Таріеловича, заявившаго себя, въ многочисленныхъ походахъ и сраженіяхъ съ горцами, храбрымъ и неустрашимымъ офицеромъ. Онъ побывалъ въ 180 дѣлахъ съ непріятелемъ, но никогда не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

Въ первый-же годъ своего пребыванія на Кавказѣ онъ неоднократно отличался въ Малой-Чечнѣ, за что и получилъ чинъ штабъ-ротмистра. Въ 1848 году, за храбрость, оказанную молодымъ Лорисъ-Меликовымъ при взятіи штурмомъ сильно укрѣпленнаго аула Гергебиля, онъ былъ произведенъ въ гвардіи ротмистры. Въ слѣдующіе два года продолжалъ участвовать въ постоянныхъ походахъ противъ горцевъ и особенно отличался въ 1851 году въ дѣлѣ 15 сентября; въ этотъ день Михаилъ Таріеловичъ съ незна-

Начальникъ кавказскаго корпуса дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ

М. Т. ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ.

(Рисов. П. Ф. Борель, грав. Ю. Барановскій).

чительнымъ отрядомъ отразилъ весьма многочисленнаго непріятеля; это блестящее дѣло доставило молодому герою большую популярность на Кавказѣ: его имя произносилось русскими съ гордостью, а для горцевъ оно стало грознымъ.... 17-го февраля 1853 года ему удалось совершенно разсѣять скопища Шамиля и разорить до основанія нѣсколько мятежныхъ ауловъ. Въ томъ-же году онъ отличился у Карчаха (на турецкой границѣ), въ жаркомъ дѣлѣ казаковъ съ многочисленною турецкою конницей, обращенной въ бѣгство, а также въ дѣлѣ возлѣ Баяндурскаго моста, гдѣ, имѣя подъ командою только 30 человѣкъ казаковъ, онъ уничтожилъ сильный отрядъ турецкой кавалеріи; за это онъ получивъ чинъ полковника. Въ маѣ 1855 года Михаилъ Таріеловичъ вступилъ въ предѣлы Турціи, гдѣ разбилъ непріятеля близь крѣпостей Александрополя и Карса. Въ дѣлѣ 20-го декабря того-же года онъ съ 300 казаками истребилъ большую шайку горцевъ, почти не потерявъ ни одного человѣка; за этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ золотою саблей, съ надписью «за храбрость», а самое дѣло получило названіе «молодецкаго дѣла полковника Лорисъ-Меликова». Въ 1856 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1863 году—въ генералъ-лейтенанты; въ 1865 году получилъ званіе генералъ-адъютанта, а въ 1875 г. — чинъ полнаго генерала. Герой столькихъ славныхъ дѣлъ, Михаилъ Таріеловичъ отличался еще въ 1858 и 1859 годахъ и удостоился за это Монаршаго благоволѣнія. Онъ имѣетъ нѣсколько орденовъ, полученныхъ преимущественно за военныя отличія, а именно: св. Анны 4-й ст.; св. Анны 3-й ст. съ бантомъ; св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; св. Станислава 1 ст., св. Анны 1 ст.; св. Владиміра 2 ст.; Бѣлаго орла; св. Александра-Невскаго; алмазные знаки къ этому ордену. Кромѣ того, онъ имѣетъ турецкій орденъ Меджидье 2-й степени.

Въ настоящую войну генералъ Лорисъ-Меликовъ покрылъ себя славою величайшаго полководца. Начавъ удачно съ своимъ отрядомъ военную кампанію, и вынужденый потомъ на нѣкоторое время пріостановить наступательныя дѣйствія, онъ въ знаменитомъ сраженіи 3-го октября разбилъ армію Мухтара-паши на голову, а затѣмъ столь-же блистательно взялъ штурмомъ первоклассную турецкую крѣпость Карсъ. Эти два славныя дѣла составляютъ послѣдній періодъ нынѣшней войны на Кавказѣ, періодъ окончательнаго разгрома и уничтоженія турецкихъ войскъ въ Малой Азіи.

Передъ дѣломъ 3-го октября, происходилъ трехдневный бой въ теченіи 21, 22 и 23 сентября, при Авліарѣ; послѣдствіемъ этого боя было оставленіе турками укрѣпленной позиціи Кизилъ-тапы. Но еще раньше, чѣмъ турки сознали необходимость оставить Кизилъ-тапу, у насъ рѣшено было про-

должать начатое, и 27 числа генералъ Лазаревъ двинулся съ отрядомъ изъ пѣхоты, кавалеріи и съ орудіями въ обходъ турецкой арміи черезъ Кочиранъ—Дигуръ и Базарджикъ, причемъ ему было поручено занять Огурлукъ и близлежащую коническую гору; затѣмъ, въ моментъ общаго наступленія, генералъ Лазаревъ долженъ былъ взять приступомъ плоскогорье Визинкева и отрѣзать туркамъ отступленіе къ Карсу. Гора Малая Ягна была оставлена на этотъ разъ въ сторонѣ и между главной квартирой и отрядомъ генерала Лазарева провели телеграфную линію, которая охранялась рядомъ казацкихъ пикетовъ отъ турецкихъ крестьянъ. Мухтаръ-паша, по единогласнымъ показаніямъ взятыхъ въ плѣнъ турецкихъ офицеровъ, тотчасъ-же былъ увѣдомленъ своими многочисленными шпіонами объ обходномъ движеніи генерала Лазарева и послалъ ему на встрѣчу ферика Решидъ-пашу съ 15 батальонами. 2-го октября утромъ генералъ Лазаревъ донесъ, что онъ стоитъ въ тылу арміи Мухтара, и тогда въ нашей главной квартирѣ было рѣшено начать наступленіе. На другой день, 3 октября, генералъ Гейманъ двинулся въ 6 часовъ утра изъ села Хаджи Келикіой къ Авліару, съ кавказской дивизіей, при чемъ впереди шла бригада генерала фонъ-Шака.

Вокругъ плоской вершины Авліара, представляющаго каменистую и обнаженную гору, турки устроили укрѣпленія, состоявшія изъ ложементовъ въ 15 футовъ ширины и 3 фута глубины. Вынутая земля образовала брустверъ, но послѣдній имѣлъ недостаточную толщину, и потому его могли пронизывать гранаты нашихъ орудій; кромѣ того, онъ мѣшалъ туркамъ стрѣлять внизъ. Турецкія войска поддерживались огнемъ одной крупповской батареи. Наши орудія приблизились на 1,800—2,000 шаг. къ непріятельскимъ ложементамъ и стали стрѣлять по нимъ исключительно шрапнелями; застрѣльщики отогнали турокъ послѣ упорнаго боя, на вершину Авліара, а ихъ три штурмовыя колонны выстроились при подножіи высоты въ мѣстности, прикрытой крутизной склона отъ турецкаго огня.

Между тѣмъ, наши батареи продолжали свой убійственный огонь и черезъ 5—6 часовъ ложементы турокъ были переполнены убитыми. Мухтаръ наблюдалъ за ходомъ сраженія съ другой укрѣпленной высоты, лежащей вблизи Авліара. Вмѣсто того, чтобы отказаться отъ Аладжинской позиціи и сосредоточить свои войска при Визинкевѣ, онъ послалъ на выручку Авліара одинъ находившійся у него подъ рукой полкъ. Турки спустились съ бывшей еще въ ихъ власти высоты къ ручью Матаре, протекающему вокругъ Аладжи, выслали густую цѣпь застрѣльщиковъ, и, поддерживаемые нѣсколькими полевыми орудіями, безспокоили непродолжительное время нашъ отрядъ съ тыла; но у генерала Геймана было доста-

точно силъ, чтобы отразить эту слабую диверсію; онъ развернулъ нѣсколько батальоновъ—и турки были отброшены.

Въ это время, около 1 часу пополудни, три штурмовыя колонны двинулись впередъ и мужественно стали взбираться, подъ начальствомъ генерала фонъ-Шака, на крутой склонъ Авліара. Гренадеры, которымъ наскучила безполезная перестрѣлка, почувствовали себя теперь въ своей стихіи и, непрерывно стрѣляли въ турокъ, поднимались все выше и выше, поддерживаемые при этомъ убійственнымъ огнемъ русскихъ батарей. Сначала турки отвѣчали на выстрѣлы; но когда число ихъ противниковъ стало все болѣе и болѣе увеличиваться, они потеряли мужество и обратились въ бѣгство. Тогда, словно по мановенію волшебнаго жезла, огонь прекратился, раздалось громкое «ура», и черезъ 5 минутъ густыя колонны нашихъ войскъ заняли вершину Авліара. Мухтаръ, замѣтивъ это, окончательно потерялъ голову и поспѣшно бѣжалъ со своей свитой къ Карсу. Генералъ Гейманъ тотчасъ началъ преслѣдованіе. Часть его войскъ двинулась вслѣдъ за турками къ горѣ Орлокъ черезъ ровную, расширяющуюся въ этомъ мѣстѣ долину ручья Магара; главныя же силы обратились вправо, къ укрѣпленному плоскогорію, лежащему вблизи Визенкева, и взяли его при первомъ приступѣ среди жестокаго ружейнаго и артиллерійскаго огня.

Между тѣмъ генералъ Лазаревъ напалъ на Визинкевъ, и тоже завладѣлъ имъ. Послѣ этого турки бросились бѣжать въ разсыпную, тѣснимые съ одной стороны генераломъ Гейманомъ, а съ другой—генераломъ Лазаревымъ. Кто изъ турокъ догадался заблаговременно послѣдовать примѣру Мухтара, тотъ спасся въ Карсъ, остальные-же были либо убиты, либо взяты въ плѣнъ.

Въ то время, какъ бой при Визинкевѣ былъ рѣшенъ и главныя турецкія силы уничтожены, правое крыло Мухтара стояло еще нетронутымъ на горѣ Аладжа. Между нимъ и противостоящими войсками нашими поддерживался въ теченіи цѣлаго дня слабый артиллерійскій огонь, который, однако, вслѣдствіе отдаленности разстоянія, причинилъ весьма мало вреда обѣимъ сторонамъ. Въ два-же часа пополудни, когда Авліаръ былъ взятъ, генералъ Шереметевъ получилъ приказаніе напасть на Аладжу. Турки, сильно упавшіе духомъ, защищались еще нѣсколько часовъ съ помощью ружейнаго и артиллерійскаго огня; но наши гнали ихъ все выше и выше и брали одинъ горный уступъ за другимъ. Когда отчаянная попытка турокъ спасти свой лагерь не удалась, то они переваливали за вершину, на другую сторону горы. Между тѣмъ, наступила ночь, поднялся холодный вѣтеръ, и разбитые батальоны, истомленные, голодные, продрогшіе отъ холода, пытались пробиться къ Орловскимъ высотамъ. Наши войска и съ

этой стороны встрѣтили ихъ выстрѣлами, такъ что турки, утративъ всякую надежду на спасеніе, остановились и послали парламентера къ Великому Князю Михаилу Николаевичу. Туркамъ былъ вскорѣ привезенъ отвѣтъ отъ главнокомандующаго, въ которомъ требовалось, чтобы они немедленно положили оружіе. По приказанію своихъ полковниковъ, турки составили ружья въ козла и охрана послѣднихъ была поручена одному стрѣлковому батальону. Всего взято было въ плѣнъ: 7 пашей и 100 высшихъ офицеровъ, 36 орудій, 32 баталіона, 4 артиллерійскихъ бригады и огромное количество военнаго имущества, состоящаго изъ артиллерійскихъ припасовъ, провіанта и пр. Взято также два турецкихъ знамени и много значковъ.

Не прошло и мѣсяца послѣ разгрома арміи Мухтара паши, какъ наши храбрые войска, руководимые генераломъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, взяли штурмомъ крѣпость Карсъ. Корреспондентъ «Русскаго Мира», г. Трофимовъ, такимъ образомъ описываетъ это славное дѣло:

Послѣ пораженія арміи Мухтара-паши 3 октября, никто у насъ уже не сомнѣвался, что Карсъ будетъ нашъ. Многіе даже сѣтовали, зачѣмъ мы не пошли на штурмъ тотчасъ послѣ разгрома турецкихъ войскъ. Общее желаніе вскорѣ сбылось, такъ какъ рѣшено было, наконецъ, взять крѣпость штурмомъ. Сначала штурмъ предполагался въ ночь съ 1 на 2 ноября. Но, какъ нарочно, нѣсколько дней лилъ дождь и шелъ снѣгъ, таявшій весьма скоро. Грязь развело такую, что положительно не было никакой возможности взбираться на какую-нибудь покатость; а вѣдь спуски рвовъ и скаты валовъ турецкихъ укрѣпленій, конечно, подновлены и, значитъ, весьма круты. Штурмъ отложили поэтому до утра 2 числа, потомъ отложили еще разъ, къ большому горю солдатъ, выступившихъ уже изъ лагерей на сборные пункты и не спавшихъ почти всю ночь.

Черезъ два дня пріударилъ порядочный—таки морозецъ и заковалъ всю грязь, на слѣдующій день еще сильнѣе. Значитъ — въ сутки не оттаетъ. Окончательно штурмъ назначенъ былъ поэтому въ ночь съ 5 на 6 ноября.

Первоначальная диспозиція заключалась въ слѣдующемъ: Главная атака ведется на нижніе форты: Сувари, Канлы, Хафизъ; здѣсь наши войска дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева; съ востока на Арабъ-табію и Карадахъ ведется демонстрація колонною г.-л. Шатилова со стороны Мацры; съ запада же и съ сѣвера, гдѣ построены: Токмасъ, Тикъ-тенеси, Лазъ-тенеси, Блюмъ-табія, Инглизъ-табія, Вели-паша и Мухлисъ,—демонстрируетъ колонна генералъ-лейтенанта Роопа. Въ случаѣ успѣха штурма всѣхъ трехъ нижнихъ фортовъ, колонны Шатилова и Роопа переходятъ отъ демонстраціи къ настоящей атакѣ и стараются овладѣть Арабомъ, Карадагомъ и Лазъ-тенеси.

На каждый изъ нижнихъ фортовъ было назначено по 5 батальоновъ и столько же назначено въ общій резервъ.

На *Сувари* шли: 3 батальона Перновцевъ, 1-й стрѣлк. батальонъ и батальонъ Севастопольцевъ, подъ начальствомъ *графа Граббе.*

На *Канлы* назначались: 3 батальона Севастопольцевъ и 2 Имеретинскихъ, подъ начальствомъ полковника *Вождакина.*

На *Хафизъ* посылались: 2 батальона Кутаисцѣвъ и по батальону Владикавказцевъ и Имеретинцевъ, подъ начальствомъ полк. *Фадѣева.*

За этою послѣднею колонною долженъ былъ держаться общій резервъ изъ 3-хъ батальоновъ Владикавказцевъ и 2-хъ батальоновъ Несвижцевъ, подъ начальствомъ свиты генералъ-маіора *Гурчина.*

Такъ какъ одною изъ причинъ неудачи Муравьевскаго штурма въ 1855 году были собаки, бѣжавшія при ротахъ и лаемъ своимъ предупредившія турокъ о нападеніи, то теперь собакъ строжайше запрещено было брать съ собою. Предыдущія дѣла указали также, что не только солдаты, но и нѣкоторые офицеры рѣшительно не понимаютъ, что зажиганіе спичекъ и куреніе папиросъ могутъ выдать наше движеніе туркамъ и послужатъ намъ во вредъ. Поэтому штурмовымъ колоннамъ запрещено было и куреніе.

Опытъ предъидущихъ случайныхъ атакъ указалъ также, что при каждой колоннѣ должны быть команды артиллеристовъ, которые умѣли бы дѣйствовать по туркамъ изъ захваченныхъ турецкихъ орудій, а въ случаѣ отступленія умѣли бы испортить эти орудія или вынуть замки. Затѣмъ, на случай необходимости разбить ворота, двери, пробить стѣну, крышу и т. п., надобно придать и команду саперъ съ динамитными патронами. А чтобы колонна могла сообщать о ходѣ своей работы въ резервъ и по начальству— необходимо придать ей и по нѣскольку казаковъ. Для большей же скорости передачи главнаго и наиболѣе существеннаго обстоятельства, что такой-то фортъ взятъ, необходимо было установить систему ночныхъ сигналовъ. Единственнымъ возможнымъ для насъ сигналомъ могли служить только ракеты, такъ какъ ни морскихъ фонарей Шпаковскаго, ни фальшфейеровъ у насъ не было. Поэтому въ каждой колоннѣ приданы были еще и ракетныя команды. Самые сигналы установлены были слѣдующіе: если взятъ фортъ Сувари—пускаются съ него 2 ракеты; если взятъ Канлы—то съ него пускаютъ 3 ракеты, а если Хафизъ—то 4. Когда руководитель штурма увидитъ по ракетамъ, что всѣ три форта уже взяты—онъ пускаетъ 4 ракеты разомъ, что и служитъ сигналомъ для Шатилова и Роопа —начинать наступленіе. Если эти генералы замѣтили сигналъ и поняли его—они должны отвѣтить 2 ракетами, пущенными также разомъ; а когда начнется штурмъ Карадага съ горжи, то пускаются 6 ракетъ разомъ.

Послѣ отмѣны штурма, въ диспозиціи произведены были нѣкоторыя измѣненія въ составѣ колоннъ и направленіи ихъ. Такъ, напримѣръ, колонна Граббе шла уже не на Сувари, а на Канлы, помѣнявшись съ Вождакинымъ. Затѣмъ колоннѣ генералъ-маіора Комарова (изъ войскъ Роопа) приказано было демонстрировать не на Токмасъ и Лазъ, а брать Чимъ.

Въ заключеніе обзора диспозиціи слѣдуетъ сказать, что колоннамъ приказано было взять по 18 штурмовыхъ лѣстницъ для спуска въ ровъ и взлѣзанія на брустверъ или валъ, и по нѣскольку досокъ для перекидыванья черезъ волчьи ямы и рвы. Идти велѣно безъ шума и безъ выстрѣла, несмотря на огонь непріятеля.

Его Высочество главнокомандующій предоставилъ всѣ распоряженія по штурму корпусному командиру, генералу Лорисъ-Меликову, а ближайшее руководствованіе—генералъ-лейтенанту Лазареву.

Въ 7 часовъ вечера войска уже тронулись со сборныхъ пунктовъ. Колоннамъ даны были проводники изъ туземцевъ и нѣкоторые вывели свои колонны превосходнымъ образомъ.

Ровно въ 9 часовъ съ Канлы показались огни, а черезъ нѣсколько десятковъ минутъ послышалась трескотня: это проснулись турки; черезъ четверть часа огни какъ-то подвинулись вправо, еще черезъ четверть—загорѣлась такая же иллюминація на Хафизѣ. Иногда вспыхнетъ яркое и большое пламя, послышится громкій выстрѣлъ дальнобойной пушки и мимо насъ пролетитъ съ воемъ граната. Турки, конечно, не могли видѣть нашей группы и кидали гранаты на-угадъ, къ сторонѣ Караджурана, въ разсчетѣ, что штабъ и резервы должны подходить оттуда. Разсчетъ былъ вѣренъ и гранаты падали довольно близко.

Черезъ часъ Канлы замолкъ—это случилось около $10^1/_2$ часовъ вечера. Мы слышали продолжительное «ура» и видѣли какъ выстрѣлы оборвались сразу.

— Слава Богу: Канлы взятъ,—прошептало нѣсколько голосовъ.

Корпусный командиръ послалъ нѣсколько ординарцевъ во всѣ стороны—узнать какъ идутъ дѣла. Черезъ минуту Канлы снова заговорилъ, но по фигурѣ огней видно, что стрѣляютъ не въ нашу сторону, а вправо: огни вырывались не блесткой, а длиннымъ языкомъ. Это стрѣляютъ, очевидно, наши по туркамъ, которые хотятъ отнять фортъ назадъ. Линія турецкихъ огоньковъ, вспыхивавшихъ точно по зажигательной ниткѣ,—виднѣлась съ правой стороны взятаго форта. Вотъ она колыхнулась назадъ... А вотъ и совсѣмъ потухла. Турки отбиты: два или три раза пробовали турки идти на штурмъ своего бывшаго укрѣпленія, два или три раза загоралась ихъ иллюминація—и наконецъ все стихло.

Со стороны Канловъ подъѣзжаютъ рысью два всадника.

— Гдѣ корпусный командиръ?—спрашиваетъ передній.

Это пріѣхалъ штабсъ ротмистръ Бибиковъ, состоявшій ординарцемъ при начальникѣ кавалеріи, князѣ Чавчавадзе. На время штурма онъ былъ назначенъ въ колонну графа Граббе.

— Канлы взято, ваше высокопревосходительство, доложилъ Бибиковъ и прибавилъ, понизивъ голосъ: графъ Граббе убитъ.

— Ахъ, ахъ, Граббе! Кто?—Грабб... Боже мой!—раздалось кругомъ.

Стоявшій по близости почтенный ветеранъ, генералъ Шульцъ, заходилъ взадъ и впередъ, махая руками съ жестомъ отчаянія, и только твердилъ: «Ахъ Граббе, ахъ Граббе!»

— Царство ему небесное —перекрестились нѣкоторые.

Надобно замѣтить, что покойный пользовался у насъ завидною репутаціею боеваго офицера и честнаго человѣка.

— Только что крикнулъ «ура» и вдругъ упалъ, докладывалъ Бибиковъ. Мы думали раненъ; понесли его на перевязочный пунктъ, но онъ уже не приходилъ въ себя и на нашихъ рукахъ умеръ. Пуля попала въ грудь и кровь тотчасъ хлынула горломъ.

Въ это время шла перестрѣлка и на Хафизѣ. Верхніе форты: Карадагъ и Арабъ-Табія также приняли участіе въ бою, посылая къ намъ свои громадныя бомбы и гранаты. Наши осадныя пушки молчали, а полевая артиллерія была сосредоточена въ резервѣ. Въ случаѣ неудачи, она прикрыла бы своимъ огнемъ отступленіе нашихъ колоннъ. Итакъ, турецкія пушки пѣли соло. На Хафизѣ слышны были крики: вѣроятно, наши штурмуютъ передовыя его укрѣпленія. Хафизъ построенъ *штерншанцемъ*, т. е. звѣздообразнымъ укрѣпленіемъ: это четыреугольный фортъ, каждая сторона котораго изломана бастіоннымъ начертаніемъ. Впереди рва, противъ *куртины* (вдающаяся часть вала, на каждой сторонѣ форта, между двумя смежными бастіонами), возведены *равелины*,—выдающіеся стрѣлкой углы, обстрѣливающіе доступъ къ фасамъ бастіоновъ.

Бастіонное начертаніе представляетъ цѣлую систему перекрестныхъ огней и взять такой фортъ, какъ Хафизъ, представлялось задачею не изъ легкихъ. Надо было перелѣсть по очереди черезъ всѣ передовыя постройки.

Первое ура, по всей вѣроятности, относилось къ этимъ передовымъ постройкамъ, такъ какъ фортъ все еще палилъ по нашимъ.

Я только-что воротился отъ Караджурана; меня посылали туда передать полковнику Кишмишеву, чтобы по дорогѣ къ штабу были разложены костры и протянута казачья цѣпь для указанія, гдѣ отыскать корпуснаго командира.

— Поѣзжайте къ Лазареву, передайте ему, что Граббе убитъ и пусть назначитъ на его мѣсто кого-нибудь изъ полковыхъ командировъ. Да узнайте, что дѣлается въ Хафизѣ, приказалъ мнѣ корпусный командиръ.

Я передалъ генералу грустную вѣсть о смерти Граббе и приказаніе назначить другаго.

— Уже назначенъ—отвѣтилъ Лазаревъ—я распорядился еще передъ штурмомъ кому заступать мѣсто начальниковъ колоннѣ, въ случаѣ ихъ выбитія изъ строя. А на счетъ Хафиза доложите, что онъ сей-часъ взятъ.

Я обернулся: дѣйствительно, фортъ замолкъ.

Лѣвые верхніе форты на Шарахскихъ высотахъ: Токмасъ, Тикъ и Лазъ, стрѣлявшіе первое время изъ пушекъ, также одѣлись ружейными огнями. По временамъ вылѣтали блестящіе бѣлые шары—это свѣтящіяся ядра (ихъ дѣлаютъ изъ пакли, пропитанной смѣсью изъ смолы, сала и пороховой мякоти). Выпущенныя изъ мортиры подъ большимъ угломъ возвышенія, ядра эти описывали высокую и крутую дугу и, погорѣвъ еще нѣсколько секундъ на землѣ,—разрывались. Это рвалась граната, заложенная внутрь ядра, чтобы отвадить охотниковъ тушить его.—

— Что это съ фортовъ не видать ракетъ? Вотъ уже 3 форта взяты, а сигналовъ не даютъ, долѣтаютъ до насъ изъ группы начальниковъ.

Корпусный командиръ разослалъ опять нѣсколько ординарцевъ.

Выстрѣлы въ Канлы все еще по временамъ долетали до нашего слуха, хотя огней и не было видно за переднимъ редутомъ.

Корпусный командиръ подозвалъ меня и приказалъ узнать въ Канлахъ—на чемъ остановилось дѣло. Какъ оказалось, Канлы былъ взятъ смаху двумя ротами охотниковъ. Турки, въ количествѣ батальона, бросили ружья и сдались-было въ плѣнъ, думая, что это лишь передовая часть большой колонны, но скоро увидали, что къ русскимъ удальцамъ подкрѣпленія не подходятъ, и тотчасъ снова подобрали свои ружья. Охотникамъ приходилось довольно жутко, но въ это время подоспѣли два батальона Перновцевъ. Тутъ-то и былъ убитъ графъ Граббе.

Съ нашей стороны здѣсь никто уже и не стрѣлялъ, видя безполезность такой «ночной аттаки»: турки-же все еще по временамъ пострѣливали, не нанося нашимъ здѣсь особаго вреда, такъ какъ солдаты лежали на верхнемъ и наружномъ скатахъ вала, которой выше казармы, скрывавшей въ себѣ не сдававшихся турокъ. Казарма эта составляла собою заднюю сторону большаго редута; она какъ-бы замыкала собою все укрѣпленіе; по обѣимъ ея сторонамъ были крѣпкія ворота. Спуститься съ вала на дворикъ укрѣпленія было весьма опасно, а главное, безполезно:

штыкомъ стѣну казармы не расковыряешь, пулей ея не прошибешь, а добрымъ словомъ турку не пробьешь!

Я спустился внизъ и написалъ записку въ резервъ, чтобъ прислали два орудія. Казаку, повезшему записку, было приказано везти ее къ корпусному командиру, въ случаѣ, если изъ резерва пушекъ не дадутъ. Для этого и самая записка была составлена какъ бы въ формѣ донесенія: «Казарма не сдается; безъ пушекъ ничего сдѣлать нельзя: надобно по крайней мѣрѣ два орудія».

Турки, впрочемъ, отстрѣливались, кажется, только для того, чтобы заявить о своемъ существованіи; главнымъ образомъ они разсчитывали, кажется, отсидѣться въ надеждѣ, что къ утру мы и сами уйдемъ, какъ это случилось уже однажды съ Хафизомъ, гдѣ гарнизонъ также отсидѣлся въ казармѣ.

Записка моя дошла до резерва, и тамъ, безъ дальнихъ околичностей, назначили двѣ пушки; но пока онѣ прибыли—дѣло было уже кончено. Гарнизону объявлено черезъ татарина, что мы будемъ бить казарму изъ пушекъ и на отвѣтъ, что «наши не идутъ» предложено выходить однимъ солдатамъ. Тѣ послушались, отворили двери и вышли толпою, оставивъ ружья въ казармѣ.

Полному затишью и мраку, царствовавшимъ внизу, яркимъ и трескучимъ контрастомъ служилъ грозный фейерверкъ, горѣвшій на лѣвыхъ высотахъ: Токмасъ не умолкалъ ни секунды; Лазъ-тепеси и Тикъ-тепеси, едва видные намъ снизу, также освѣщали на горизонтѣ свои мѣста.

Но вотъ заблестѣли огоньки въ самомъ городѣ. Послышалась ружейная трескотня. Это штурмъ на Чимъ.

Напряженно, затаивъ дыханіе, слѣдимъ мы за вспыхивающими ежесекундно огоньками. Двигаются ли они или нѣтъ.

Вотъ все смолкло. Взятъ Чимъ или нѣтъ?

Какъ-бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Чимъ посылаетъ намъ гранату.

— Нѣтъ, не взятъ, проклятый,—слышатся кругомъ сожалѣнія.

Мы отвернулись отъ Чима: на Карадагѣ горѣли огни, опоясывая гору, точно надѣтое на нее брилліантовое ожерелье.

Не прошло и получаса, какъ грозный Караданъ смолкъ и одѣлся мракомъ.

— Караданъ взятъ!—не могъ удержаться я.

Никто ничего не сказалъ—очевидно, что большинство сомнѣвалось. Дѣйствительно, криковъ «ура» слышно не было, перестрѣлка длилась недолго, а Карадагъ считался сильнѣйшимъ фортомъ.

Проходитъ минута, другая, а Карадагъ все молчитъ. Между тѣмъ, очередь дошла и до Араба: онъ также затрещалъ и загромыхалъ.

Великій Князь прислалъ нѣсколькихъ своихъ адъютантовъ въ распоряженіе корпуснаго командира, чтобы черезъ нихъ можно было почаще посылать къ нему извѣстія о ходѣ дѣлъ. Прежде чѣмъ донести главнокомандующему о томъ или другомъ нашемъ успѣхѣ, корпусный командиръ всегда посылалъ кого нибудь удостовѣриться на мѣстѣ въ положеніи дѣлъ или узнать у ген. Лазарева. Такимъ образомъ извѣстіе о взятіи Карадага могло быть послано не ранѣе, какъ черезъ два часа, когда не оставалось уже никакого сомнѣнія. Фортъ этотъ былъ взятъ тѣми же Кутаисцами, которые взяли и Хафизъ: имъ это было ближе всѣхъ и дорогу они уже знали.

Теперь уже никто не сомнѣвается, что побѣда наша: съ паденіемъ Карадага не могли уже держаться ни Чимъ, ни цитадель, ни Арабъ, а разъ, что городъ и доступы къ водѣ будутъ въ нашихъ рукахъ—паденіе лѣвыхъ фортовъ дѣлается лишь вопросомъ времени.

Прежде чѣмъ разсказать конецъ дѣла, достойно увѣнчавшій штурмъ Карса — я разумѣю взятіе въ плѣнъ нашею кавалеріею 10.000 чел. турецкой пѣхоты — необходимо возвратиться немного назадъ и хотя бы въ легкомъ очеркѣ набросать ходъ дѣйствій въ колоннѣ Роопа, гдѣ такъ молодецки велась Комаровымъ демонстрація.

Отрядъ Роопа состоялъ изъ: 3-хъ батальоновъ Ростовцевъ, $2\frac{1}{2}$ бат. Несвижцевъ, 3 бат. Пятигорцевъ, 3 бат. Кубанцевъ, 1 бат. стрѣлковъ, 1 рота саперъ—всего же пѣхоты $12\frac{3}{4}$ батальона. Затѣмъ $4\frac{1}{2}$ батареи или 36 орудій и 14 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи князя Шербатова.

Всѣ эти войска подраздѣлены были на двѣ группы: правая, подъ начальствомъ Комарова, должна была взять Сувари и Чимъ, демонстрируя противъ Токмаса и Тика, чтобы они не мѣшали брать Чимъ; а лѣвая; подъ начальствомъ полк. Черемисинова, должна была демонстрировать противъ Лазъ-Тепеси и Шорахскимъ укрѣпленій, чтобы не дать имъ возможности мѣшать правымъ колоннамъ.

Войска правой группы были раздѣлены на 3 колонны: *правая*, подъ командою полк. *князя Меликова*, состояла изъ 2-хъ батал. Кубанцевъ и 4-го Кавк. стрѣлк. батальона. Она собиралась южнѣе дер. Татлиджи и шла на Сувари. *Средняя*, подъ командою полк. *Бучкіева*, изъ 3-хъ батальоновъ Пятигорцевъ,—собиралась тамъ-же и шла на Чимъ. *Лѣвая*, подъ командою подполк. *Сташевича*, изъ 3-хъ батал. Ростовцевъ при 8 орудіяхъ, собиралась въ Тадлитжи, брала «во что бы то ни стало» гору Муху и затѣмъ демонстрировала самымъ энергичнымъ образомъ противъ Токмаса и Тикъ-Табіи.

Лѣвая группа заключала въ себѣ: 2½ батальона Несвижцевъ, 1 батальонъ Кубанцевъ, 2 сотни осетинской милиціи и 3½ батареи или 28 орудій. Эти войска должны были усиленною канонадой развлекать Лазъ-тепеси и Шорахскія укрѣпленія, а двумя сотнями осетинъ, поддержанными стрѣлковою ротою, угрожать Мухлису.

Такъ-называемая «обсерваціонная» гора была занята двумя ротами. Резервъ Комарова сталъ за «Столовою» горой, а резервъ Черемисинова между дер. Чифтликомъ и Джаврою.

3 взвода саперъ отданы Комарову, остальной Черемисинову.

Что касается кавалеріи, то она, выставивъ аванпосты, для поддержанія связи между пѣхотными колоннами, сосредоточивалась въ 3 пунктахъ: у развалинъ Кюмбета, у Бозгалы и у Чифтлика. Въ первомъ пунктѣ, между Бозгалой и Комацуромъ, стали 2 эскадрона Нижегородцевъ и 3 сотни 7-го Оренбургскаго казачьяго полка, подъ общимъ начальствомъ полковника *Кельнера*. Во второмъ пунктѣ — 2 эскадр. Сѣверцевъ и Гребенской полкъ, подъ командою полков. *Батіевскаго*, который долженъ былъ наблюдать пространство отъ Тадлитжи до Джавры. Въ третьемъ пунктѣ, между Джаврой и Чахмауромъ, стали 2½ сотни Полтавскихъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника князя *Эристова*. Сверхъ того, въ общій резервъ генерала Дена назначены были 2 эскадрона Сѣверцевъ.

При исполненіи диспозиціи произошли нѣкоторыя отступленія: полковн. Бучкіевъ, пройдя оврагомъ половину пути къ Чиму, вдругъ свернулъ влѣво и полѣзъ на гору, чтобы сбить турецкую пѣхоту, вышедшую изъ Токмаса ему на флангъ. Опрокинувъ турокъ, Бучкіевъ увязался за ними, разсчитывая ворваться на ихъ плечахъ въ Токмасъ и тѣмъ обезпечить дальнѣйшія операціи противъ Чима. Дѣйствительно, Пятигорцамъ удалось уже захватить передовыя укрѣпленія съ прикрытымъ путемъ и спуститься въ ровъ главнаго вала; но тутъ, на поворотѣ къ воротамъ, Бучкіевъ былъ раненъ пулею въ животъ.

Рядомъ съ Бучкіевымъ пало и 50 охотниковъ, шедшихъ впереди.

Чтобы выручить Пятигорцевъ, Комаровъ долженъ былъ предпринять противъ Токмаса рядъ усиленныхъ демонстрацій, граничившихъ по настойчивости и энергіи съ настоящимъ штурмомъ.

Что касается Сувари, то это укрѣпленіе было взято съ потерею только 3-хъ человѣкъ. Это заслуга проводника, проведшаго нашу колонну самымъ незамѣтнымъ образомъ. Трудно сказать теперь что-нибудь, но кажется если-бы Пятигорцы не свернули на Токмасъ, то Чимъ весьма легко достался-бы имъ въ руки: дорога на Сувари и Чимъ одна и та же, а потому, если такъ легко досталось первое укрѣпленіе, то нѣтъ основанія со-

мнѣваться въ успѣхѣ противъ втораго. Сравнительно съ Токмасомъ, Чимъ просто игрушка: это батарея, открытая съ горжи, гдѣ впрочемъ навалены громадные каменья. Однако насколько эти каменья затрудняютъ движеніе атакующаго, настолько-же они и прикрываютъ его отъ выстрѣловъ обороняющагося. Кромѣ того, тутъ-же рядомъ есть нѣсколько каменныхъ домовъ, гдѣ весьма удобно можно-бы засѣсть нашимъ стрѣлкамъ и разстрѣлять гарнизонъ Чима.

Полковникъ князь Меликовъ также получилъ двѣ раны, по счету съ прежними это были 13 и 14. Тринадцатая оказалась смертельною.

Такъ какъ диспозиція была извѣстна въ подробностяхъ только начальникамъ колоннъ, то съ выбытіемъ ихъ изъ строя, дальнѣйшія дѣйствія ихъ войскъ становились гадательными. Этимъ-же объясняется и то обстоятельство, что сигналы ракетами о взятіи фортовъ поданы не были.

На разсвѣтѣ 6 числа турецкая конница, въ числѣ 500 человѣкъ, прорвалась чрезъ наши аванпосты по дорогѣ на Самаватъ, т. е. къ сторонѣ Ольты и Эрзерума. Это было началомъ всеобщаго бѣгства. Говорятъ, впрочемъ, будто самъ комендантъ Гуссейнъ-Али-паша убѣжалъ еще ранѣе черезъ Мухлисъ, т. е. еще болѣе кружною дорогою и всего только съ 30 всадниками, чтобы не возбудить вниманія нашихъ аванпостовъ.

Полтавцы живо собрались къ резервамъ и бросились преслѣдовать уходившую конницу. Къ нимъ присоединились еще сотня осетинъ и сотня кубанцевъ. Два раза турки принимали атаку князя Эристова и оставили на мѣстѣ до 300 тѣлъ.

Генералъ Роопъ, свѣдавъ объ этомъ обстоятельствѣ, тотчасъ направилъ на путь отступленія турокъ 2 эскадрона драгунъ и 1 сотню Гребенцевъ, подъ начальствомъ Батіевскаго, который и настигъ ихъ между Самаватомъ и Араватраномъ. Отсюда турки бѣжали уже въ разсыпную до с. Бозгуши.

Къ этому времени показалась и громадная масса непріятельской пѣхоты, двигавшейся въ полномъ порядкѣ чрезъ Аравартанъ на Сойгютли. Батіевскій долженъ былъ покинуть турецкую конницу и, спрятавъ свои эскадроны за холмами у дер. Аравартанъ, выжидалъ удобнаго случая для атаки, наблюдая съ горы за проходившею мимо пѣхотою. Князь Щербатовъ, получивъ извѣстіе о движеніи Батіевскаго, тотчасъ приказалъ колоннѣ полковника Кельнера идти на рысяхъ къ сел. Тадлидже. Здѣсь уже кипѣлъ бой нашей пѣхоты съ непріятельскою,—потѣснившею Ростовцевъ и

Несвижцевъ, которые не были въ силахъ остановить десятитысячную массу, выскочившую изъ укрѣпленій съ твердымъ намѣреніемъ пробиться.

Разсказываютъ, что по очищеніи гарнизономъ Токмаса, тамъ оставлена была только небольшая команда, чтобы ввести нашихъ въ заблужденіе на счетъ истиннаго значенія вылазки. Вслѣдъ за тѣмъ наши охотники бросились на Токмасъ и вмѣсто отпора встрѣтили самый радушный пріемъ: турки выскочили на валъ безъ ружей, протянули нашимъ руки, помогли имъ взлѣсть на укрѣпленіе и вмѣстѣ съ ними кричали «ура!»

Какъ только князь Щербатовъ подъѣхалъ къ Роопу, тотъ приказалъ ему идти къ Араpвартану за уходившей въ этомъ направленіи турецкой пѣхотой. Между тѣмъ Батіевскій долженъ былъ обойти отъ Аравартана, такъ какъ по немъ стала стрѣлять гранатами многочисленная артиллерія колонны Черемисинова. Но только что онъ замѣтилъ, что на хвостъ турецкой пѣхоты налетала кавалерія Щербатова, встрѣченная здѣсь залпами, какъ тотчасъ выскочилъ иза своей засады и съ громкими криками «ура»! врѣзался поперегъ въ длинную колонну турокъ. Шуму и крику немало содѣйствовали и казаки Оренбургскіе, визжавшіе и гикавшіе самимъ пронзительнымъ образомъ.

Положеніе турокъ, заслышавшихъ русскую кавалерійскую аттаку съ трѣхъ сторонъ и видѣвшихъ съ горы приближеніе новыхъ массъ кавалеріи,—было незавидно. Они однакоже попытались защищаться; но выстрѣлы, направленные дрожащими руками, непричинили нашимъ никакого вреда. Съ криками: «драгонъ, драгонъ»,—турки побросали свои ружья и прибавили шагу. Казаки и драгуны поскакали вдоль колонны по глубокому снѣгу и знаками показывали туркамъ, чтобы они поворотили назадъ.

— Мы точно опьянѣли отъ этой удачи,—разсказывалъ потомъ князь Щербатовъ: мы неслись все впередъ и впередъ, обгоняя турецкіе баталіоны и приказывая имъ бросать оружіе. Мы даже незамѣчали, что по сторонамъ дороги, снѣгъ довольно глубокъ, и что драгунскія лошади отстаютъ одна за другою. Когда мы достигли до Бозгушей, оказалось что со мной только мой значекъ, справа Батіевскій, слѣва старикъ подполковникъ Авалдовъ, маіоръ Керимъ-бекъ Наурузовъ, да еще человѣкъ 20 офицеровъ и можетъ быть столько-же доброконныхъ драгунъ. Оно и понятно: офицерскія лошади все-таки лучшія и выносятъ больше. Это было чисто *офицерское дѣло*, и я никогда не забуду чести, сдѣланной моему значку. Недоставало одного Кельнера и то потому, что лошадь его пристала.

У Бозгуши мы, наконецъ, перевели духъ. Остатки турецкой конницы, числомъ до 150 человѣкъ спѣшилась на бугрѣ и начали перестрѣлку изъза своихъ коней.

— Передъ нами до двухсотъ турецкихъ кавалеристовъ, сказалъ князю Батіевскій,—а за нами что?

— За нами десять тысячъ турецкой пѣхоты, отвѣчалъ князь: а это единственный нашъ резервъ!

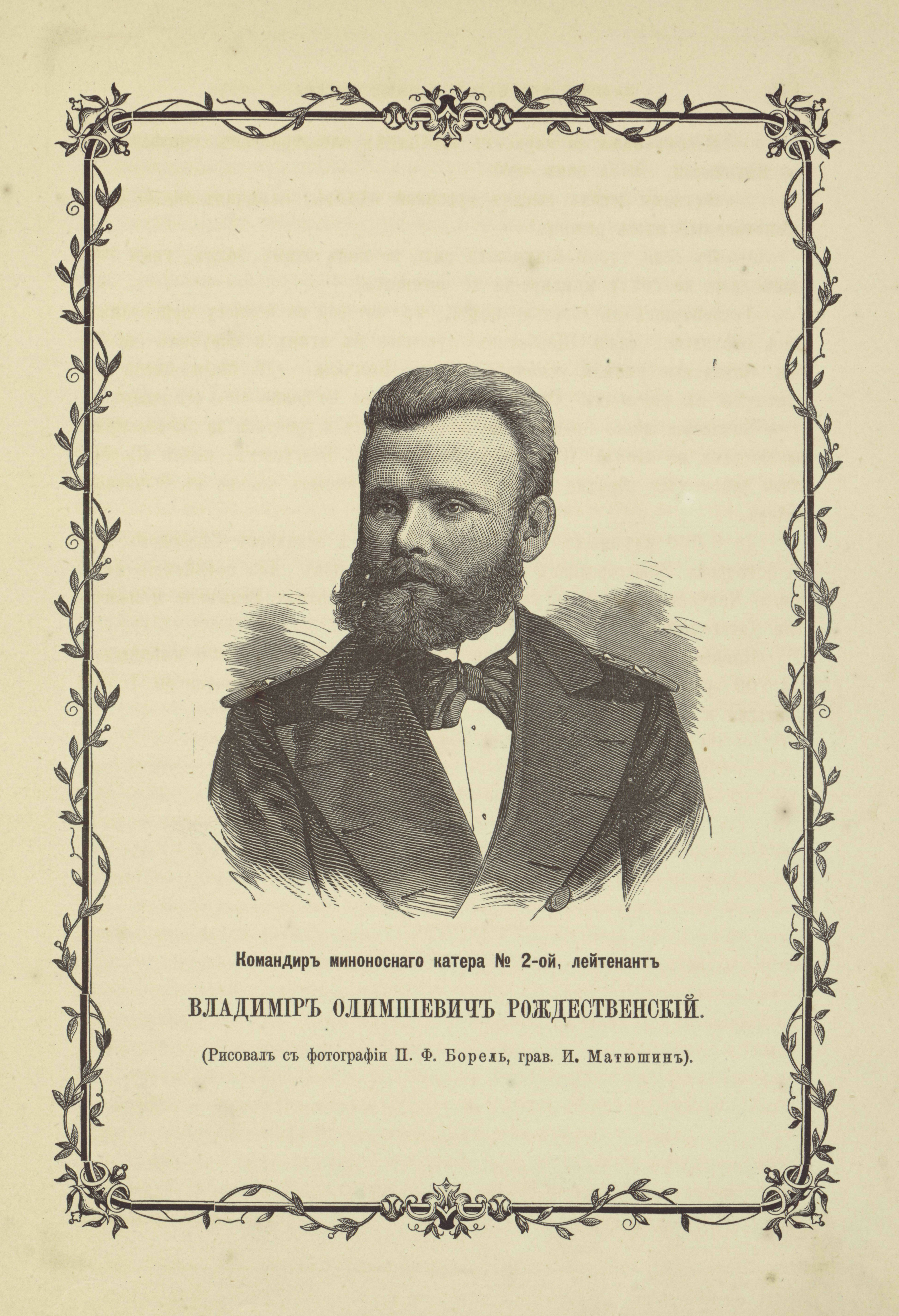
— Ну если турки вздумаютъ дать по насъ одинъ залпъ, такъ отъ насъ даже на снѣгу и мокро-то не останется!

Устроившись съ горстью людей, къ которой по немногу пристроивались отсталые, князь Щербатовъ пустился въ атаку и порубилъ до 30 чел. Остальные успѣли ускакать къ дер. Бозгуши, гдѣ были снова настигнуты въ ущельяхъ. Окончательно спаслось не болѣе 30—40 человѣкъ.

Кавалерія наша прошла уже до 30 верстъ и гоняться за нѣсколькими всадниками не стоило. Отдохнувъ съ часъ въ Бозгушахъ, князь Щербатовъ направился обратно въ Бозгалы, куда прибылъ только къ 9 часамъ вечера.

До 8,000 плѣнныхъ шли подъ конвоемъ 1 эскадрона Сѣверцевъ, полу-эскадрона Нижегородцевъ и полусотни Гребенцовъ. Для содѣйствія имъ, князь Чавчавадзе выслалъ съ своей стороны 1 сотню Волжцевъ и полсотни Дагестанцевъ.

Нашими трофеями при взятіи Карса были: болѣе 10,000 плѣнныхъ, до 300 орудій и огромные запасы. Наши потери простираются до 2,500 убитыми и раненными.



Командиръ миноноснаго катера № 2-ой, лейтенантъ

ВЛАДИМІРЪ ОЛИМПІЕВИЧЪ РОЖДЕСТВЕНСКІЙ.

(Рисовалъ съ фотографіи П. Ф. Борель, грав. И. Матюшинъ).

Лейтенантъ В. О. Рождественскій

учавствовавшій въ нападеніи на турецкіе броненосцы близъ Сулины.

Удачная атака на Дунаѣ турецкаго броненосца «Хавзи-Рахмана», исполненная храбрыми лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ, вызвала и въ черноморскихъ морякахъ естественное желаніе помѣряться съ грозными броненосцами на морѣ. Первая смѣлая экспедиція была предпринята офицерами парохода «Константинъ» въ концѣ мая, и не смотря на то, что она не удалась, въ ней наши моряки еще разъ показали себя настоящими храбрецами, при чемъ героемъ дня былъ лейтенантъ В. О. Рождественскій.

Пароходъ «Константинъ» вышелъ изъ Одессы 28-го мая, въ часъ пополудни. Съ нимъ было четыре собственныя шлюпки и, кромѣ того, на буксиръ были взяты миноносные катеры №№ 1-ой и 2-ой, имѣющіе превосходные машины. «Константинъ» направился сначала къ Змѣиному острову, а затѣмъ къ Сулинѣ, откуда, по слухамъ, турецкіе броненосцы выходятъ каждую ночь въ открытое море, стараясь избѣжать нечаянной атаки въ тѣсномъ пространствѣ порта. Въ тотъ же самый день, около 7 часовъ вечера, вышелъ изъ Одессы пароходъ «Владиміръ» по направленію къ озеру Кундукъ, чтобы, въ случаѣ какихъ либо поврежденій на «Константинѣ», привести миноносныя шлюпки обратно въ Одессу. На разстояніи 6—7 миль отъ Сулины, около двухъ часовъ пополуночи, шлюпки были отпущены впередъ на поиски. Командиръ «Константина», г. Макаровъ, оставался на пароходѣ, гдѣ былъ также одинъ изъ адъютантовъ командующаго одесскимъ военнымъ округомъ, г. Бушенъ. На правомъ флангѣ линіи миноносцевъ шелъ катеръ № 1-ой, подъ командою лейте-

нанта Пущица, въ серединѣ катеръ «Чесма»—командиръ лейтенантъ Зацареный; на лѣвомъ флангѣ катеръ № 2-ой, подъ командою лейтенанта Рождественскаго. Открывъ у входа въ Сулинское гирло четыре турецкія судна, изъ которыхъ три были броненосцы подъ парами, катеры смѣло двинулись имъ на встрѣчу: общаго плана дѣйствій не было, а потому каждый начальникъ катера дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію.

Первымъ встрѣтился съ броненосцемъ катеръ Рождественскаго, который смѣло атакавалъ турецкое судно, стоявшее въ глубинѣ гирла, шестовою миною; отъ удара произошелъ взрывъ, но какіе послѣдовали результаты достовѣрно неизвѣстно. При самомъ столкновеніи, катеръ наткнулся на бонъ изъ бревенъ, окружавшій мониторъ, повредившій на катерѣ киль и руль. Понятно, подвести электрическую мину съ катера «Чесма» не удалось, такъ какъ проволоки запутались въ винтѣ и мина дала осѣчку. По словамъ лаконическаго офиціальнаго донесенія, слышенъ былъ еще второй взрывъ, вѣроятно, сдѣланный по тому же броненосцу катеромъ Пущина, но каковы его были результаты неизвѣстно, также какъ неизвѣстна были въ началѣ и участь самаго катера Пущина. Потомъ уже оказалось, что лейтенантъ Пущинъ наткнулся на бонъ, катеръ разбило и какъ матросы, такъ и командиръ ихъ были вынуты изъ воды и попали въ плѣнъ.

Подходя къ броненосцу, катеръ Рождественскаго былъ окликнутъ турецкими часовыми, на разстояніи 15-ти сажень; но среди экипажа катера никто не зналъ по турецки и не могъ дать никакого отзыва. Ружейная и картечная пальба была немедленна открыта съ атакованнаго монитора. Нѣсколько картечныхъ пуль попало какъ въ катеръ Рождественскаго, такъ и въ катеръ Зацареннаго, на которомъ былъ контуженъ одинъ матросъ. Выйдя изъ подъ выстрѣловъ непріятеля Рождественскій остановилъ машину и сталъ поджидать катера Пущина; простоявъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ, и замѣтивъ, что на него идетъ непріятельскій пароходъ, открывшій по насъ огонь, Рождественскій приказалъ дать полный ходъ машинѣ и снова увидѣлъ себя въ большой опасности, такъ какъ паръ упалъ и турецкій пароходъ сталъ замѣтно догонять катеръ; но это продолжалась недолго; вмѣстѣ съ топливомъ, въ топку подбросили паклю съ саломъ и вскорѣ катеръ быстро удалился въ море.

Вечеромъ, 29-го мая, пароходъ «Константинъ» вернулся въ Одессу, проведя благополучно свои катеры и катеръ Рождественскаго. По разсказамъ, пароходъ «Константинъ» самъ едва не сдѣлался добычею турокъ: онъ приткнулся было къ мели, вблизи Сулинскаго маяка, и только послѣ пяти часовыхъ усилій ему удалось сойти съ нея, выбросивши значительную часть угля. Катеръ Рождественскаго былъ поврежденъ, вслѣдствіе

чего по приходѣ въ Одессу, его вытащили для исправленія. Пароходъ «Аргонавтъ» привезъ потомъ извѣстія, что броненосецъ, атакованный Рождественскимъ, сидитъ безъ движенія; онъ незатонулъ только потому, что глубина въ мѣстѣ его стоянки, (при входѣ въ Сулинское гирло) не превышала 24 футовъ.

Сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія о лейтенантѣ Владимірѣ Олимпіевичѣ Рождественскомъ. Нынѣ лейтенантъ 5-го флотскаго экипажа, онъ былъ выпущенъ изъ морскаго училища въ 1870 г., произведенъ въ офицеры въ 1872 г. и въ лейтенанты въ 1876 году. Въ томъ же году онъ кончилъ курсъ въ кронштадтской минной школѣ; имѣетъ орденъ св. Станислава 3-й степени и серебрянную медаль «за усердіе». За подвигъ храбости и самоотверженія, выказанныя при описанной аттакѣ, Рождественскому пожалолованъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

Генералъ-лейтенантъ, князь А. И. Шаховской.

Командиръ 11-го армейскаго корпуса дѣйствующей арміи.

Генералъ-лейтенантъ, князь А. И. Шаховской, какъ и большинство нашихъ боевыхъ генераловъ, провелъ лучшую пору своей жизни въ многочисленныхъ походахъ противъ непокорныхъ кавказскихъ горцевъ. Тамъ онъ выказалъ свою необыкновенную храбрость и тамъ же былъ замѣченъ какъ умный, энергичный и распорядительный офицеръ.

Князь А. И. Шаховской родился въ 1872 году и двадцати пяти лѣтъ вступилъ на службу въ одну изъ легкихъ батарей лейбъ-гвардіи конной артиллеріи. Въ 1847 году Алексѣй Ивановичъ получилъ чинъ штабсъ-капитана гвардейской артиллеріи. Вь слѣдующемъ году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени и повышенъ въ чинѣ за выказанный имъ цѣлый рядъ отличій въ сраженіяхъ съ горцами на Кавказѣ. Важнѣйшимъ изъ нихъ была одержанная въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года побѣда надъ многочисленною партіею чеченцевъ, которые не только были гораздо многочисленнѣе нашихъ войскъ, но имѣли и сильную кавалерію. Это дѣло съ чеченцами завязалось при случайной съ ними встрѣчѣ во время рекогносцировки, произведенной въ сторону Ассы. Въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ Алексѣй Ивановичъ обратилъ на себя вниманіе такого цѣнителя храбрости, какъ знаменитый Слѣпцовъ, котораго, какъ извѣстно, весьма рѣдко можно было удивить чѣмъ либо. Въ томъ же 1848 году Алексѣй Ивановичъ также учавствовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, которыя хотя были не столь значительны, но и въ нихъ онъ выказалъ находчивость и умѣнье пользоваться обстоятельствами. Будучи въ постоянныхъ перестрѣлкахъ и передвиженіяхъ въ теченіи всего года, онъ, главнѣйшимъ образомъ, отличился при слѣдованіи чеченскаго отряда изъ станицы Сун-

Командиръ 11-го корпуса дѣйствующей дунайской арміи, генералъ-лейтенантъ, князь

А. И. ШАХОВСКОЙ.

(Рисовалъ П. Ф. Борель, гравир. И. Матюшинъ).

женской къ Корсу-Берзаевской переправѣ и содѣйствовалъ основанію новой станицы Ассинской. Спустя нѣсколько дней послѣ того, онъ истребилъ партію кабардинскихъ абрековъ, у раззореннаго аула Самашки. Вслѣдъ затѣмъ, подъ начальствомъ полковника Бибикова, учавствовалъ въ нападеніи на аулъ Шалажи, находившійся въ рукахъ многочисленнаго непріятеля, предводительствуемаго извѣстными смѣльчаками Нуръ-Али и Магометъ-Мурза-Анзоровымъ; при дружной аттакѣ нашихъ войскъ, горцы потерпѣли окончательное пораженіе на всѣхъ пунктахъ, и аулъ ихъ былъ совершенно уничтоженъ русскими. Черезъ 10 дней, князь Шаховскій снова находился въ бою, противъ трехъ наибовъ Малой Чечни, распоряжавшихся значительными силами горцевъ, совершенно истребленныхъ нашимъ отрядомъ, что дало возможность заложить на мѣстѣ побоища новую станицу, получившую названіе Магометъ-Юртовской.

1859 годъ прошелъ для Алексѣя Ивановича тихо и мирно; онъ находился втеченіи этого года только въ незначительныхъ дѣлахъ и передвиженіяхъ. За то въ слѣдующемъ, 1850 году, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ зимней экспедиціи въ Большой и Малой Чечняхъ, гдѣ былъ всегда во главѣ нашихъ войскъ. 1850 годъ—самое блестящее время дѣятельности князя Шаховскаго. Онъ успѣлъ въ этомъ году заявить еще сильнѣе прежняго о своихъ способностяхъ и выдвинуться впередъ примѣрной неустрашимостью и снаровкою въ боевомъ дѣлѣ. Не имѣя надобности составлять подробный перечень всего, совершеннаго имъ въ 1850 году, ограничимся только заявленіемъ, что, находясь постоянно подъ огнемъ непріятеля, онъ, чуть-ли не ежедневно, по примѣру 1848 года, отличался въ какомъ-нибудь дѣлѣ. Такъ, 15-го января онъ учавствовалъ въ опасномъ движеніи отряда къ Воздвиженской крѣпости: 16-го—въ усиленной рекогносцировки лѣса, назначеннаго для вырубки, и въ продолжительной перестрѣлкѣ съ непріятелемъ; 19-го въ ловкомъ отраженіи многократныхъ нападеній горцевъ на русскихъ, занимавшихся вырубкою лѣса; 20-го—въ успѣшномъ отраженіи Гаджи-Мурата, подъ начальствомъ котораго были сосредоточены большія непріятельскія силы; 21—при продолжавшейся вырубкѣ лѣса, во время сильной канонады пушекъ и безпрерывной ружейной пальбы; 23-го—въ молодецкой стычкѣ съ горцами, разбитыми на голову; 24-го—въ канонадѣ нашего отряда по непріятелю; съ 20-го января по 6-е февраля—въ продолжавшихся работахъ по вырубкѣ лѣса, которая производилась, не смотря на учащенный огонь пушекъ и ружей, препятствовавшій работамъ. 11-го февраля, горцы были совершенно разбиты и обращены въ безпорядочное бѣгство; послѣ чего окончена была просѣка лѣса въ Шамильской полянѣ и проч. Представляемый

нами перечень дѣлъ за одинъ мѣсяцъ можетъ дать понятіе о томъ, насколько плодотворна была дѣятельность князя Шаховскаго въ 1850 году. За подвиги этого года служила ему наградою золотая сабля съ надписью «за храбрость».

Въ 1854 году, князь Шаховской произведенъ былъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1855 году, онъ былъ прикомандированъ къ образцовому пѣхотному полку, а затѣмъ получилъ мѣсто, принадлежавшее прежде князю Меньшикову, а именно — мѣсто командира староингерманладскаго пѣхотнаго полка, которымъ и командовалъ впродолженіи двухъ лѣтъ. Въ 1857 году, онъ переведенъ былъ, командиромъ-же, въ лейбъ-гвардіи 1-й стрѣлковый, нынѣ Его Величества, батальонъ. Въ 1860 году, награжденъ за отличія по свужбѣ, чиномъ генералъ-маіора, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и съ оставленіемъ въ должности командира, а въ 1868 году, за отличіе—произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Замѣчательный стрѣлокъ въ молодости, князь Шаховской въ 1861 году, будучи уже 60 лѣтъ, получилъ призъ за стрѣльбу въ цѣль, принимая участіе въ состязаніи, происходившемъ въ Высочайшемъ присутствіи; въ молодости же онъ незналъ равнаго себѣ соперника въ этомъ искуствѣ.

Изъ орденовъ, князь Шаховской имѣетъ: кромѣ ордена св. Анны съ бантомъ, 3 степени, еще св. Станислава 1 ст., св. Анны 1-й ст. и св. Владиміра 2 ст.

Командиръ 14-го армейскаго корпуса, дѣйствующаго въ Добруджѣ, генералъ-лейтенантъ

А. Э. ЦИММЕРМАНЪ.

(Рисовалъ П. Ф. Борель, грав. И. Матюшинъ).

Генералъ-лейтенантъ А. Э. Циммерманъ.

и

переправа черезъ Дунай у Галаца и Браилова.

Командиръ 14-го армейскаго корпуса дѣйствующаго въ Добруджѣ, генералъ-лейтенантъ Аполлонъ Эрнестовичъ Циммерманъ принадлежитъ къ числу выдающихся боевыхъ генераловъ нашей арміи. Уроженецъ Лифляндской губерніи, онъ родился въ 1825 году и вступилъ на службу юнкеромъ въ гусарскій его величества короля виртембергскаго полкъ. На 19 году отъ роду, онъ былъ произведенъ въ корнеты и тотчасъ сталъ готовиться къ поступленію въ академію генеральнаго штаба. Окончивъ академическій курсъ, онъ, въ 1848 году, былъ причисленъ къ генеральному штабу и отправился въ Архангельскую и Олонецкую губерніи для составленія военно-статистическаго обозрѣнія и маршрутной карты. Эта командировка доставила ему прекрасный случай хорошо ознакомиться съ сѣверомъ Россіи и нѣтъ уголка отъ Колы до Соловецкаго монастыря, гдѣ бы онъ не побывалъ. Въ слѣдующемъ году въ чинѣ штабсъ-капитана, Апполонъ Эрнестовичъ былъ командированъ заграницу, по случаю войны въ Венгріи, съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи генералъ-адъютанта графа Берга. Это назначеніе дало возможность ему принять дѣятельное участіе въ венгерской компаніи и быть участникомъ главнѣйшихъ эпизодовъ ея. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ 14-го по 20-е іюня 1849 года, при наступательномъ движеніи австрійской дунайской арміи, отъ г. Петербурга черезъ Раабъ и м. Бабольна до крѣпости Коморна, занятой 6 т. непріятельскимъ корпусомъ, подъ командою Гергея. Кромѣ того Циммерманъ принялъ участіе 29 іюня, въ упорномъ бою съ непріятелемъ, слѣдовавшимъ изъ кр. Коморна, съ намѣреніемъ пробиться сквозь австрійскую армію; почти черезъ мѣсяцъ послѣ

этого, 28 іюля, онъ былъ въ сраженіи противъ 70,000 арміи, подъ начальствомъ Бема и Дембинскаго, при с. Кишъ-Бечкерекѣ, и обращеніи непріятеля въ бѣгство, за кр. Темешваръ, при этомъ случаѣ освобожденной отъ осады.

За участіе во всѣхъ этихъ дѣлахъ Циммерманъ получалъ награду за наградою; такъ, подъ Коморномъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени съ бантомъ, затѣмъ, чиномъ капитана; подъ Кишъ-Бекчерекомъ орденомъ св Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а императоръ австрійскій пожаловалъ ему орденъ Леопольда меньшаго креста.

Въ 1851 году Циммерманъ отправился на Кавказъ, гдѣ, какъ большинство нынѣшнихъ боевыхъ офицеровъ, находился въ походахъ противъ горцевъ. Какъ этотъ годъ, такъ и весь слѣдующій онъ участвовалъ въ многочисленныхъ стычкахъ съ непріятелемъ, за что былъ произведенъ въ подполковники. Въ 1853 году Циммерманъ командированъ въ распоряженіе командующаго войсками при-Каспійскаго края, а затѣмъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ.

При началѣ восточной войны, Циммерманъ первое время находился въ распоряженіи командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ. По прибытіи въ гор. Александрополь, онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ штабомъ ахалцихскаго отряда, а потомъ временно командовалъ этимъ отрядомъ, молодецки пробрался ночью, во время блокады, въ Ахалцыхъ, вступилъ въ должность начальника штаба тамошняго отряда и участвовалъ въ жаркой перестрѣлкѣ съ турецкою конницею, а затѣмъ съ прибытіемъ пѣхоты обратилъ непріятеля въ бѣгство. Когда былъ раненъ генералъ-маіоръ Фрейтагъ, онъ принялъ начальство надъ 1-мъ и 2-мъ батальонами виленскаго егерскаго полка, перевелъ ихъ черезъ р. Подцоховку, подъ картечнымъ и батальнымъ огнемъ непріятеля, взялъ штурмомъ, укрѣпленную завалами, непріятельскую позицію и овладѣлъ семью орудіями. За это блестящее дѣло, какъ и за послѣдующія отличія, подполковникъ Циммерманъ, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Великомученика Георгія 4-й степени. Слѣдующій, 1854 годъ, Аполлонъ Эрнестовичъ продолжалъ учавствовать въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ, а затѣмъ, въ 1855 году былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе главнокомандовавшаго военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму. Здѣсь овъ поступилъ въ севастопольскій гарнизонъ, гдѣ и находился безотлучно по 28-е августа, раздѣлялъ участь славныхъ защитниковъ Севастополя. Онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ военныхъ дѣлахъ. Такъ, былъ при замѣненіи ложементовъ 2 батальонами суздальскаго пѣхотнаго полка, при отраженіи непріятеля отъ ложементовъ впереди редута Шварца, при производствѣ работъ на редутѣ Шварца и пятими отдѣ-

леніяхъ оборонительной линіи, подъ сильнимъ огнемъ непріятеля, нѣсколько разъ покушавшагося вести подкопы къ редуту Шварца, подъ огнемъ непріятеля и при усиленномъ бомбардированіи 4-го бастіона и отбитіи непріятельской вылазки въ числѣ 12,000 человѣкъ на траншеи между 5 и 6 бастіонами, генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ, при отраженіи непріятеля отъ волынскаго и селенгинскаго редутовъ, камчатскаго люнета и корниловскаго бастіона, при усиленной бомбардировкѣ корабельной стороны и передовыхъ редутовъ, при отраженіи непріятеля отъ забайкальской батареи, во время усиленной канонады, въ ночь съ 5-го на 6-е іюня, всей оборонительной линіи Севастополя, при отбитіи штурма 24-го августа, во время усиленной бомбардировки 1-го и 2-го отдѣленій; 26-го числа при сосредоточеніи непріятельскаго огня противъ лѣваго фланга и при штурмѣ Севастополя съ 27-го на 28-е августа, вмѣстѣ съ войсками севастопольскаго гарнизона, онъ перешелъ съ южной на сѣверную сторону.

При третьемъ бомбардированіи Севастополя, въ ночь съ 5-го на 6-е іюня, подполковникъ Циммерманъ былъ контуженъ осколками бомбы и камнями въ правую ногу и лѣвый пахъ. По истиннѣ удивительно, какимъ образомъ Циммерманъ остался живымъ: пролетѣвшее ядро оторвала половину плаща его, но онъ остался невредимъ. Случай этотъ весьма рѣдкій, но пролѣти ядро на одинъ волось ближе къ Циммерману и его бы не стало. За отличіе по службѣ, онъ, 22-го августа 1855 года былъ произведенъ въ полковники. Въ 1860 году, по Высочайшему повелѣнію, Циммерманъ былъ назначенъ командующимъ войсками Заилійскаго края и получилъ приказаніе двинуться противъ коканцевъ и, занявъ рядъ коканскихъ крѣпостей, содѣйствовать соединенію пограничной линіи сибирской съ пограничною линіею оренбургскою. Въ то время степные походы были нелегки. Войска наши съ ними небыли знакомы; на Коканъ, Хиву и Бухару смотрѣли какъ на серьезнаго врага и потому возложенное на Циммермана порученіе считалось весьма труднымъ, да къ тому же и средства, ему представленныя, были не велики. Въ этомъ походѣ онъ взялъ крѣпости Токмакъ и Пиштехъ, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ орденъ Станислава 1-ой степени. Въ 1862 году, онъ назначенъ начальникомъ штаба виленскаго военнаго округа, а въ 1863 году, тамъ вспыхнуло польское возстаніе. Онъ былъ начальникомъ штаба какъ при Назимовѣ, такъ и при Муравьевѣ. Послѣдній сначала отнесся было къ генералу Циммерману съ недовѣріемъ, но потомъ ознакомившись съ его дѣятельностью и характеромъ, увидѣлъ въ немъ ближайшаго и самаго дѣятельнаго себѣ помощника. Ровность и спокойность характера, стойкость, терпимость и отличное пониманіе военнаго дѣла отличали рѣзко генерала Циммермана отъ другихъ.

Графъ Бергъ очень цѣнилъ его и, по его представленію, онъ получилъ 4-ую пѣхотную дивизію, стоявшую въ Царствѣ Польскомъ, а затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ 2-ой гренадерской дивизіи. Въ 1866 году Аполлонъ Эрнестовичъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, а 19-го февраля 1877 г. былъ назначенъ командиромъ 14-го армейскаго корпуса, въ составѣ дунайской арміи.

Кромѣ орденовъ, упомянутыхъ выше, генералъ Циммерманъ имѣетъ еще слѣдующее: Анны 1-ой степени съ короною, Владиміра 2-ой степени, Бѣлаго Орла и св. Александра Невскаго съ мечами за переправу черезъ Дунай въ началѣ русско-турецкой войны 1877 года; изъ иностранныхъ орденовъ онъ имѣетъ: австрійскій Леопольда меньшаго креста; Мекленбургъ-Шверинскій, Вендской короны 1-ой степени, прусскій, краснаго Орла 1-ой степени.

Въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. Циммерманъ совершилъ удачную переправу черезъ Дунай у Галаца и Браилова. Переправа эта состоялась, какъ разъ къ концу втораго мѣсяца со дня объявленія войны. Мы не станемъ описывать здѣсь приготовленій, дѣлавшихся съ нашей стороны подъ Браиловымъ и Галацемъ, а передадимъ лишь главные моменты переправы нашей арміи на турецкій берегъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что подготовленія къ этой операціи заключались въ быстромъ занятіи лѣваго берега Дуная, отъ Рени до Браилова, въ загражденіи на этомъ мѣстѣ доступа турецкимъ мониторамъ посредствомъ погруженія торпедъ, въ ослабленіи блокированной минными загражденіями турецкой эскадры между Рени и Браиловомъ, и, наконецъ, въ производствѣ техническихъ работъ по устройству сообщенія съ противолежащимъ турецкимъ берегомъ. О дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, клонившихся къ достиженію первыхъ трехъ цѣлей, были сообщены своевременно довольно подробныя свѣдѣнія; поэтому, коснемся, главнымъ образомъ, выполненія, въ техническомъ отношеніи, послѣдней, такъ сказать, заключительной цѣли, состоявшей въ переводѣ на турецкій берегъ находившихъ подъ Браиловомъ и Галацомъ нашихъ войскъ. Войска перешли Дунай подъ Галацомъ при помощи устроенныхъ барокъ, и пріобрѣтенныхъ на мѣстѣ паровыхъ судовъ, а также при помощи плотовъ собственной постройки, буксируемыхъ пароходами, и, наконецъ, гребныхъ судовъ всякихъ размѣровъ.

Барки, съ помѣщеніемъ для 45 человѣкъ, были устроены такимъ образомъ, чтобъ рулевымъ весломъ ихъ могли управлять семь человѣкъ. Внѣшняя конструкція ихъ не представляла никакихъ особенностей и ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ судовъ этого типа. Килевая часть ихъ сидѣла мелко въ водѣ; помѣщавшіеся въ нихъ люди были ограждены съ

боковъ высокими бортами, а спереди и сзади—высокимъ носомъ и высокою кормою.

Паровыя суда, употребленныя для переправы, принадлежали къ разряду обыкновенныхъ мелкихъ рѣчныхъ пароходовъ, какихъ много на Дунаѣ, съ помѣщеніемъ для 6 или 8 человѣкъ, и которыхъ было заготовлено 120 штукъ въ Галацѣ и 80 въ Браиловѣ.

Плоты состояли изъ девяти толстыхъ бревенъ, въ 28 метровъ длины и въ 60 или 70 центиметровъ толщины, скрѣпленныхъ между собою желѣзными связами и прикрытыхъ бревенчатою настилкою. Въ Галацѣ было 8 плотовъ такой конструкціи, а въ Браиловѣ отъ 60 до 65. Первые спеціально предназначались для перевозки артиллеріи со всею ея упряжью и доставки ея черезъ затопленныя разливомъ пространства на сухой берегъ Дуная. Плоты-же, изготовленные въ Браиловѣ, должны были служить составными частями плавучаго моста и замѣнять собою плашкоуты, вслѣдствіе чего они укрѣплялись на якоряхъ и промежутки между ними застилались тесомъ. Перекинутый, такимъ образомъ, черезъ всю рѣку мостъ удовлетворялъ всѣмъ условіямъ прочности и устойчивости. Вся длина перекинутаго подъ Браиловомъ черезъ рѣку составнаго моста, со включеніемъ мостковъ и дамбъ, занимала протяженіе въ цѣлую версту. Шедшія скорымъ шагомъ войска употребляли около двадцати минутъ для перехода съ одного берега на другой.

Относительно буксирныхъ пароходовъ достаточно замѣтить, что они были разныхъ размѣровъ и по наружному виду своему ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ буксирныхъ судовъ дунайскаго общества парового судоходства.

Всѣ эти приготовленія и приспособленія были задуманы и исполнены заранѣе, и войска ожидали только спаденія дунайскихъ водъ до такого уровня, при которомъ переправа боевыхъ грузовъ могла-бы совершиться безпрепятственно. Многіе предполагали, что продолжительность выжидательнаго періода обусловливается высокимъ горизонтомъ водъ, и что къ переправѣ будетъ приступлено лишь по возвращеніи ихъ въ дунайское ложе. Между тѣмъ, факты доказали противное, и по всей линіи русской позиціи закипѣла дѣятельность, какъ только спала вода на нѣсколько футовъ. Дальнѣйшаго пониженія нельзя было выжидать, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, затопленныя пространства пришлось-бы переходить пѣшкомъ, и люди, и лошади, и, въ особенности, орудія увязли-бы въ трясинѣ.

9-го іюня, рано утромъ, одинъ русскій офицеръ генеральнаго штаба, въ сопровожденіи восьми казаковъ, переплылъ Дунай съ восточной стороны Галаца и, достигнувъ турецкаго берега, направился къ юго-востоку,

по затопленнымъ низменностямъ, къ гребню холмовъ, возвышающихся между Исакчею и Мачиномъ. Приблизившись на ружейный выстрѣлъ къ торчавшему на гребнѣ турецкому блокгаузу, онъ началъ производить развѣдки, причемъ турки открыли по его катеру ружейный огонь. Но офицеръ не обратилъ на это вниманія и обогнулъ холмы, съ цѣлью отыскать удобный пунктъ для переправы. Достигнувъ своей цѣли, русская развѣдочная партія вернулась назадъ. Двое казаковъ оказались тяжело ранеными, но задача была рѣшена и требуемый путь былъ отысканъ

Къ вечеру того же дня, къ восточной оконечности Галаца стянулась цѣлая бригада. Съ наступленіемъ ночи, засуетились лодки по Дунаю. До 150 гребныхъ судовъ принялись перевозить солдатъ на турецкій берегъ по тому-же самому направленію, котораго держалась утромъ развѣдочная партія.

Восемь бѣглыхъ болгаръ, явившихся въ русскій лагерь, нѣсколько недѣль тому назадъ, съ турецкаго берега, спасая жизнь свою отъ мусульманской ярости, были взяты въ качествѣ проводниковъ, и указывали путь рулевымъ. Плоты съ орудіями были прибуксированы къ Залоки, откуда дальнѣйшій путь пролагали себѣ сами артиллеристы, съ помощью машинъ. Выполненіе этого въ высшей степени труднаго предпріятія потребовало не мало усилій, и войска явили себя, въ этомъ случаѣ, вполнѣ молодцами. Переправа длилась до трехъ часовъ ночи и, не взирая на то, къ тому времени на турецкій берегъ успѣли перевезти только 3,000 человѣкъ и 2 орудія; бой-же начался при первыхъ отблескахъ утренней зари.

Турки, занимавшіе гребень холмовъ, слышали шумъ и всплески воды и, на всякій случай, стали стрѣлять въ темнотѣ передъ собою, на счастье. Русскій отрядъ, твердо рѣшившійся аттаковать непріятеля, не отвѣчалъ на его пальбу и продолжалъ подвигаться впередъ, не дѣлая, по возможности, ни малѣйшаго шума, чтобъ не обнаружить своего присутствія. Около трехъ часовъ утра, при первомъ мерцаніи занявшейся зари, съ одной изъ турецкихъ баттарей раздался первый выстрѣлъ противъ наступавшихъ русскихъ колоннъ. Русская пѣхота, обогнувъ фланговымъ движеніемъ турецкую позицію, бросилась на штурмъ ея и завязался жестокій бой, продолжавшійся до 11-ти часовъ утра. Опрокинутые со своихъ позицій, турки отступили сначала къ Цицилѣ, а потомъ къ Горбинѣ; передовые-же посты ихъ, отрѣзанные отъ холмовъ фланговымъ движеніемъ русскихъ, должны были сдаться плѣнными.

Штурмъ непріятельскихъ позицій стоилъ намъ не мало жертвъ. Тамъ, гдѣ не брала пуля, усердно работалъ штыкъ, производившій въ турецкихъ рядахъ ужасныя опустошенія. Турецкія баттареи были разрушены, нѣкоторыя изъ орудій подбиты, остальныя же были захвачены

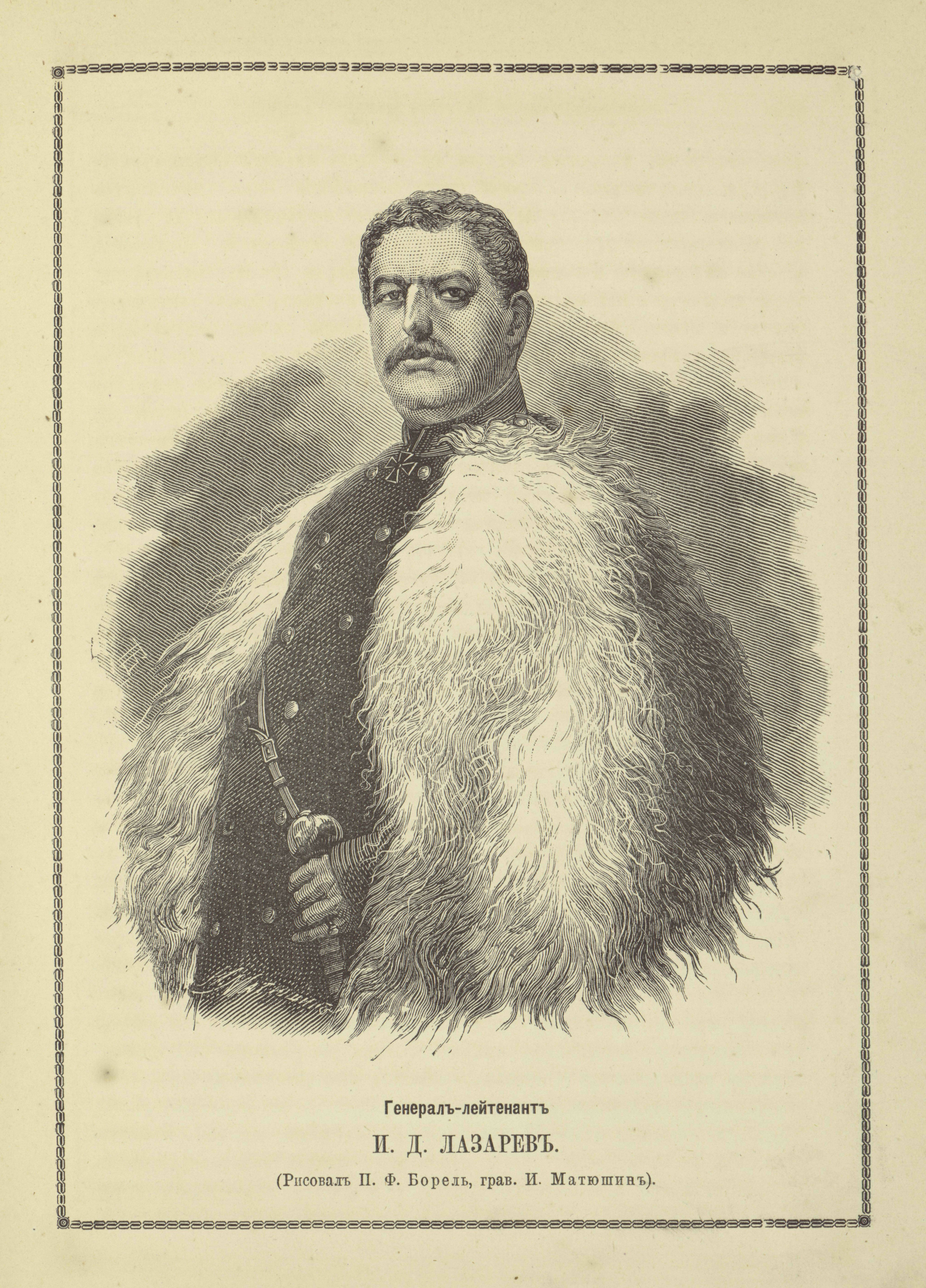
аттакующими. Туркамъ стало не въ моготу держаться на своихъ холмахъ и они, какъ испуганное стадо барановъ, шарахнулись по скату внизъ, въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ. Густые столбы пыли обозначали направленіе, по которому бѣжали они къ Мачину. Русскіе сначала пустились преслѣдовать ихъ, но вскорѣ потомъ остановились и вернулись на высоты, выдвинувъ линію форпостовъ къ югу отъ своей позиціи. Тѣмъ временемъ постепенно подплывали къ берегу остальныя части русской бригады и тотчасъ же направлялись къ отбитымъ у турокъ высотамъ. Къ полудню, на турецкой землѣ находились уже 6,000 человѣкъ съ 4-мя орудіями, составлявшіе достаточную силу для того, чтобы противостать непріятелю своими собственными средствами. Турки, между тѣмъ, замкнулись въ Мачинѣ и на столько притаились, что казацкіе патрули подъѣзжали къ городу ближе чѣмъ на выстрѣлъ и на встрѣчу имъ не было выпущено изъ-за городскихъ заваловъ ни единой непріятельской пули.

Въ остальное время дня, русскія войска не переставали переправляться на противоположный берегъ по мосту и на судахъ. Русскія канонирскія лодки до вечернихъ сумерокъ ходили по Дунаю взадъ и впередъ между Браиловымъ и Мачиномъ, въ виду турецкихъ пароходовъ, которые, скучившись у Гирсова, не осмѣлились придвинуться изъ опасенія наткнуться на мины, которыми положительно засѣяно было русло Дуная.

Генералъ-лейтенантъ И. Д. Лазаревъ.

Продолжительныя войны на Кавказѣ съ горцами были для многихъ изъ нашихъ генераловъ лучшею боевою школою; эта же война дала возможность выказать боевыя способности, отвагу и энергію тѣмъ, изъ дѣйствующихъ нынѣ на театрѣ войны полководцевъ, которые заставили русское общество еще разъ припомнить ихъ славную прежнюю дѣятельность. И. Г. Лазаревъ, этотъ неустрашимый и храбрый генералъ, также воспитался въ суровой школѣ кавказской боевой жизни и обратилъ на себя вниманіе своихъ начальниковъ необычайнымъ мужествомъ или личною храбростію, находчивостью и энергіею. Только этими достоинствами своими онъ съумѣлъ заслужить славу лучшаго боеваго генерала. Начавъ службу рядовымъ, онъ пріобрѣталъ чины и ордена благодаря лишь собственной необычайной энергіи. Такихъ истинныхъ героевъ до служившихся на боевомъ полѣ отъ рядоваго до чина генерала, не много найтется въ другихъ арміяхъ и потому наше русское войско справедливо гордится своимъ бравымъ генералъ.

Иванъ Давидовичъ Лазаревъ родился въ 1820 году и происходитъ изъ Карабахскихъ бековъ города Шуши, Бакинской губ., вѣроисповѣданія армяно-григоріанскаго,—воспитывался въ шушинскомъ уѣзд. училищѣ, въ службу вступилъ въ 1839 г. рядовымъ въ пѣхотный генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго (нынѣ 84 пѣх. Эриванскій Его Императовскаго Высочества Векикаго Князя Николая Константиновича) полкъ; въ 1842 г., еще въ нижнемъ чинѣ И. Д. учавствовалъ въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ, за что награжденъ былъ знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія, а черезъ годъ за такое же отличіе произведенъ въ прапорщики; всѣ ордена и чины, начиная съ



Генералъ-лейтенантъ

И. Д. ЛАЗАРЕВЪ.

(Рисовалъ П. Ф. Борель, грав. И. Матюшинъ).

унтеръ-офицера до генералъ-лейтенанта, Иванъ Давидовичъ получилъ включительно за военныя отличія противъ горцевъ, кромѣ того золотую саблю съ надписью «за храбрость». Иванъ Давидовичъ занималъ важные служебные посты: такъ, въ 1850 году былъ управляющимъ Мехтулинскимъ ханствомъ; въ 1854 г. управляющимъ Дарьгинскимъ округомъ, въ 1859 г. временно командовалъ войсками въ Среднемъ Дагестанѣ; въ томъ же году былъ назначенъ начальникомъ временнаго управленія въ покорившихся частяхъ Дагестана, присоединенныхъ въ прикаспійскому краю; въ 1860 г. состоялъ военнымъ начальникомъ Средняго Дагестана, въ 1865 г. командующимъ 21 пѣхотною дивизіею, а съ производствомъ гъ 1866 г. въ генералъ-лейтенанты утвержденъ въ должности начальника помянутой дивизіи; съ 1868 г. Иванъ Давидовичъ состоитъ при кавказской арміи.

Иванъ Давидовичъ Лазаревъ участвовалъ въ сраженіяхъ противъ кавказскихъ горцевъ въ 1840—1841 съ 1844 по 1851, 1852—1861 гг.

Въ дѣлѣ съ горцами 26 августа 1843 г., при вылазкѣ изъ аула около Салтинскихъ садовъ, онъ былъ контуженъ ружейною пулею въ локоть лѣвой руки и 22 сентября 1848 г. на штурмѣ заваловъ близъ сел. Мескинджи раненъ ружейною пулею въ шею на вылетъ, камнемъ въ голову и контуженъ пулею въ плечо лѣвой руки.

Настоящая война не могла, конечно, не вызвать къ дѣятельности Ивана Давидовича. Съ открытіемъ кампаніи, онъ выступилъ въ походъ и въ числѣ другихъ генераловъ находился въ составѣ отряда генералъ-лейтенанта Лорисъ-Меликова. Послѣ временнаго затишья въ дѣлахъ, затишья, вызваннаго необходимостью увеличить численность войскъ, первымъ блестящимъ дѣломъ было пораженіе арміи Мухтаръ-паши на Аладжанскихъ высотахъ 3-го октября. Это пораженіе было, какъ извѣстно, подготовлено генераломъ Лазаревымъ, который, совершивъ удачный обходъ позицій, занятыхъ турецкими войсками, тѣмъ самимъ способствовалъ успѣшнымъ дѣйствіямъ другихъ частей русскихъ войскъ. Подробное описаніе обходнаго движенія генерала Лазарева помѣщено въ біографіи генерала Лорисъ-Меликова.

Не меньшее участіе принималъ Иванъ Давидовичъ и при аттакѣ Карса, когда ему было поручено ближайшее руководство за ходомъ боя. Для характеристики генерала Лазарева достаточно привести хотя бы слѣдующій разговоръ его со старшимъ адъютантомъ корпуснаго штаба, капитаномъ Ч. Надобно замѣтить, что капитанъ Ч. былъ присланъ къ генералу на случай болѣзни его начальника штаба, полковника Маламы, и долженъ былъ сообщить ему нѣкоторыя дополнительныя иструкціи.

— Я долженъ васъ предупредить,—замѣтилъ капитану генералъ—

что вѣдь у меня отступленій не будетъ: не возмемъ фортовъ къ утру, будемъ драться до вечера; не возьмемъ къ вечеру, будемъ драться до слѣдующаго утра...

— Въ такомъ случаѣ мое порученіе окончено: мнѣ нечего тутъ больше и дѣлать, замѣтилъ капитанъ. Съ такою твердостью и непоколебимою рѣшимостью въ генералѣ—можно было смѣло разсчитывать на успѣхъ. И это весьма понятно въ генералѣ Лазаревѣ, который заевовалъ свое личное счастье, почесть и уваженіе лишь честнымъ исполненіемъ всего, что входило въ его обязанности. Эта черта въ характерѣ Лазарева и вызвала общее къ нему уваженіе. Вся жизнь И. Д. можетъ служить прекраснымъ примѣромъ, чего можетъ достигнуть человѣкъ съ твердою волею и мужественною рѣшимостью побороть препятствія, поставляемыя жизненною обстановкою.

Товарищъ генералъ-инспектора по инженерной части, генералъ-адъютантъ

Э. И. ТОТЛЕБЕНЪ.

(Съ фотогр. Левицкаго, рисов. П. Ф. Борель, грав. Ю. Барановскій).

Генералъ-адъютантъ Э. И. Тотлебенъ.

и

паденіе Плевны.

Сраженія, происходившія у Плевны со времени первой аттаки и до ея паденія, еще разъ укрѣпили за нашей арміей славу мужественныхъ и безотвѣтно-храбрыхъ воиновъ, способныхъ на всевозможныя лишенія и испытанія. Вмѣстѣ съ этимъ, шестимѣсячныя военныя дѣйствія вокругъ Плевны выказали блестящія дарованія и тѣхъ изъ нашихъ военачальниковъ, которые своими личными подвигами сдѣлали свои имена извѣстными всему миру. На ряду съ этими героями не меньшаго труда, а, слѣдовательно, и славы выпало на долю тѣхъ изъ нашихъ генераловъ, которымъ пришлось употребить весь свой умъ, всѣ свои знанія, чтобы заставить упорнаго врага склониться передъ мужественнымъ русскимъ войскомъ. Однимъ изъ такихъ генераловъ, значительно способствовавшихъ паденію Плевны и плѣненію арміи Османа, слѣдуетъ признать Эдуарда Ивановича Тотлебена, имя котораго покрылось теперь новою славою. Обезсмертившій себя обороною Севастополя, онъ какъ нельзя лучше оправдалъ тѣ надежды, которыя возлагались на него, когда потребовалось его участіе на театрѣ современной войны.

Мы помѣщаемъ здѣсь описаніе паденія Плевны, пользуясь для этого прекрасными сообщеніями корреспондента англійской газеты «Daily News», а затѣмъ уже передаемъ біографическія свѣдѣнія объ Э. И. Тотлебенъ.

25-го ноября, въ пятницу, ночью, войска, стоявшія вокругъ Плевны узнали, что Османъ-паша приготовляется къ вылазкѣ и съ своей стороны сдѣлали всѣ приготовленія для встрѣчи его. Траншеи день и ночь

были наполнены войсками, дивизіонные и полковые командиры приглашены были быть на сторожѣ, а всѣ посты удвоены и утроены. Эти мѣры были приняты въ пятницу ночью 25-го ноября, а суббота 26 го ноября прошла такъ, что у турокъ не было замѣчено никакого движенія. Однако Османъ-паша рѣшился сдѣлать окончательное усиліе, чтобы порвать оковы, сдавившія его. Воскресенье 27 декабря прошло такимъ-же образомъ. Наши бдительно стерегли турокъ, посылая имъ обычное количество артиллерійскихъ снарядовъ, на что турки не отвѣчали въ продолженіе долгаго времени.

Въ послѣдніе три или четыре дня погода стояла холодная, небо было покрыто громадными разорванными тучами, грозившими разразиться дождемъ; въ полдень, въ воскресенье, тучи сгустились, и темныя массы разразились первою снѣжною бурею. Въ пять часовъ земля совсѣмъ побѣлѣла, и наружный видъ страны вполнѣ измѣнился. Я поѣхалъ,—говоритъ корреспондентъ «Daily News»,—по линіямъ между тремя и пятью часами изъ Гривицы чрезъ Радишево, въ Брестовацъ по ловчинской дорогѣ. Небо было темное, пасмурное, но воздухъ былъ бѣлъ отъ густо падавшаго снѣга, чрезъ который кое-какъ можно было разсмотрѣть Плевну со множествомъ маленькихъ столбовъ голубаго дыма, поднимавшагося надъ нею и заявлявшаго о приготовленіи тамъ обѣдовъ и придававшаго ему теплый привлекательный видъ, далеко не похожій на видъ осажденнаго города. Палатки русскихъ солдатъ скоро побѣлѣли, а сами солдаты весело расхаживали кругомъ; нѣкоторые изъ нихъ варили себѣ обѣдъ, другіе собирались въ кучки и громко пѣли пѣсни. По временамъ грохотъ орудій нарушалъ тишину, разносясь по наполненному снѣгомъ воздуху. Я пересекъ оврагъ у подошвы Зеленныхъ горъ, гдѣ Скобелевъ построилъ отличный дощатый мостъ, соединяющій его линіи съ линіями Зотова и Радишевомъ, и направился по небольшому боковому оврагу, вдоль котораго устроена хорошая дорога для артиллеріи. Я скоро очутился на ловчинской дорогѣ, близъ Брестовца, среди сильной снѣжной вьюги. Теперь уже совсѣмъ стемнѣло. Брестовацкіе огоньки кое-какъ свѣтились чрезъ туманъ, и я съ большимъ трудомъ могъ разыскать дорогу среди бури и мрака въ Узендоль, главную квартиру Скобелева. Здѣсь всѣ были въ хлопотахъ. Одинъ лазутчикъ только-что доставилъ извѣстіе, что Османъ роздалъ войскамъ трехдневный раціонъ, по полтораста патроновъ, по новой парѣ сандалій каждому человѣку, и, что по всѣмъ признакамъ сосредоточеніе начнется немедленно. Онъ сообщилъ также курьезное обстоятельство, что каждый солдатъ получилъ маленькую порцію масла для того, чтобы держать въ порядкѣ свое ружье. Въ десять часовъ явился другой лазутчикъ, сообщившій, что Османъ сосредоточился у моста черезъ Видъ. Лазутчикъ

явился прямо изъ Плевны, и, сообщивъ это извѣстіе, снова исчезъ въ темнотѣ. Нѣсколько минутъ спустя, пришла телеграмма, въ которой говорилось, что съ другой стороны видно очень много огней въ Плевнѣ — явленіе необыкновенное. Очевидно, тамъ происходило какое-то движеніе, и лазутчики были правы. Ночь шла медленно. Снѣжная буря пріостановилась, темныя тучи быстро неслись по небу, по временамъ разражаясь дождемъ. Въ три часа другой лазутчикъ принесъ извѣстіе, что люди Скобелева заняли позицію на склонѣ Зеленой горы, и что кришинскіе редуты покинуты. Онъ сказалъ, что увѣренъ въ томъ, что всѣ позиціи съ нашей стороны въ скоромъ времени будутъ покинуты. Не пойдти ли ему впередъ и указать дорогу на кришинскіе редуты, рискуя быть заколотымъ штыкомъ, если его слова не окажутся справедливыми? Да, онъ долженъ пойдти, и Скобелевъ отдалъ приказъ войскамъ начать осторожно подвигаться впередъ и тщательно осматривать свой путь. Такъ и было сдѣлано, и позиціи взяты.

Наконецъ, стало достовѣрно извѣстно, что турки начали движеніе и что наступила окончательная, рѣшительная минута. Скобелевъ приказалъ немедленно привести занятыя позиціи въ оборонительное состояніе, на тотъ случай, если турки, отраженные, но не желающіе еще сдаться, попытаются снова взять ихъ. Начало свѣтать. Небо было облачное и снѣгъ грозилъ снова пойдти. Вдругъ, почти одновременно, послышался грохотъ тридцати или сорока орудій, за которымъ немедленно послѣдовалъ сильный ружейный трескъ. Битва началась. Турки, защищавшіеся четыре мѣсяца, бросились теперь черезъ силки, которые были разставлены вокругъ нихъ, и въ свою очередь атаковали траншеи и земляныя укрѣпленія, искусству защищать которыя они такъ хорошо научили своего врага.

Битва происходила по направленію моста черезъ Видъ на Софійской дорогѣ. Страшное и величественное зрѣлище представляло поле сраженія. Мѣстность позади Плевны образуетъ широкую, открытую равнину, въ которой горжа, ведущая въ Плевну, открывается на подобіе тоннеля. Равнина ограничена на плевненской сторонѣ крутыми, скалистыми утесами, у подножія которыхъ течетъ Видъ. Съ этихъ утесовъ, на разстояніи двухъ миль, тамъ и сямъ, въ быстрой, но неправильной послѣдовательности, поднимались огненные клубы, вспыхивавшіе и исчезавшіе, и затѣмъ опять вспыхивавшіе. Это былъ артиллерійскій огонь турокъ и русскихъ. Дымъ, носящійся кольцеобразно по Виду, восходилъ къ громаднымъ тучамъ, висѣвшимъ надъ горизонтомъ, въ то же время внизу безпрерывно появлялись огоньки, подобно молніи освѣщая темныя тучи. Чрезъ покровъ дыма можно было видѣть такой густой огонь, какъ будто это были свѣтляки

въ тропическую ночь. По временамъ, сквозь извивающуюся неправильнымъ зигзагомъ струю огня, неясно различались люди, бѣгающіе взадъ и впередъ, лошади, скотъ, телѣги, несущіяся по равнинѣ, и больше всего адскій трескъ пѣхотнаго огня и оглушительный грохотъ болѣе чѣмъ ста орудій. Тамъ произошло слѣдующее.

Ночью Османъ-паша покинулъ всѣ свои позиціи отъ Гривицы до Зеленыхъ горъ и сосредоточилъ значительнѣйшую часть своей арміи за Видомъ, чрезъ который онъ перешелъ по двумъ мостамъ, по одному старому и другому новому, только что построенному. Онъ взялъ съ собой часть артиллеріи, до трехъ батарей, и обозъ въ пятьсотъ или шестьсотъ телѣгъ, запряженныхъ волами. Онъ успѣлъ переправить на разсвѣтѣ свою армію, артиллерію и часть обоза. Говорятъ, что то обстоятельство, что онъ выступилъ съ такимъ большимъ обозомъ, служитъ доказательствомъ, что онъ ошибся на счетъ численности русскихъ войскъ и считалъ русскую линію, благодаря отсутствію генерала Гурко, очень слабою на Софійской дорогѣ, и думалъ, что другой путь по Виду вполнѣ открытъ. Но можно также думать, что обозъ былъ взятъ для того, чтобы употребить его съ спеціальною цѣлью въ битвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, первое, что увидѣли съ разсвѣтомъ, была линія телѣгъ, придвигающаяся къ намъ сплошнымъ рядомъ по равнинѣ. Ровная, открытая мѣстность представляла всѣ удобства для такого маневра. Турки находились позади телѣгъ, которыя, будучи наполнены багажемъ и всякими другими предметами, доставляли очень хорошую защиту отъ пуль.

Атака была направлена противъ позицій, занятыхъ гренадерами, къ сѣверу отъ софійской дороги, линіи которыхъ тянулись отъ дороги до пункта, противоположнаго Опанецу, гдѣ они соединялись чрезъ Сусурла съ румынами по кривой линіи. Говорятъ, что нападеніе было сдѣлано съ двадцатью тысячами человѣкъ, при чемъ атака велась весьма энергично. Турки, сколько было возможно, шли подъ прикрытіемъ своихъ телѣгъ, а наши войска въ то время изливали на нихъ страшный огонь изъ своихъ берданокъ, едва ли менѣе опасныхъ, чѣмъ ружья Пибоди и начали дѣйствовать по передней линіи гранатами и шрапнелью. Вѣроятно, замѣтивъ, что прикрытіе начинаетъ становиться недостаточнымъ, вслѣдствіе того, что скотъ валился убитымъ или разбѣгался отъ испуга, турки бросились съ криками на линію траншей, занятыхъ Сибирскимъ полкомъ, и влетѣли въ батарею. Сибирскій полкъ сильно пострадалъ. Турки прорвали первое кольцо, задерживавшее ихъ. Еслибъ они пошли впередъ, они нашли бы еще два кольца; но они не успѣли двинуться впередъ. Русскіе почти тотчасъ же оправились. Генералъ Струковъ двинулъ первую гренадерскую бригаду, которая,

подъ начальствомъ генерала Ганецкаго, съ яростью бросилась на турокъ. Началась рукопашная схватка, человѣкъ съ человѣкомъ и штыкъ противъ штыка, продолжавшаяся, говорятъ, нѣсколько минутъ, такъ какъ турки держались за взятыя орудія съ невѣроятнымъ упрямствомъ. Въ этой битвѣ были перебиты почти всѣ турки. Турки во фланкирующихъ траншеяхъ, открытыхъ для русскаго огня, разумѣется, имѣли мало прикрытія и скоро были осилены, а потому начали отступленіе, которое, подъ убійственнымъ огнемъ, посылаемымъ на нихъ, немедленно превратилось въ бѣгство. Нѣкоторые укрылись за сломанными телѣгами и по временамъ отвѣчали на огонь, но большинство устремилось къ крутымъ берегамъ Вида, гдѣ и нашли хорошее прикрытіе отъ русскихъ гранатъ и пуль. Здѣсь, они выстроились за берегами и тотчасъ же начали отвѣчать на русскій огонь. Теперь было уже восемь съ половиною часовъ, и турецкая вылазка была вполнѣ отражена, но битва свирѣпствовала еще въ продолженіе четырехъ часовъ. Потери, понесенныя послѣ этого времени, были не велики съ той и другой стороны, такъ какъ обѣ арміи находились подъ прикрытіемъ. Турки, очевидно, боялись, что русскіе сдѣлаютъ натискъ и оттѣснятъ ихъ въ массѣ къ ущельямъ. Русскіе рѣшились предупредить другую вылазку, и потому обѣ стороны держались его. Въ самомъ дѣлѣ, сперва по всему казалось, что турки сдѣлаютъ попытку, хотя для всякаго, знавшаго крѣпость русскихъ линій и видѣвшаго это дѣло, было очевидно, что прорваться чрезъ эти линіи невозможно, даже еслибъ у Османъ-паши было вдвое больше людей. Въ продолженіе четырехъ часовъ шла свинцовая буря; сто орудій посылали намъ дымъ и огонь. Въ продолженіе всего этого времени мы, съ минуты на минуту, ждали, что та или другая сторона сдѣлаетъ стремительный натискъ. Около двѣнадцати часовъ огонь началъ ослабѣвать съ той и другой стороны, какъ бы по взаимному соглашенію. Потомъ онъ остановился совсѣмъ. Уже неслышно было больше раскатывающаюся треска пѣхоты и густаго рева артиллеріи. Дымъ разсѣялся въ воздухѣ и воцарилось молчаніе. Прошло небольше получаса какъ прекратился огонь, и вдругъ по дорогѣ, ведущей вокругъ скалъ за мостомъ, показался бѣлый флагъ. Плевна пала и Османъ-паша готовился сдаться. —

Продолжительный и громкій крикъ раздался среди нашей арміи, когда показался бѣлый флагъ и было понято его значеніе: это былъ крикъ радости, разносившійся по всей этой печальной равнинѣ и отдававшійся громкимъ эхомъ отъ угрюмыхъ обрывистыхъ скалъ, высѣвшихся надъ этой сценой. Нотка удовольствія, ясно звучавшая въ этомъ крикѣ, ясно показывала, какъ сильно наскучило нашимъ солдатамъ это продолжительное, скучное сидѣніе въ зимніе мѣсяцы, среди снѣга и грязи, вокругъ этого непристу-

пнаго укрѣпленія. Было ясно, что тяжелое бремя спало у всѣхъ съ сердца. Минуту спустя, на мосту показался верхомъ турецкій офицеръ съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ. Онъ поѣхалъ къ командиру гренадеръ, генералу Ганецкому, пробылъ у него съ минуту, и затѣмъ поѣхалъ назадъ. Оказалось, что онъ былъ офицеръ низшаго ранга и вернулся потому, что генералъ Ганецкой сказалъ ему, чтобы былъ присланъ офицеръ въ чинѣ паши для переговоровъ объ условіяхъ капитуляціи.

Въ это время человѣкъ тридцать или сорокъ, во главѣ съ генераломъ Скобелевымъ, стоявшимъ въ это утро на Софійской дорогѣ, поѣхали по дорогѣ къ мосту въ районѣ турецкихъ выстрѣловъ, опасаясь, что турецкіе солдаты стоявшіе кучами по дорогѣ за мостомъ, по утесамъ, свѣсивающимся надъ Видомъ вздумаютъ открыть огонь. Остановившись не въ далекѣ отъ моста, генералъ Скобелевъ и два-три другихъ офицера замахали бѣлыми платками. На этотъ сигналъ дружбы, турки отвѣчали размахиваньемъ большимъ кускомъ бѣлой кисеи, привязанному на палку. Затѣмъ выѣхали впереди два всадника, при чемъ у каждаго былъ въ рукахъ бѣлый флагъ. Переѣхавъ черезъ мостъ они приблизились къ всадникамъ съ Скобелевымъ во главѣ. Произошелъ минутный разговоръ съ переводчикомъ генерала Скобелева, и затѣмъ было сообщено, что выѣхалъ самъ Османъ, и оба всадника ускакали назадъ.

— Самъ Османъ ѣдетъ! — воскликнули всѣ съ удивленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, этого совсѣмъ не ожидали.

— Во всякомъ случаѣ, мы сдѣлаемъ ему почтительный пріемъ, — воскликнулъ одинъ офицеръ въ порывѣ рыцарства.

— Да, мы сдѣлаемъ это, проговорилъ другой, — мы всѣ отдадимъ ему честь, а солдаты сдѣлаютъ на караулъ.

— Онъ, безъ сомнѣнія, замѣчательный воинъ, — произнесъ третій — и оборонялся геройски.

— Онъ величайшій генералъ нынѣшняго вѣка, — сказалъ генералъ Скобелевъ, — такъ какъ спасъ честь своей страны. Я дамъ ему руку и скажу ему это.

Вся мѣстность вокругъ кучки всадниковъ, стоявшихъ у моста была покрыта ужасными остатками битвы. Тамъ и сямъ земля была взрыта взрывами гранатъ. Тутъ лежала лошадь, стонавшая и боровшаяся въ предсмертной агоніи; рядомъ волъ истекалъ молчаливо кровью, его большіе, круглые, терпѣливые глаза смотрѣли какъ-то печально. Тамъ стояла телѣга съ убитой лошадью, лежавшею въ упряжи, какъ она упала, а подлѣ лежалъ турецкій солдатъ съ оторванной головой. Далѣе, другой человѣкъ лежалъ подъ телѣгой, а кругомъ валялись четверо раненыхъ, *смотря*

вверхъ на пасмурное небо или закрывъ свое лицо воротникомъ своей оборванной сѣрой шинели. Ни одинъ изъ нихъ не издавалъ ни одного звука. Они лежали тутъ и переносили свои страданія съ спокойною, непоколебимою стойкостью, вызвавшею слезы на многихъ глазахъ. Тотчасъ за телѣгой почва была изрыта гранатнымъ огнемъ, указывая, такимъ образомъ, какая участь постигла несчастныхъ. Дорога и ея края были мѣстами покрыты убитыми и ранеными турецкими солдатами, волами и лошадьми и разбитыми телѣгами, а въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ къ сѣверу отъ дороги, то именно мѣсто, гдѣ сдѣлавшая вылазку колонна Османа-паши произвела послѣдній натискъ, было буквально покрыто убитыми и ранеными. Наши врачи уже ходили по полю, отыскивая раненыхъ и оказываемая имъ первоначальную помощь въ ожиданіи прихода походныхъ лазаретовъ.

Вдругъ раздались крики: «Вотъ онъ!! ѣдетъ!!!»

Два всадника опять приблизились съ бѣлымъ флагомъ, и лицо, державшее этотъ флагъ, повидимому, было просто рядовымъ солдатомъ. На немъ была феса, длинный, грязный черный сюртукъ и совсѣмъ изорванная обувь. На другомъ всадникѣ была надѣта ярко-красная феса и синій офицерскій сюртукъ. Онъ былъ съ виду опрятенъ и въ чистыхъ перчаткахъ. Онъ былъ сравнительно молодъ, съ круглымъ, румянымъ лицомъ, гладко выбритъ, имѣлъ небольшіе усы, прямой носъ и голубые глаза. На видъ ему было небольше тридцати пяти лѣтъ.

— Не можетъ быть, чтобъ это Османъ-паша? — было общимъ восклицаніемъ.

Дѣйствительно это не былъ онъ, а Тефикъ-бей, начальникъ его штаба. Всѣхъ удивляло, что это лицо, выглядывающее совсѣмъ мальчикомъ, принадлежало правой рукѣ Османа-паши, тому человѣку, которому пришлось играть такое важное участіе въ организаціи и поддержкѣ обороны Османа! Но какъ ни странно, а это было дѣйствительно такъ. Съ нашей стороны всѣ отдали честь, когда подъѣхалъ Тефикъ-бей. Онъ остановился на минуту и молчалъ. Затѣмъ онъ заговорилъ по французски, съ хорошимъ акцентомъ, но медленно, какъ-бы подъискивая слова.

Онъ сказалъ: «Османъ-паша», но потомъ остановился, и прошло по крайней мѣрѣ десять секундъ, прежде чѣмъ онъ окончилъ свою фразу, сказавъ еще одно слово: «раненъ».

Тутъ первый разъ узнали объ этомъ обстоятельствѣ. Всѣ выразили свое сожалѣніе по этому поводу.

— Не опасно, какъ мы надѣемся всѣ? спросилъ генералъ Скобелевъ.

— Я не знаю, былъ отвѣтъ съ паузой.

— Гдѣ теперь находится его превосходительство? былъ слѣдующій вопросъ.

— Вонъ тамъ, отвѣчалъ Тефикъ-бей, указывая на маленькій домикъ, стоящій у дороги какъ разъ за мостомъ.

Потомъ опять наступила пауза, во время которой недавніе грозные противники разсматривали другъ друга, при чемъ Тефикъ-бей глядѣлъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, но очевиднымъ любопытствомъ. Пауза сдѣлалась невыносимою. Турка не спѣшилъ говорить, а наши, очевидно, стѣснялись спросить, не пріѣхалъ ли онъ за тѣмъ, чтобы сдаться; помимо того, тутъ не было ни одного офицера, который имѣлъ бы право договариваться съ нимъ. Положеніе было критическое и затруднительное, хотя въ немъ былъ также и забавный элементъ. Обѣ арміи смотрѣли одна на другую съ разстоянія не болѣе двухсотъ пятидесяти шаговъ съ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ наши войска продолжали постепенно подвигаться къ мосту. Наконецъ генералъ Скобелевъ проговорилъ:

— «Не желаете ли вы кого нибудь видѣть? (пауза) — Съ кѣмъ вы желали бы говорить»? (пауза)—Развѣ что нибудь... (пауза).

— «Что за чортъ, что сдѣлалось съ этимъ человѣкомъ? Почему онъ не говоритъ? сказалъ генералъ по англійски.

Тефикъ-бей продолжалъ оставаться повидимому равнодушнымъ. Его молчаніе, вызвавшее восклицаніе Скобелева, обусловливалось волненіемъ, не смотря на всю выказанную имъ не поколебимую стойкость.

— Здѣсь командуетъ генералъ Ганецкій; онъ сей-часъ прибудетъ сюда, въ случаѣ, если бы вы помышляли говорить съ нимъ, сказалъ наконецъ генералъ Скобелевъ. Тефикъ-бей поклонился.

— Османъ сдѣлалъ славную оборону, сказалъ одинъ офицеръ. Мы высоко уважаемъ его какъ солдата.

Турокъ неподалъ никакого признака, что онъ слышалъ сказанное; его глаза были направлены къ Софіи, какъ будто онъ ждалъ оттуда Мефистъ-Али-пашу, котораго Османъ столько времени ожидалъ. Очевидно было безполезно пытаться вступить въ разговоръ съ этимъ упорно-молчаливымъ человѣкомъ. Скоро прибылъ генералъ Струковъ съ полномочіемъ вступить въ переговоры. Онъ спросилъ Тефика, имѣетъ ли онъ полномочія отъ Османа-паши вести переговоры. Этого полномочія, повидимому, не было.

Я не могу,—продолжаетъ говорить корреспондентъ Daily News, передать всего что говорилось, но окончательнымъ результатомъ было то, что Тефикъ поклонился намъ и ускакалъ назадъ черезъ мостъ. Мы опять начали ждать. Нѣкоторые изъ турокъ на мосту подвинулись впередъ и подошли къ намъ, нѣкоторые съ *ружьями* на плечахъ, а другіе съ ружьями въ ру-

кахъ. Они подходили со всѣхъ сторонъ и съ любопытствомъ разсматривали насъ Тысячи ихъ сидѣли на утесахъ въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, смотря оттуда на насъ спокойно съ ружьями въ рукахъ. Одинъ мѣткій залпъ сильно разрѣдилъ-бы наши русскіе кадры по сю сторону Вида, такъ какъ въ это время собралось тутъ до ста офицеровъ, а капитуляція еще совсѣмъ не была заключена. На высотахъ русскія войска подвигались къ близь стоявшему редуту съ одной стороны, между тѣмъ какъ турки очищали его съ другой. Пріѣхалъ генералъ Радецкій. Путь былъ загроможденъ телѣгами, убитыми лошадьми и волами. Мы осторожно пробрались по мосту и очутились между турокъ. Множество убитыхъ лежало во рву, подлѣ дороги. Нѣсколько раненныхъ тянулось неизвѣстно куда. Послѣ того, какъ мы подвигались впередъ, толпа становилась все гуще. Турецкіе солдаты, съ ружьями и штыками въ рукахъ—люди, въ которыхъ мы и они въ насъ стрѣляли еще два часа тому назадъ, смотрятъ на насъ упорно, нѣкоторые съ какимъ-то дикимъ выраженіемъ; но встрѣчались также и умныя, пріятныя лица, смотрящія на насъ упорными блестящими вопросительными глазами. Генералы Ганецкій, Струковъ и нѣсколько другихъ отправились къ раненому Осману, лежавшему въ маленькомъ домикѣ, выходящемъ на дорогу. Совѣщаніе съ нимъ продолжалось не больше пяти минутъ. Сдача была безусловная, Османъ согласился безъ замедленія, потому что никакого другаго выбора для него не существовало. Чтобы сдѣлать вылазку, онъ долженъ былъ покинуть всѣ позиціи, на которыхъ такъ долго держался и сосредоточить свою армію на Видъ. Потерявъ эти позиціи, онъ терялъ ихъ на всегда, такъ какъ наши войска заняли ихъ почти тотчасъ, какъ только онъ очистилъ ихъ. Онъ спустился въ долину, но здѣсь наши войска стояли на окружающихъ высотахъ съ трехъ сторонъ. Его позиція была подобна позиціи Наполеона III въ Седанѣ. Мы вернулись назадъ за мостъ, а Османъ-паша сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ Плевну.

Нѣсколько минутъ спустя прибылъ Великій князь Николай Николаевичъ съ своимъ штабомъ и произвелъ смотръ войскамъ. Онъ былъ принятъ съ громкими одобрительными криками. Остановившись, онъ сказалъ нѣсколько словъ гренадерамъ, на которыя тѣ отвѣчали оглушительными криками. Затѣмъ мы опять медленно перебирались чрезъ мостъ. Сцена теперь перемѣнилась. Вооруженныхъ турокъ уже было не видно больше. Свиданіе съ Османъ-пашой происходило въ два часа. Теперь было уже три—и турки всѣ сложили свое оружіе. Они буквально исполнили приказаніе, и каждый солдатъ бросилъ свое ружье прямо въ грязь, въ которой онъ стоялъ, когда дошелъ до него приказъ. Почва была усѣяна ружьями

Мартини-Пободи. Дорога была сплошь была покрыта ими и мы ѣхали по нимъ, попирали ихъ ногами нашихъ лошадей и ломали сотни ихъ. Мы тихо ѣхали по Плевнѣ; низкіе холмы направо отъ насъ склонялись къ Кришину, а налѣво лежала долина, позади которой поднимались Опонецкія высоты. Скоро мы подъѣхали къ множеству запряженныхъ волами телѣгъ, составлявшихъ обозъ, который долженъ былъ сопровождать предполагавшуюся вылазку. Тутъ ихъ было, вѣроятно, пять или шесть тысячъ, и я видѣлъ очень много такихъ, которыя, повидимому, принадлежали частнымъ лицамъ, такъ какъ наполнены принадлежностями хозяйства, турецкими женщинами и дѣтьми. Безъ содраганія невозможно было подумать объ этихъ слабыхъ малюткахъ въ поясѣ страшнаго огненнаго кольца, и я съ удовольствіемъ видѣлъ, что ни одна изъ этихъ частныхъ телѣгъ вѣроятно не доходила даже и до моста.

Вдругъ послышались крики: «Османъ». Великій Князь подъѣхалъ къ каретѣ и въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ оба главнокомандующихъ смотрѣли другъ другу въ лицо, не проронивъ ни одного слова. Потомъ Великій Князь протянулъ свою руку и, крѣпко пожавъ руку Османа-паши, сказалъ:

— Поздравляю васъ съ вашей защитой Плевны. Это одно изъ самыхъ знаменитыхъ военныхъ событый въ исторіи.

Османъ-паша грустно улыбнулся, не смотря на рану, кое-какъ приподнялся на своихъ ногахъ, сказалъ что-то, и потомъ снова сѣлъ. Русскіе офицеры всѣ не разъ прокричали «браво!» «браво!» и всѣ отдали почтительно честь. Между ними не было ни одного человѣка, который не смотрѣлъ бы на героя Плевны съ величайшимъ удивленіемъ и симпатіей. Прибывшій князь Карлъ подъѣхалъ, повторилъ почти каждое слово Великаго Князя и точно также пожалъ руку. Османъ-паша снова всталъ и поклонился, но на этотъ разъ въ угрюмомъ молчаніи. На немъ была просторная синяя шинель безъ всякаго наружнаго отличія, по которому бы можно узнать его чинъ, и красная феска. Онъ рослый, крѣпко-сложенный человѣкъ; нижняя часть лица его покрыта короткою черною бородкою безъ проблеска сѣдины. У него большой, римскій носъ и черные глаза. Лицо его мужественное, въ каждой чертѣ его видна энергія и рѣшительность, но въ то же время это лицо усталое, блѣдное, съ линіями, которыя едва-ли были такъ глубоки пять мѣсяцевъ назадъ; взглядъ его черныхъ глазъ грустный, умный и рѣшительный.

Послѣ сдачи, я проѣхалъ среди турецкихъ войскъ, и тогда имѣлъ время внимательно всматриваться въ нихъ. Среди толпы были невыразительныя лица, но было также много бойкихъ лицъ, въ глазахъ которыхъ

не было убійственнаго блеска. Солдаты всѣ имѣли грязныя черныя шинели съ башлыками на головахъ и оборванною обувью. Они были изнурены и большею частію оборваны, но въ нашихъ глазахъ каждый изъ нихъ былъ герой, при воспоминаніи эпизодовъ продолжительной обороны Плевны до послѣдней отчаянной борьбы, имѣвшей цѣлію прорвать желѣзное кольцо.

2-го декабря жители города Плевны были вторично осчастливлены пріѣздомъ Государя Императора. Жители встрѣтили Его Императорское Величество съ хоругвями и крестами; дѣти пѣли гимны; народъ усыпалъ путь Государя Императора миртовыми вѣтвями. Депутація женщинъ привѣтствовала Государя Императора прочувствованною рѣчью на русскомъ языкѣ. Въ память незабвеннаго пребыванія Его Императорскаго Величества въ пострадавшемъ городѣ, жители Плевны постановили основать въ немъ гимназію и особымъ адресомъ просить позволенія о наименованіи ея священнымъ именемъ Царя-Освободителя.

Когда я ѣхалъ по склону горы на востокѣ отъ Плевны, по направленію къ редуту, защищающему дорогу между этимъ городомъ и деревней Радишевомъ, мнѣ представилась страшная картина. Сотни русскихъ скелетовъ валялись на склонахъ горы, гдѣ они пали во время августовскаго приступа. Кости были совсѣмъ голыя. Трупы, лежавшіе поближе къ турецкому укрѣпленію, были покрыты слегка землею, которая была размыта первымъ ливнемъ, и теперь они лежали обнаженными, какъ и другіе. Турецкіе аванпостныя ямы находились среди этихъ скелетовъ, многія изъ нихъ были въ разстояніи не болѣе одного шага. Не смотря на заразительное сосѣдство этихъ страшныхъ человѣческихъ остатковъ, на нихъ не было брошено ни одной лопаты земли. Какъ ни можетъ это показаться страннымъ, но многіе изъ этихъ скелетовъ имѣли ясное выраженіе, и по расположенію, въ которомъ они пали и по положенію ихъ костевыхъ челюстей. Сидя на лошади и смотря на это ужасное зрѣлище, я могъ различить павшихъ безъ страданій, отъ лицъ, умершихъ въ агоніи, и дѣйствіе было таково, что я его никогда не забуду. Русскіе солдаты, вступившіе въ Плевну въ тылу дѣлавшаго вылазку отряда Османъ паши, прошли среди этихъ останковъ своихъ непохороненныхъ товарищей, но у нихъ не проявилось желанія положить какое нибудь наказаніе на людей, которые могли поступить такъ безсердечно съ останками своихъ храбрыхъ враговъ. Болгарское кладбище на этой дорогѣ, вблизи города, пострадало отъ русскаго бомбардированія больше, чѣмъ какая либо другая часть турецкой позиціи: значительная часть надгробныхъ камней была разбита на куски гранатами. Вступивъ въ самый городъ, я удивился, найдя его столь мало поврежденнымъ канонадой. Улицы и дома имѣютъ такой же видъ, какъ и во всѣхъ

другихъ турецкихъ городахъ: первыя извилисты, узки, плохо вымощенны, а послѣднія темны и вообще неудобны. Полдесятка минаретовъ и одна большая болгарская церковь — вотъ и всѣ духовныя зданія. Ни одна изъ мечетей не была повреждена гранатами. Болгары стояли у своихъ дверей и здоровались съ каждымъ проходящимъ. Вскорѣ послѣ сдачи Османа, по мосту черезъ Видъ, на софійской дорогѣ, прошли назадъ въ городъ 15,000 плѣнныхъ съ артиллерійскимъ и транспортнымъ обозами. Эти трофеи были взяты правымъ крыломъ русскихъ силъ. Другіе плѣнные были уведены въ гвардейскій лагерь и къ румынамъ. Они были охраняемы русскими и румынскими солдатами. Турки, повидимому, хорошо продовольствовались, но всѣ вообще оборваны и всѣ носили сандаліи. Сапогъ не было видно, хотя у большинства были шинели. Они, повидимому, не сожалѣли о своей участи, и многіе изъ нихъ отвѣчали добродушно на замѣчанія, обращенныя къ нимъ сопровождавшимъ ихъ румынскимъ врачемъ. Среди нихъ были сотни лошадей, принадлежащихъ кавалеріи и артиллеріи, и многія изъ турецкихъ семействъ города толпились кучками у транспортныхъ телѣгъ. Раненые начали прибывать вскорѣ послѣ полудня, но они не всѣ были собраны въ этотъ день. Эта часть плѣнныхъ была сгруппирована въ долинѣ около города густою массою, покрывавшею нѣсколько акровъ пространства. Тутъ взадъ и впередъ бродили русскіе и румынскіе солдаты большими толпами съ турецкими ружьями, саблями, револьверами и старыми пистолетами.

Въ полдень, 3-го декабря, Императоръ прибылъ на редутъ, защищающій подступъ къ Плевнѣ по Гривицкому шоссе, въ сопровожденіи своей свиты и иностранныхъ уполномоченныхъ. Великій Князь ожидалъ Его Величество, Который прибылъ въ одной каретѣ съ княземъ Карломъ румынскимъ. Подходя къ Великому Князю Николаю, Императоръ замахалъ по воздуху своей фуражкой и воскликнулъ «ура!» самымъ сердечнымъ образомъ. Великій Князь приблизился и отдалъ честь; Его Величество поцѣловалъ его и надѣлъ ему на шею орденъ св. Георгія. Затѣмъ Онъ пожаловалъ ордена генераламъ Тотлебену, Имеретинскому, Непокойчицкому и Левицкому. Вчера, Онъ пожаловалъ, также князю Карлу румынскому орденъ св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ отслуженъ былъ молебенъ, послѣ котораго всѣ отправились верхомъ въ Плевну, направляясь по наиболѣе малолюднымъ улицамъ. Въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ высокою каменною стѣною, былъ приготовленъ завтракъ, послѣ котораго вдругъ воцарилась тишина, и Османъ-паша былъ внесенъ на дворъ, чрезъ калитку, однимъ казацкимъ офицеромъ и однимъ изъ его собственныхъ служителей. Когда его проносили по толпѣ штабныхъ офицеровъ, каждый изъ нихъ

отдавалъ ему честь и восклицалъ: «браво Османъ». Потомъ онъ былъ внесенъ въ комнату, въ которой находился Императоръ, который пожалъ ему руку и сказалъ, что, во вниманіе къ его храброй оборѣ Плевны, Онъ приказалъ возвратить ему его шпагу, которую онъ можетъ носить. Затѣмъ Османъ былъ вынесенъ и посаженъ въ карету, среди продолжительныхъ одобреній русскихъ штабныхъ офицеровъ, на которыя онъ отвѣчалъ улыбками и поклонами. Рана его не серьезна, такъ какъ кость не повреждена, но онъ не можетъ ходить.

Трофеями нашими при взятіи Плевны были: 77 орудій и болѣе 40,000 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ 10 пашей.

Такая блестящая побѣда, какъ результатъ прекрасно поведенной осады Плевны, вести которую поручено было генералу Тотлебену, слѣлала его имя еще болѣе популярнымъ во всемъ свѣтѣ, и въ его вѣнокъ славы вплетена новая лавровая вѣтвь.

Передаемъ затѣмъ біографическія свѣдѣнія о генералѣ Э. И. Тотлебенѣ. Сынъ негоціанта, Эдуардъ Ивановичъ родился въ Митавѣ 8 мая 1818 года и воспетывался въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ. Окончивъ здѣсь курсъ наукъ, началъ службу въ чинѣ подпоручика въ русской инженерной командѣ. Переведенный вскорѣ въ гвардейскій саперный батальонъ, онъ уже тамъ успѣлъ обратить на себя вниманіе своими практическими занятіями, но дѣйствительно боевая дѣятельность началась для него съ 1848 года на Кавказѣ. Находясь при дагестанскомъ отрядѣ, онъ много разъ имѣлъ случай выказать свои военныя способности и за дѣло при аулѣ Гергебилѣ былъ награжденъ чиномъ капитана, за отличіе при бомбандировкѣ аула Чоха пожалованъ золотой полусаблей, а за штурмъ Максинжинскихъ заваловъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ 1850 году онъ вступаетъ на службу во 2 саперный батальонъ, подъ руководство талантливаго Шильдера и дѣлается его любимымъ адъютантомъ Въ началѣ восточной войны 1854 года, Шильдеръ, уѣзжая на Дунай, беретъ его съ собою. Эдуардъ Ивановичъ становится самымъ ревностнымъ исполнителемъ всѣхъ его распоряженій и плановъ, какъ извѣстно отличающихся иногда необычайною смѣлостью. Здѣсь Эдуардъ Ивановичъ принимаетъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ на Дунаѣ, при Силистріи, при Туртукаѣ и Калафатѣ. Трудился онъ надъ наведеніемъ моста съ острова Голога на правый берегъ Дуная, состоялъ траншей-маіоромъ при осадѣ Силистріи, а впослѣдствіи завѣдывалъ осадными работами лѣваго фланга и центра и, сверхъ того производствомъ всѣхъ минъ. 3-го августа 1854 года Эдуардъ Ивановичъ командированъ былъ княземъ Горчаковымъ въ Крымъ и вскорѣ пріобрѣлъ полное довѣріе

и уваженіе своего новаго начальника, князя Меньшикова, который на первыхъ же порахъ оцѣнилъ его любознательность, серьезныя знанія и любовь къ инженерному дѣлу. Непріятельскій флотъ съ дессантомъ тогда еще не появлялся въ виду Севастополя, но тѣмъ не менѣе оборонительная линія была уже сомкнута и вооружена, а Тотлебену удалось закончить эти укрѣпленія, придать имъ такой грозный видъ, что союзники, высадясь на берегъ, не рѣшились атаковать ихъ немедленно, а предпочли начать правильную осаду. Съ этой минуты Эдуардъ Ивановичъ отдалъ всецѣло всѣ свои дни и ночи великому дѣлу обороны. Даже ночныя вылазки производились подъ его наблюденіемъ и подъ его же надзоромъ размѣщались передовые пикеты. Онъ же открылъ контръ-минныя работы и велъ ихъ безостановочно до конца осады, надѣлавъ ими много вреда и хлопотъ союзникамъ. Въ то же время на него была возложена постройка многихъ редутовъ и баттарей и только отчаянность борьбы на жизнь и на смерть могла дать человѣку силы выносить на себѣ всю тяжесть безпрерывныхъ трудовъ и подвиговъ. Но заслуги Эдуарда Ивановича не остались безъ справедливой оцѣнки, и Государь, узнавъ о нихъ, наградилъ его истинно по-царски: такъ, въ маѣ 1855 г. Тотлебенъ, за отличіе, произведенъ былъ въ генералъ маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, и за необыкновенныя воинскія заслуги, оказанныя при оборонѣ Севастополя, Высочайше было повелѣно начертать имя его на мраморной доскѣ Николаевскаго инженернаго училища. Кромѣ того, въ концѣ осады Тотлебенъ получилъ орденъ св. Георгія 3 класса и затѣмъ велѣно ему отпускать въ теченіе 12 лѣтъ вмѣсто аренды по 1,000 руб. въ годъ.

Эдуардъ Ивановичъ остался до конца осады вѣренъ своему посту и, не обращая вниманія на глубокую рану правой ноги, прострѣленной штуцерной пулей, по прежнему распоряжался оборонительными работами до самаго отступленія нашихъ войскъ на сѣверную сторону, т. е. до 28-го августа 1855 года. Пожалованный въ званіе генералъ-адъютанта, Тотлебенъ въ ноябрѣ того же года былъ назначенъ помощникомъ, а съ 1863 года товарищемъ Е. И. Высочества генералъ-инспектора по инженерной части. Въ мирное время Эдуардъ Ивановичъ не покидалъ любимыхъ своихъ занятій и нѣсколько разъ ѣздилъ за границу, чтобы ознакомиться съ иностранными фортификаціонными работами. Въ этотъ же періодъ времени вышло въ свѣтъ его замѣчательное сочиненіе: «Описаніе обороны Севастополя» съ атласомъ объяснительныхъ чертежей. Нынѣ Эдуардъ Ивановичъ опять на столь знакомыхъ ему берегахъ Чернаго моря и нѣтъ сомнѣнія, что его талантливость и опытность въ сооруженіи укрѣпленій могутъ обезопасить города нашего южнаго побережья отъ внезапнаго напа-

денія непріятеля, и заставятъ его держаться отъ нихъ въ почтительномъ отдаленіи.

Тотлебенъ имѣетъ слѣдующія ордена: русскіе—св. Георгія 4 ст.; св. Георгія 3 ст.; св. Станислава 1 ст.; св. Анны 1 ст.; Бѣлаго Орла.; св. Александра Невскаго; алмазные знаки къ этому ордену; св. Владиміра 1 ст. Кромѣ того онъ получилъ въ 1848 г. золотую медаль за храбрость, а въ 1854 г. знакъ ордена безпорочной службы за 15 лѣтъ. Иностранные: нидерландскій—Вильгельма; прусскій — Краснаго Орла 1 ст. съ мечами; бразильскій—Роза; испанскій—Изабеллы; большаго креста; бельгійскій—Леопольдъ, большаго креста; персидскій — Льва и Солнца 1 ст.; прусскій—Pour le mérite и австрійскій—Леопольда, большаго креста.

Генералъ-адъютантъ А. А. Непокойчицкій.

Начальникъ штаба дѣйствующей арміи.

Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій, сынъ предводителя дворянства Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, родился 8-го декабря 1813 года. Онъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ и окончилъ тамъ курсъ наукъ съ отличіемъ. Свою службу началъ тотчасъ по выходѣ изъ корпуса въ 1832 г. офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку и въ томъже году поступилъ въ военную академію. Окончивъ въ послѣдней курсъ, онъ, въ 1835 году, былъ назначенъ офицеромъ генеральнаго штаба въ 5-й пѣхотный корпусъ, гдѣ служилъ при Н. Н. Муравьевѣ и графѣ Лидерсѣ; вмѣстѣ съ послѣднимъ Артуръ Адамовичъ раздѣлялъ трудныя минуты, проведенныя въ южной арміи и въ Крыму.

Въ 1841 году Артуръ Адамовичъ перешелъ на службу на Кавказъ. Тамъ онъ участвовалъ въ трехъ походахъ противъ горцевъ. Уже въ первой компаніи онъ отличился, когда было взято и разрушено нѣсколько ауловъ, а также при вторженіи нашихъ войскъ въ одно изъ наиболѣе воинственныхъ чеченскихъ племенъ. Во второй походъ въ 1843 году Артуръ Адамовичъ состоялъ въ дагестанскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ графа Лидерса и на этотъ разъ выказалъ необыкновенное мужество при овладѣніи Ахтынской переправою и переходѣ черезъ рѣку Сулакъ подъ огнемъ непріятеля, а также отличился въ происходившей вслѣдъ затѣмъ жаркой битвѣ въ аулѣ Гертмѣ, противъ многочисленныхъ скопищъ горцевъ, обращенныхъ въ бѣгство, за что получилъ нѣсколько наградъ. Наконецъ, въ третьей изъ этихъ компаній, участвуя въ составѣ чеченскаго отряда, онъ сражался нѣсколько разъ противъ знаменитаго Шамиля, укрѣплявшагося по большей части на высотахъ Азанъ. За свою непоколебимую храбрость, кавказскій герой былъ

Начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ

А. А. НЕПОКОЙЧИЦКІЙ.

(Съ фотогр. Левицкаго, рис. П. Ф. Борель, грав. Ю. Барановскій).

награжденъ въ эту кампанію тремя орденами и удостоился именнаго Монаршаго благоволенія.

Будучи полковникомъ, Артуръ Адамовичъ участвовалъ въ венгерскомъ походѣ. Занимая должность начальника штаба отряда войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, онъ выступилъ изъ Бухареста въ Трансильванію противъ венгровъ. Здѣсь онъ отличился при взятіи съ боя непріятельскихъ укрѣпленій въ Телишскомъ и Ротентурмскомъ ущельяхъ, при занятіи городовъ: Кронштадта и Германдштадта и въ битвѣ при Сегезварѣ, окончившейся совершеннымъ пораженіемъ венгровъ. За венгерскую кампанію полковникъ Непокойчицкій былъ произведенъ въ генералы, получилъ пять именныхъ благоволеній отъ Государя и орденъ св. Станислава 1-й степени. Кромѣ того, австрійскій императоръ пожаловалъ его орденомъ Желѣзной короны 2-й степени. Въ лѣтописяхъ славныхъ подвиговъ пятаго корпуса на Кавказѣ и въ Трансильваніи, имя генерала Непокойчицкаго, какъ ближайшаго сподвижника графа Лидерса, красуется рядомъ съ именемъ послѣдняго.

Второй періодъ боевой дѣятельности доблестнаго генерала наступилъ въ 1853 году, когда началась война съ Турціей. Въ составѣ 5-го пѣхотнаго корпуса, онъ участвовалъ въ этой войнѣ подъ начальствомъ графа Лидерса и отличился въ ней: при канонадѣ у селенія Сатулова, при переправѣ черезъ рѣку Прутъ, при занятіи острова Бындая, при дѣйствіи противъ Браиловскаго редута и противъ укрѣпленій, возведенныхъ на правомъ берегу Дуная, у Браилова, при движеніи подъ выстрѣлами непріятеля въ Гарвану, при устройствѣ мостовъ у Браилова и Галаца, при взятіи города Мачина, при занятіи высотъ, окружающихъ островъ Гарлицъ, въ кавалерійской стычкѣ близь этой крѣпости и при ея осадѣ, наконецъ, въ особенности, подъ Силистріей. Генералъ Непокойчицкій отбилъ отчаянную непріятельскую вылазку, производя рекогносцировку вблизи этой крѣпости, подъ сильнымъ и постояннымъ огнемъ крѣпости и передовыхъ укрѣпленій. За военные подвиги, совершенные Артуромъ Адамовичемъ втеченіе этой кампаніи, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами, а также золотою саблей, украшенной бриллiантами. Послѣ того въ званіи начальника главнаго штаба, онъ сражался въ Крыму противъ союзныхъ войскъ Турціи, Англіи, Франціи и Сардиніи. Впродолженіи всей своей боевой дѣятельности, онъ не былъ ни разу раненъ. Ему теперь 64-й годъ, но онъ еще бодръ и пользуется здоровьемъ.

Втеченіи послѣднихъ лѣтъ, генералъ Непокойчицкій состоялъ въ должности предсѣдателя военно-кодификаціонной коммиссіи, въ которую посту-

пилъ еще въ 1869 г. Кромѣ того, онъ былъ съ 1864 года членомъ военнаго совѣта, а въ 1868 г. произведенъ въ генералы отъ-инфантеріи. Въ настоящее время Артуръ Адамовичъ состоитъ начальникомъ штаба дѣйствующей южно-дунайской арміи, и, какъ показали событія, нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Какъ при началѣ войны, когда наша армія совершила блистательный переходъ черезъ Дунай, такъ и во всемъ послѣдующемъ видѣлись разумныя распоряженія. Когда, затѣмъ, русская армія должна была пріостановить наступательныя дѣйствія, чтобы сломить упорство турецкой арміи Османа-паши, укрѣпившейся въ Плевнѣ, то и тутъ Артуръ Адамовичъ проявилъ свои знанія, свой умъ и недюженныя способности. Не его вина, если атаки, столь энергично веденныя противъ Плевны, окончились не такъ удачно, какъ это было желательно; будущее покажетъ въ чемъ заключались ошибки наши во время этихъ памятныхъ аттакъ, а теперь пока извѣстно, что Артуръ Адамовичъ не раздѣлялъ общаго мнѣнія о необходимости приступить къ третьей аттакѣ. Въ предпринятомъ затѣмъ систематическомъ обложеніи Плевны, обложеніи, вызвавшемъ сдачу арміи Османа, Артуръ Адамовичъ является однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей; вотъ почему эта надежная твердыня турецкихъ войскъ пала передъ несокрушимою твердостью русской арміи. Артуръ Адамовичъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 степени. Эта высокая награда свидѣтельствуетъ лучше всего, сколько труда потребовалось отъ Артура Адамовича, какъ начальника штаба, чтобы предпринятое рѣшеніе понудить Османа-пашу склониться передъ силою русскаго оружія— увѣнчалось успѣхомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

2007099001